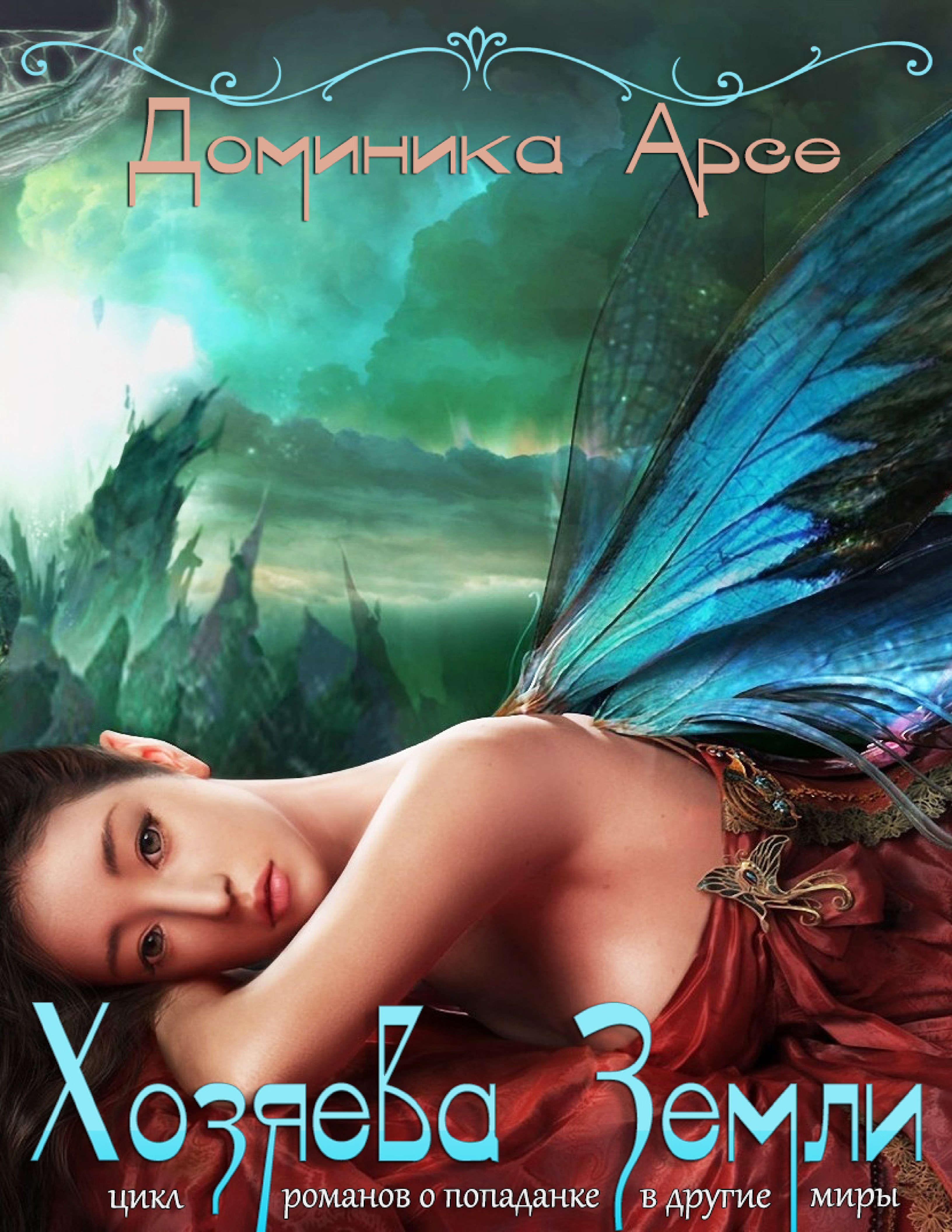

Доминика Арсе
Хозяева Земли
цикл романов о попаданке в другие миры

Доминика Арсе
Хозяева Земли

Пролог

Мое имя Валерия. Так случилось, что я попала в другой мир. Он прекрасен, потому что в нем велико и красочно все лучшее, тогда как худшее – ничтожно мало. Хотела бы лично спросить кое – кого, почему именно люди и им подобные являются худшим проявлением природы по мнению создателей иного мира…

Я скучаю по любимому и помню.

Красота – пыльца
Сложно создать
Легко испортить
Но красота
Всего лишь пыльца
А Душа – крылья
Летать можно
И без пыльцы.

Эрей Авель

Прежде чем говорить о другом мире, хотела бы рассказать, с чего все началось. Заодно поведать немного о своей обыденной жизни, как закалялась в боях, и что из этого всего вышло.

Глава 1
Гиганты с небес

Московская область. За месяц до путешествия.

Я – корова. Смотрю на себя в зеркало и думаю… Нет, ну та ещё корова, невозмутимо жующая траву на поляне, несмотря на приземление НЛО.

Быть может странно, но полнота меня волнует больше, чем нагрянувшие прямо на головы москвичам инопланетяне!

Однако, спокойствие! Нас никто не собирается захватывать. Ну… будем на это надеяться.

– Мааа?! – Кричу из своей комнаты протяжно.

– Да, доченька? – Раздалось из гостиной.

– Завтра я с ночевкой к Светке, – говорю, затаив дыхание.

– К отцу с такими вопросами, – обрубает мама.

– Он завтра дежурит, все равно не узнает.

– К отцу.

– Я вымою всю квартиру, – заявляю, скрипя зубами. На какие только жертвы не идешь ради свободы!

– Телефон мне Светиной мамы и адрес, – сдается мама.

Ага, адрес. Скажи ей про коттедж, придется драить квартиру весь год, ибо мама поймет, что продешевила.

– Давай Светин номер дам?

– Нет уж, матери ее…

Фыркаю себе под нос. Не выкрутиться.

Вечером со службы возвращается отец. Как всегда, взмыленный, потому что китель шерстяной даже летом носит. Бегу обниматься, ритуал с детства неискореним.

– Ты моя пуговка, – целует меня в лоб.

Я вся в него, толстая и в меру некрасивая.

Младшая сестра сидит в гостиной с ноутбуком. Ей плевать на все, что вне браузера. Она и внешне не в папу. А в нашу худенькую, стройную блондинку маму. А я – толстяк, отцовские гены восторжествовали. Не слишком уж, но мы к этому стремимся.

– Поросеночек ты мой, – продолжает папа без зазрения совести. Убила б, когда при соседях на улице так.

Любит он меня больше младшей. А той и не надо. Колючая сестренка у меня. Не любит телячьих нежностей. Сучку из себя даже дома строит.

Садимся за стол. Втроем. Без Алины, та в своем ноутбуке переписывается с красивыми мальчишками. В блогах обитает. Задница выпяченная и губки «пю» – это каждая вторая фотка у нее в соцсети. А еще эта засранка любит фотографироваться со мной! Дабы подчеркнуть контраст.

Я не урод, и не унылое, так сказать. Но у меня на лице шрамик есть некрасивый, у левого глаза. Не будем об этом. Вполне счастлива, есть даже парень, непутевый, но хороший, для поцелуев сойдет. В кино иногда ходим, по паркам гуляем и на лавочках сидим. Нравятся мне другие… Что есть, то есть. Главное, чувствую себя настоящей девушкой, когда он рядом. А не поросенком и пуговкой.

А папулю люблю, он же с добротой и искренностью выдает мне правду жизни.

– Эклеры купил?! – Спрашиваю и вижу, что нет.

Пакетика бумажного с красным цветочком не наблюдается. А так хотелось на язычок прохладненького крема и хрустящей корочки.

– Ой, Лерочка не до того было, прости, прости.

– Торт есть, – с неким укором произносит мама.

– Половина уже съедена Леркой! – Кричит пакость по имени Алина. Ей когда надо, она все слышит.

– Я выложу фотки с пляжа, – гнусавлю в ответ.

– Только попробуй! – Визжит сестра. Она была там некрашеная. Я бы давно это сделала. Вот только и у Алинки есть на меня компромат

в виде случайных кадров, как ем свои любимые эклеры, что папа не привез сегодня!!

Семейный ужин. Смотрим с мамой на папу, да что так скромно? В рот ему заглядываем!

– Ну что там?! – Не выдерживает мама.

Отец в штабе военной части работает. Целый подполковник! Все знает, самую свежую и правдивую информацию. Это пусть Алинка из соцсетей свой блондинистый мозг забивает. Там чуши много: «инопланетяне уже захватили Москву», или: «Моего парня похитили», а вот хлеще: «У меня соседку бабу Нюру сожрали». Да кто ж ее, горькую, кислую есть станет?!

– А что сказать, девочки мои? – С набитым ртом говорит папочка. – Ходят себе по улицам, никого не трогают. В контакт с властями не вступают. Кордоны полицейские в Москве походили, походили, да толку никакого. Стоит напор показать или силу, шар сразу возникает и уносит их к небу. Мирные попались инопланетяне. Им на людей поглазеть, себя показать...

– Ой, дожили. А что они говорят? – Ахает мама.

– Молчат, улыбаются, – пожимает плечами отец.

Немного об инопланетянах. Раз уж речь зашла, несмотря на то, что меня больше волнует неубранная квартира. Отец поначалу много рассказывал. А теперь совсем скупо.

Помню день их прибытия. Мы ж живем в городке маленьком. До Москвы километров тридцать. Но даже на таком расстоянии все ощутили.

– Шар прямо с неба большой спустился! – Рассказывал отец, давясь борщом. – И завис над городом. Наши РВСНщики чуть богу душу не отдали! Дежурных на «зонтиках» столько поседело!

Средства массовой информации тогда просто разорвало. Репортеры взахлеб тараторили о случившемся. Передавали общественности съемки этого шарика, размером с площадь. Он и завис – то, где самолеты летают. Помню лысого «филина», в смысле – ученого в очках, что картаво распинался перед репортерами,

рассказывая высоту и природу явления. Мол, это феномен природы, Николу Теслу приплел. Высота десять тысяч метров тогда была озвучена. На ней и висел шарик прямо над Москвой. Посылали туда какие – то беспилотники, а оно, как об стенку горох. Поле энергетическое – некоторых потом осенило.

А на дворе лето, и так небо яркое. А тут еще два светила: Солнце и это, синевато – голубоватое. Потом раздвоился шар как – то непонятно, стало два шарика: синий и зеленый.

Инопланетяне себя ждать не заставили. Вышли в массы дней через пять, будто туристы приехали. Белым днем! Ох, а какие они?! Да обычные люди на вид, вот только в полтора раза крупнее, если не в два. Я по школе математичка еще та, скажу языком математики: коэффициент один семьдесят пять. Во! Все на него умножить надо: голову, руки, ноги, тело. И выйдет целый трехметровый человечек.

Странность одна есть. Их нельзя сфотографировать. Любой, кто это делает, получает разочарование. На снимках вместо них пустое место! Будто прозрачные они. Но визуально – то нет. Существа видимые. Ах, и говорят, такие красавчики! Да одеты, будто каждый индивид великий князь сия Руси: кафтаны расписные, узоры шитые. Сами златовласые. Это все из соцсетей описания. Только текст! Фотографий нет!

Если б не показывали шары летающие, не поверила б вообще. Но первый канал переубедил, там врать не станут.

Сижу за компьютером, в соцсети на страничке моей мышь повесилась. Я никого не интересую. Даже собственного парня. А Кирюша, гаденыш такой, онлайн! И до сих пор мое сообщение не прочитал.

С щемящим сердцем скольжу по странице парня моей мечты. Нет, не Кирилла. А Станислава Егорова.

В животе вспорхнуло, как вспомню его глубокий, сильный взгляд.

Эх, выдыхаю дрожащими губками… Стас… Так, новые фото: девочка старая, друзья с ним веселятся, за городом они. На карьер, значит, ездил… Как же хочется лайк поставить и комментарий

написать, какой он все – таки классный. Обожаю его, веселого, умного, глазки голубые – голубые, как небо ясное, бровки красивые такие, прямые, как у песика. А фигура, ой – ей – ей. Он же спортом занимается, бегает, боксом еще, наверное… в перчатках его видела. А фотографии с похода, где он в экипировке горной, вообще сводят меня с ума. Он – парень с обложки журнала. И такой добрый, никогда не говорил обо мне плохо. У нас городок – большая деревня. Все друг друга знаем. Виделись, пересекались. Так вот он – мой идеал. С эклерами на одном уровне практически по соблазну моей пышной души.

Помечтали и хватит. У меня Кирилл есть, он парень достойный. Худенький правда, щупленький, ростом не высок, но руки у него сильные, колеса катает и ключами разного калибра машет. А глаза карие с отблеском голубого, красивые такие, смотрятся диковато немного. Сам темненький. Его иногда кавказцы за своего принимают.

Брякнуло оповещение. От Светы пришла весточка.

– Полюбому подруга, – роняет насмешливо Алинка со своей кровати. Развалилась с ноутбуком и подкалывает, мол вряд ли парень написал.

Молчу. Читаю:

«Родители сваливают. Это сто процентов уже. Бери своего парня. Будет весело, нашла погреб».

– О! Ну дела, – из – за плеча раздается. Алинка подлезла незаметно и тоже прочитала, вот мелкая дрянь!

– Вякнешь родителям, я тебя сдам, – рычу на нее, повернувшись. Стоит в одной майке коза моя младшая. Специально ляжки выставила, чтобы завидовала ей.

– Что со своим целовалась? – Отмахнулась Алина. – Мама в курсе. Это не возбраняется, особенно с таким красавчиком.

– А то, что он тебя лапал?

– За задницу – то, – прыснула Алина. – Так за такую грех не полапать. Завидуй молча.

Хочется гадость сказать. Но знаю, чем закончится – дракой… В одной комнате живем. Деваться все равно некуда. Воевали мы как – то, я ей ноут испортила, она мне комп. В итоге досталось обеим. Расходы – то родителям нести.

Я, как студентка четвертого на дневном обучении, еще ничего не зарабатываю, стипендия проматывается за первых два дня. Обычно долги раздаю. А Алинка еще в школе учится, ей всего – то четырнадцать. А за задницу уже лапают! Знаю я этого лапающего шпенделя, на первом курсе учится, вечно пары прогуливает.

Пишу Светке, улавливая каждый шорох за спиной, дабы малолетний нос не клюнул в монитор:

«А сколько будет народа?»

«Все», – приходит ответ. Вдыхаю холодеющей грудью, прям волнительно так. Последний раз пила в коллективе на выпускном, и то, чуть – чуть, под строгим контролем отца, нависшего сверху. Что ж за повод?!

Хотела написать Кириллу своему. Но в пору и обидеться. Молчит, ни слова. А я вроде как девушка. Первой сигналить неприлично. Лайк поставлю какой – нибудь нейтральный на его стенке. Впрочем, нет.

Написала зараза блудная уже ближе к ночи, когда я собиралась выходить из сетевого мира.

«Завтра вечером у Светы Костенко», – настрочила Кириллу в ответ.

«Ок».

«Доброй ночи»

«Доброй…»

Вот и поговорили. Я может и дура. Но холод его чувствую. Хочется верить, что просто устал мой хороший. Знаю, что в сервисе работает пока каникулы. За это уважаю. А вот шпендель Алинкин тот еще мажор! Он ей браслет серебряный подарил. Она его прятала от родителей, пока тот не почернел, теперь носит, выдавая за бижутерию.

Просыпаюсь утром. Алинка дрыхнет, и будет до обеда спать. Она с ноутбуком обычно часов до трех. Раньше ругались по этому поводу, засыпать при свете неудобно. А еще от пыли в кулере он у нее гудит, скорее бы сгорел. Ага… Чтобы мама купила доченьке новый.

С утра меня будит кошка. Она приходит именно ко мне. Знает, что я добрая и ласковая, а может, пытается сказать: прекрати жрать эклеры! Мяу!! Багира и сама не прочь слупить крем из кондитерского изделия, сколько ни давай, поглощает все. Она у нас сластена.

Прижимаю этот мягкий урчащий комок. Мы две сони. Хочется упасть и заснуть на второй круг. Но я обещала прибраться в квартире! А это надо сделать часов до шестнадцати. А потом начать приводить себя в полный порядок, гладиться, краситься, волосы, кстати, не мешало бы помыть.

Сегодня особенная ночь. У Светы трехэтажный дом! И бассейн есть, но его наличие меня не особо радует. Как не крути, тела своего стесняюсь. И если… если у нас с Кириллом сегодня будет. То это будет в кромешной тьме и наощупь.

Уходя на дежурство, отец посмотрел на меня с подозрением, ибо зарядила пылесос. Но ничего не сказал.

Маме дала номер Светы, та проверять не стала. Главное вырваться, и будь, что будет. Должен же быть отрыв за эти каникулы, хоть какой-нибудь?! Через неделю начинается учебный год. Четвертый курс института. Снова видеть эти лица, мало кого из людей люблю. Их подлые душонки читаю и знаю, кто на что падкий. Я, конечно, общительная и весела толстушка. Добрая, всем так и говорю: хорошего человека должно быть много. Но самой на душе кошки скребут.

Они не искренни и я. Обижали меня в детстве много. Закрылась от всех. Переболело, теперь проще ко всему отношусь.

После полудня пришел Макс, он же шпендель Алинин.

– Стой в коридоре, – рычу, обливаясь потом и выжимая тряпку. – Только помыла.

– Ни че так смотришься, – смеется Макс.

Вода с тряпки бежит грузно…

Опомнилась! Я ж без лифа! Одна только майка. Смущение приходит мгновенно. Парень Алинки тоже хорош, знает себе цену. Мажорчик.

Подмигивает зараза. Первокурсник, а ведет себя, как выпускник института!

Алина в короткой юбке, что белые трусы мелькают, помчалась с ним гулять. Через открытое окно слышу, как на улице зарычал мопед. На озеро собрались, не иначе. Ну, ничего, и я оторвусь. Долго держалась в целомудрии. Хватит быть паинькой.

Погреб, погреб, что ж там, Светка откапала?! Алинка свалила, мне это и нужно. Косметика у нее хорошая…

* * *

Вечер. Косметических дел я не мастер. Но у меня есть два учителя: Алинка и блогер, просто блогер. Видеоблоги учат минут за десять тому, что сам познаешь годами.

Прихорошилась я аккуратно. Не увлекалась этим делом, а то мама может заподозрить неладное. Хоть я девочка и большая, но у нас в семье принято так: пока ты живешь с родителями, отвечают за тебя родители. Вернее, пока замуж не вышла. А как тут выйдешь, если разведки боем нету?! Так папа мой любит выражаться. Я и сама вся военизированная, даже стрелять папа учил. Сколько гоняла на полигон и стрельбище. Да и мотались по гарнизонам немало, переезжая с папочкой к новым местам службы. Это Алинка мелкая была, мало что помнит, а я вот уже намучилась. Пять школ, и везде становление в коллективе болезненное.

Дети… они злые. И взрослые тоже злые, только меньше плетут и выливают наружу. Думают, прежде чем вякнуть.

Больнее всего было, когда поняла, что изгой я в некотором роде. Сколько раз от меня подруги сторонились. Что ни тусовка, сразу фразы в воздухе витают «Лерку только не берите» или: «Сала нам не надо». Но я не толстая! А в меру… И вообще, фигура у меня сексапильная, так шпендель сказал как – то, за что выхватил по наглой морде. Била не сильно, так, обозначила.

Если проанализировать его фразочки в мою сторону, выходит некое подобие флирта. Но мне ли не знать, что мужчины те еще спортсмены по жизни. У них соревновательный процесс во всем. Особенно важно покорять вершины и брать, что не дается. И вот я думаю, была бы к нему доброй, не подкатывал бы так. Или все из – за сестры?

Дождалась начала маминого сериала. Теперь ее с гостиной не выпрешь.

– Ма, я пошла! – Кричу с коридора и звякаю ключами.

– А дай – ка я на тебя посмотрю, голубушка!

Такой облом, а.

– Я пуговка! – Возмущаюсь и шмыгаю за дверь, остается только голова. Нечего ей видеть, в чем я одета. А пуговка я потому, что глаза у меня пуговки черные, а не голубые, как у мамы или сестры.

Мама выглянула, подозрением таким окатила.

– А ну – ка предстань передо мной, как лист перед травой.

Вышла к «лесу задом».

– О! Вырядилась. На вечеринку?

– Угу, – мнусь, стою. А что тут скажешь?

Мама подошла к комоду и купюру вытащила, мне протянула.

– В аптеку сходишь, а завтра чек представишь, поняла?

– В смысле?!

– В том самом, что если залетишь, будешь рожать, поняла?!

Щеки мои загорелись синим пламенем. Купюру выхватила, дверью хлопнула. По лесенке бегу и неловко перед матерью. Хоть домой возвращайся и демонстративно никуда не ходи. Она ж не глупая,

откуда дети берутся, знает, меня с Алинкой рожала не от святого духа.

Вышла на улицу, сразу легче стало. Будто из сырой ямы выбралась на просторы. Вечер прохладный сегодня. Сентябрь на носу. Запахи цветов с клумб по рецепторам ударили. Сладкие такие. Под навесом зеленым на лавочке Алина с Максимом целуются. Совсем обнаглели. М – да… Быстро они вернулись.

– Эй! За совращение бабушек и рождение новых сплетен двора, будете оштрафованы! – Кричу радостно.

– Лера! Куда вырядилась на ночь глядя? – Алина даже из – под навеса вынырнула на меня посмотреть. – Так! Ты мою тушь брала? А? Признавайся?

– Ой, да не злись, – отмахиваюсь, как от мухи. – Как я? Норм?

– Уау, – мяукает шпендель. В животе отзывается и ахает, я ж красивая сегодня, старалась!

– Новую купишь, как раз на стипендию выйдет, – рычит сестра.

Из – за тоненькой спины две лапы высовываются и за животик ее прихватывают, Макс выныривает из водопада светлых волос, будто это его парик. Алина таит, как мороженое, поворачивается к нему, выгибаясь как кошка.

Целуются. Вот бесстыжие!

– Я тебе новую куплю, – мурлычит Макс, едва касаясь носом ее носика. – Три…

– Мммм…

Уношу ноги. Засмущали!

До дома Светы пешком минут двадцать. Деревня ж, хоть и большая. А у них коттеджная зона, охраняемая. Гостила у нее не раз.

Спешу в красивом салатовом платье с некрасивым пакетом. Полотенце, щетка, тапки… Будто в баню собралась. Какая аптека, мама! Нет времени! Уже опаздываю.

Городок наш словно вымер. Как инопланетяне в Москву прилетели, так и улочки опустели. Все рвутся в столицу на них поглазеть.

Еще на подходе услышала музыку. Доносилась она из особняка подруги. Неужели и вправду вечеринка. Меня как кнутом огрело. Не люблю я такое, ну не мое это. Думала, посиделки на чердаке устроим. А Света в понятие «все» вложила ВСЕ!

Хоть обратно иди, пока не поздно. Судя по раскатистому смеху и девичьему визгу, народа немало. Подхожу к калитке глухой. Забор у Костенко высокий, кованый, зеленью весь обвит. Богатенькие они, садовника как – то видела, бедный стриг, стриг, да бес толку.

Открывает Светкин брат! Высокий такой, смуглый, лицо, как у голливудского актера. И… Обнимает меня с бутылкой пива в руке! Ой, будто печка прислонилась. Горячий, потный. Но приятно все равно.

– Холодненькая, – нежится, рука с талии вниз ползет бесстыже. Отталкиваю.

– Ты ж в училище был, выгнали? – Интересуюсь деловито.

– Отпуск, – смеется. – Побудешь моей девушкой сегодня? Лучшие покои лорда тебе обеспечены!

Иду вперед, оставляя пьяного позади. Мелет, не думая. Он парень скромный, был… года два назад, до поступления в военку. Испортился.

Прямо крыльцо, слева беседка, справа клумба декоративная: цветы будто радуга вокруг натыканы, еще и подсветка откуда – то снизу идет. Красота! А во дворе перед домом балаган. Все пьют, обсуждают свежие приколы, пришельцев и учителей. За домом сад, грядки укропа и кусты малины. Страшно подумать, что творится там!

– Лерка! – Окликнули с беседки.

Это была Света. Всегда жизнерадостная и вечно улыбающаяся брюнеточка. Моя лучшая подруга и безотказная жилетка.

– Света! – Отзываюсь и спешу к ней, уходя от объятий ее братца, что практически настиг сзади.

– Гоша! – Строгий голос подруги так непривычен. Как у ее мамы становится. – Выпил, веди себя достойно, будущий офицер!

– Да, мамочка, – блеет братец и продолжает преследование. – Позвольте пригласить вас на танец!

Прытко ухожу от контакта и врываюсь в толпу подружек Светы, они меня защитят. Многих присутствующих девочек знаю.

Пока успешно отбиваемся от Гоши, думаю о своем Кирилле. Накидается же…

Пишу ему: *«ты где?»*

«На заднем дворе, смородина еще осталась, подходи»

«Мы в беседке»

«Света сказала, у вас девичник».

О как! Смотрю на Свету. Она уже развернула ноутбук и пялится туда вместе с девочками.

– Скоро пиццу привезут, – роняет Света.

– Специально для Леры, – брякает какая – то пакость. Обхожу, протискиваясь. Интересно, на что они там смотрят.

– Не мельтеши, – роняет нетерпеливо моя подруга. – Тише все. Тс!

– Давай включай уже!

Обычный ролик с интернета про инопланетян. То есть о том, как ходит пустота и ей все восхищаются, как дебилы. Потому как снять их невозможно, не отображаются в кадре на записи.

– В дом не пускай! – Взревела вдруг Света, подняв голову. – Эй! Гоша, убери свое быдло с крыльца! В дом – нет! Запретная зона.

– В туалет просто! – Оправдывается.

– Нет, сказала! Твое быдло всю посуду побьет, ковры заблюет и занавески обоссыт! А ну брысь!

– Ты кого быдлом назвала? – Возмутился какой – то парень.

– Не гони на сестру, – рычит Гоша. – Быдло, – добавляет с насмешкой и трепет худого парнишку за шевелюру.

Все, вопрос исчерпан. Хозяйка в доме она, в отсутствие родителей. А всего – то на полтора года старше его!

– Девочки, внимание! – С некой интригой произнесла Света. – Вот!

Картинка такова: тротуар, зеленый газончик на первой стадии уничтожения где – то за спиной, дома монолит – кирпич, виднеется красная вывеска магазина обуви. Стоит девочка нашего возраста, улыбается, глазки блестят. Вокруг люди стоят, замерли, будто президент речь толкает. И тут вдруг появляется ОН!!

Ахает в моей груди! Перехватывает от нескончаемых волн эмоций. Да что там волн?! Шторма! Цунами!! Апокалипсиса!! А как иначе!? Пришелец стоит самый настоящий! За руку девчонку держит! Огромный такой! Она ему до пояса едва макушкой достает!

– Какой здоровенный, мамочки…

– Как статуя мраморная, ох…

– Такой и раздавить может…

– Ой, он двигается!

Из девочек вырывалось все подряд, а я и слова связать не могла. Впервые ведь увидела! Восторг, это не то слово! Торжество ума и трепет сердца! Голова сейчас кругом пойдет!

А оно… Он: огромный человек в кафтане до пят. На одежде узоры зеленые переплетаются органично с золотым орнаментом. Прям чудо дизайнерского мастерства. Стоит такой, не то дед мороз, не то хан заморский. Лицо белое, огромное, будто из гранита высечено! Идеальное! Невероятно красивое. Глаза проникновенные, сказочные, словно салютом сверкают. Мир фэнтези в них отражается с праздником красок. Нереальность такая, что визжать хочется! Улыбается в камеру, затем на девочку смотрит. Она на него. Вижу, как коленки у счастливицы дрожат, вот – вот описается от счастья и напряжения. Я и сама стою, поджилки трясутся. Он руку ее отпускает. И… исчезает. Был, и нет, как свет выключили.

На его месте шар зеленый вырос, будто обычный надули. И ощущение от толпы нам зрителям передалось тоскливое. Ушел пришелец. Показался нам всем и исчез.

Камера на девочку идет. Вокруг вздохи, аханья.

– Охренеть! – Визжит ее подруга за кадром. Толпа галдит, девушку с расспросами терроризирует. Трансляция резко обрывается.

Несколько минут в беседке царит молчание. Даже на пьяные нападки не реагирует никто. А музыка вечеринки вообще, словно птичьи песни все. Ну, у меня так.

– Это что было? – Бросила одна из подружек, нарушая медитацию окружения.

– Оно самое, – произнесла Света и продрала горло. – Миллион двести тысяч просмотров за вечер. Норм?

– А как она сумела? Что в комментариях пишут? – Спохватилась другая.

– Не сознается, – бросила Света угрюмо. – Я ей писала и денег предлагала, лишь бы сказала, как она это сделала.

– Они ж не даются, камеры их не схватывают…

– Вот и я о том же!

– Поехали в Москву! – Произнесла воодушевленно другая. – Я хочу увидеть их. Такое раз в жизни бывает. На нашем – то веку.

– В Москве знаете, что творится? – Прогнусавила Света.

– Не пройти, не проехать, – брякнула я, сразу грусть накатила. Хочу вживую такое чудо увидеть. Мы ж рядом живем! Надо ехать! Или пешком. Да хоть в паломничество до столицы отправиться! На велосипедах рвануть!

Облокотилась о деревянную перегородку. Ноги подкашиваются, перенервничала. Девчонки тоже ошалелыми глазами друг на друга смотрят. Света, похоже, уже не первый раз смотрит.

– Запусти еще, а?

– Свет, давай.

Раз десять смотрели, на паузу ставили, перематывали назад. Эффект хоть и притупляется постепенно, но волнение остается. А желание увидеть своими глазами неимоверно растет.

Страшно себе признаться, но некие теплые чувства к этому гиганту зародились.

Привезли пиццу. Коробок двадцать.

Куда столько Свете?! Но она оказалась молодец, жор напал на всех.

– Так! Девочки! – Взвинтилась вдруг Света. Она иногда страдала неожиданными идеями. – Завтра утром на электричку до Москвы. А сейчас все в дом! Только быстро! Пока пьянь не прорвалась!

Визжа и хохоча, мы ринулись в дом.

– Зомби атакуют! – Закричала последняя, едва успев закрыть дверь.

Ребята стали ломиться в дом во главе с Гошей. Мужская сила и наглость победили, и они прорвались. Теперь уже Света не так сильно возмущалась. Голову явно затмила идея о завтрашнем походе в столицу. Мы увидим пришельца!

Собрались на чердаке. Прорывались туда, уходя от погони Гошиных «приспешников». Одного я спустила с лестницы, нечаянно, масса у меня позволяет. А скорость, чтобы убежать нет. Вот и пришлось спасаться от лап, причем грязных. Они там, на заднем дворе грядки пололи, землю пахали?!

– Короче! – Усаживаясь, начала одна из подружек. – Приложение есть такое на телефоне, оно отслеживает появление пришельцев. Вот.

Мы к ней подсели, облепили как пчелки мед, или мухи… мед. Коврик большой, ворс мягкий, приятный. Сидим, глазеем. Карту на дисплее пальчиком с красным ногтем листает и ни одной точки не видно.

Спохватываюсь. У меня ногти не накрашены!

– Облом, – бросает Света.

– Ночью они не появляются, – говорит подруга виновато.

Выдохнули разочарованно, расселись по углам, одна особо шустрая в кресло – качалку прыгнула.

– Днем пришельцы поодиночке ходят, – говорит другой «эксперт». – Я читала в блогах, они не гуляют по нескольку. Увидеть можно только одного. Если на ВДНХ появится, то один. На Поклонной горе тоже один будет. И все кстати мужчины. Ни одной женщины никто не видел. Об этом тоже коммы пишут.

– А может он один всего? То там, то тут маячит, – предложила свою версию я.

– Разные они. Это точно.

– Я слышала, пришельцы перчатки носят, – выдохнула еще одна сплетница. Мы уже им в рот смотрим, те, кто не в курсе дел вообще. – Летом в жару, да еще и в шубе с перчатками.

– Нас брезгуют?

– Нет, улыбаются же…

– Мало ли что они улыбаются, может, скалятся, – прыснула Света.

Чувствую, что у нас всех коллективный отходняк начался. Если сразу после просмотра ничего плохого о них говорить не хотелось. То теперь с радостью готовы косточки промыть. Если они у них есть вообще.

Началось активное обсуждение.

– Да у него рот, такой, что голова твоя поместится!

– И твоя!

– И задница, – бросила еще одна подруга. – Только Лерке повезло. Ее не поместится.

Все рассмеялись. А я улыбнулась. На душе гаденько.

Снизу в люк постучались.

– Девки! Пиво! – Раздалось глухо. Какая забота со стороны Гоши.

«Зомбаков» решили пропустить. За пиво – то. Мальчишки стали обаятельно милы, но разило от них, как от беспробудных алкашей. Я кривилась, как могла, но худощавый Гошин друг не давал мне прохода. Представился Арсеном и лез целоваться.

И где же мой Кирилл ходит? Не хотелось создавать конфликтную ситуацию. Если я позову его сюда, он возмутится на ребят Гоши. А их много. И, похоже, все курсанты. Такие друг за друга горой.

Пока пили, решили с девочками, что на утренней, самой первой электричке до Москвы рванем. Завтра Суббота. Люди в выходной спят до обеда, проскочим.

Будем ловить пришельца и выяснять, как его на видео камеру сняли!

Стали расползаться по дому. Три этажа, много сувениров вокруг, привезенных из разных уголков мира. Света повела на экскурсию. Прекрасная возможность поискать Кирилла и, наверно, пойти домой. Но ко мне привязался худощавый Арсен, что едва держался на ногах, прилип, как банный лист.

Омерзело его полусознательное состояние. Ненавижу пьяных. Горькое пиво сама хлебнула лишь для того, чтобы пиццу запить. Ибо чаю или сока хозяева не предлагали. Домой захотелось. Но из головы все не выходил образ неописуемо красивого инопланетянина. Люди, как люди, только большие и молчаливые. Ведущие себя немного странно.

А может это какой – нибудь масштабный флешмоб? Или розыгрыш?! Вот и проверим!

В доме бардак. Арсен отстал, не смог угнаться, споткнулся где – то, да затоптали, надеюсь не насмерть.

Что – то где – то разбилось. Пишу уже десятое сообщение Кириллу. Молчит. Пошла на улицу.

– Толстуха, сторонись! – Крикнул кто – то, толкая в проходе. Не обернулась, выскочила на крыльцо.

– Ты мою пышечку не тронь, – промямлил Арсен, догоняя.

На лесенке ящик пива наполовину растасканный. Банки уже валяются и на газоне с коробками от пиццы. Кто это все убирать будет?! Влетит Светке, однозначно.

– Е…а…у…о… – изрыгнул Арсен, на шее голова уже не держится у бедняги. Боже, какая мерзость.

Домой в ночь идти? Лес темный, маньяки про инопланетян не знают. Им интереснее тут циркулировать. Сколько ужастиков пересмотрела, стоит за забор и буду первой жертвой.

Через неделю в институт. А я сегодня квартиру драила, и ради чего?! Беру банку пива. По лестнице на заднице съезжает Арсен с характерным:

– А! – А! – А! – и бьется копчик о ступеньки.

Пытается уцепить меня за ногу. Я его спасение. Хочется поддать и придать дополнительное ускорение, спешу в беседку. Там парочка целуется. О! Узнаю Гошу. И знакомую мою еще одну – Кристинку, тоже в коттеджном поселке живет. Сомнительная она мне подруга. Но они почти все у меня такие.

А курсант – то не промах, выбрал хорошенькую и легко идущую на контакт, компанейскую девушку. Фигура у нее как у «черлидерши». Слышала, она уже не одного парня сменила.

В беседке относительно безопасно. Но подсвечивает добротный плафон, мошкара вьется у него, бесится, видимо, от паров этих и музыки.

Холодно. Но в дом назад не хочу, пока «зомбаки» не улягутся.

С шипящим звуков вскрываю банку. Фонтан из нее льется мне на платье. Да что ж такое?! Руку подальше отвела. Вскоре напор утих. Пригубила.

Теплое и горькое. Где обещанный погреб? Я на языке лучше бы вино почувствовала. Чем это.

– Лерка! – Кричит до боли и досады знакомый голос. Вот только чересчур не скромный. Кирилл мой так никогда не повышал голос. М – да… нажрался в самые помидоры.

Идет ко мне, шатается кареглазый мой «зомбачок». Перебарываю отвращение. Обнимает, слишком нагло. Терплю, все – таки он – мой парень. Гоша, нахальная морда, посматривает, посмеивается. Увидел, что смотрю на него и начал яростно целовать нашу местную потаскуху. Та и рада. Лапы его под майкой давно поселились. А у меня от всего этого вида мурашки зарезвились по спине.

Кисло – соленые губы парня впиваются в мои довольно грубо, язык твердый пытается пролезть сквозь стиснутые зубы. Мне противно, не хочу его поцелуев и токсичных слюней тем более. Кирилл быстро сдается. Смотрит на меня пьяными глазами. Обиду изображает.

– Я тебе не нравлюсь? – Блеет.

– Нравишься, но…

– Но что?! Мало я с тобой э… пробыл? Недостаточно? Еще погуляем за ручку?

– Ты что мелешь?

– А ничего! Я мужик, ты поняла? – Взвинтился он.

– Правильно говорит, – подает голос Кристина. – Сколько уже можно не давать?

Пьяная, как и эти. Встаю с лавочки. Домой бы. Но темно и страшно. А провожать никто не станет, из живых никого не осталось. А «зомбаки», им только жрааааать.

Обида вдруг взяла. Душит что – то изнутри. Он меня нисколечко не ценит. Думает раз полная, значит, доступная. А я действительно решила, что нравлюсь ему.

Дура глупая, сама наивность.

– Она себя в зеркало – то видела? Вырядилась, что смешно, – едва слышно прыскает Гошина подружка. И все это за спиной.

Раздается гадкий смешок Гоши.

Фраза резанула по ушам, а послевкусие, как кнутом огрело и жечь продолжает. Останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Жду… А чего жду – то?!

Скажи ей, Кирилл. Хоть слово. Защити…

Молчит.

Зашагала дальше. Слезы наворачиваются. К воротам иду, дойду домой, на ощупь, но сама. И чтобы эти не видели, как плохо мне.

Я всегда веселая толстушка, улыбаюсь и шучу. Жизнь прекрасна, поцелуи горьки.

– Лера! – Опомнился идиот.

Не смотрю даже на него. В руке банка пива. Некрасиво ставить на Светкин газон. Сорить не хочу в доме подруги.

Раздается разъяренный стук в калитку.

– Полиция! Откройте!

Вдобавок, еще сигнал протрещал из машины, которым обычно патрули с мигалками дорогу требуют.

И похоже, не первый раз стучат. Стою, как дура у калитки, в руках банка пива. Глаза мокрые. Тушь сестры вот – вот потечет. В сторону отошла. Из дома уже Света несется.

– Эй на балконе! Музыку выруби! – Визжит.

Команду быстро выполнили, и тишина. Только пьяный шепот и смешки. Калитку открыла. Никто не ворвался, никого не положили на газон. Хотя… смысл? Там уже и так все валяются. Бедная декоративная клумба. От нее десяток букетов отщипнули.

Калитка захлопнулась. Света с торжествующей улыбкой повернулась к гостям. Морды высунулись из окон, балкона и даже со двора.

– Ни звука, поняли все?

– А ты сама не ори, – проблеял какой – то парень.

Напряжение спало. Хозяйка дома все уладила деньгами.

Света посмотрела на меня. А я на нее.

– Ты чего? Кто обидел?

Молчу. А накатывает. Жилетка вот она, совсем рядом. Но нельзя показывать слезы. Ничего же не случилось.

– Иди сюда, моя хорошая, – Света идет и обнимает. Уводит в темноту, которой во дворе особо и нет.

Хорошо, что на нас гостям плевать. Многие с улицы решили просочиться в дом. Большая часть уже давно там греется. Слезы проглотила, было бы из – за чего реветь. Прогулялись по саду.

– Завтра к пришельцам поедет, ты только осознай это! Увидим гигантов! Уууу!

Приободрилась. Вернулись в дом. Нашелся трезвый курсант, что гитару отца Светы привел в состояние музыки. Бренчит и поет про девушку, перрон и парадку новенькую. Эх, романтика такая. Я бы тоже ждала. Вот только нужна я кому, кроме родных.

Часам к трем ночи стали такси приезжать, люди трезвели и уезжали по домам и соседним городкам. У Светы друзей оказалось не мало. А я примостилась на втором этаже в гостиной на диване. Будильник на мобильнике завела, чтобы пораньше встать.

Электричка на шесть тридцать. Значит, надо через три часа уже подрываться и бежать домой.

Ради такого дела, можно и недоспать.

Подумать только! Я увижу этого красавчика не из нашего мира вживую! Волнение накатило с невероятной силой, в животе попытались вспорхнуть бабочки. Вспомнила красивое идеальное лицо. А разве можно… всего лишь образ, да так обожать?!

Глава 2
Фотоохота

Это очень тяжело. Скрипя и разгоняя тяжелый омут, сладкий утренний магнит, утягивающий назад, я поднялась и уселась на диване. Лишь одна мысль утешала – я посплю в электричке!

Дома все прошло как по маслу: пришла – все спали, уходила – все спят. Оделась практично и тепло, сгребла денег, что были на черный день. Мало ли в кафе посидим, или такси потребуется. Хотя со Светкой ни в чем нужды не будет. Она из семьи богатой, деньги не считает.

Ходила как – то с ней по Атриуму, думала, что у нее безлимитка на пластиковой карте. Она и сама, похоже, так считает.

Собралось нас шестеро, самые стойкие и волевые: я, Света, ее брат Гоша, мой нашкодивший парень Кирилл, подруга Светы Наташа, что приложением хвастала и та стерва, которая за спиной мне гадости говорила в беседке – Кристина.

Стоим на платформе, ждем паровоза, трясемся от холода. Кирилл мой угрюм. Я его простить уже хочу, потому что вид его такой жалкий, хочется пожалеть. Перепил, лицо какими – то пятнами пошло. Похоже, блевал, давление скакнуло.

Змея, именуемая Кристиной, продолжает смотреть на меня свысока. Неприязнью так и веет. Я помню ее слова, а она, видимо, не жалеет о сказанном.

Света начинает шутить невпопад, разряжая обстановку. Она же веселая. А что не радоваться, если на платежной карте безлимитка?! Чего мы тогда на такси не поехали, или вертолет не арендовали?! Надо будет подкинуть такую мысль.

Гудит электричка, показывая свою зеленую морду издалека. Замедляется, а мы разочарованно смотрим на битком набитые вагоны. Поспала называется…

Запихались принципиально, не стали ждать следующей. Не факт, что места больше будет. Ехали, как в консервной банке. Хуже всех было Гоше, он выполнял роль тарана или клина, короче утрамбовывал народ для места нам. Несмотря на тесноту, Наташа все – таки потрудилась, извернулась и вытащила телефон со своим чудо – приложением.

– Два есть! – Не смогла сдержать эмоций та. – На северо – западе и на Киевской. Ой, ой. На Курской, кажется, тоже!

Люди вокруг, как жирафы шеи изогнули, всем дико интересно. Знают, о чем речь. Конкуренты наши. Света сразу заметила, руку с телефоном подруги опустила. На Курской будет битва за право приблизиться к пришельцу!

Ближе к Москве народа набивалось все больше. А наш не скептический настрой гас, тух и катился в пропасть.

– Выходим, – скомандовала вдруг Наташа за две остановки до Курской. Выпрыгнула на платформу, только двери распахнулись. И мы следом. А что делать? Штурмана терять нельзя!

В наши освободившиеся два метра площади забился десяток человек с платформы.

– Мне дышать нечем стало, – пожала плечами Наташа с виноватым видом.

– Ну е – мае. – Выдал Гоша разочарованно.

– А я – то думала, – фыркнула стерва.

А у меня настроение все равно улучшается. Ветерок дунул, горячий лоб охладил. В тамбуре зажали со всех сторон, куда только не упирались, едва терпела. А теперь свобода. Как мало для счастья надо!

– Я думала, ты засекла кого ближе, – буркнула Света и повернулась к перилам. Я за ней. Глядя на пустующие улицы пригорода, возникло чувство, что народ взбесился.

Ну, мы же не такие!

– Гляньте на небо, – голосом с попойки сказал Кирилл. – Их сферы видно.

Присмотрелась. В небе два отблеска. Высоко – высоко, будто крылья самолета на солнце переливаются. Вот только ЭТО никуда не двигается. Что шары – догадайся сам. А так, да… Инородные космические тела к нам пожаловали.

– Они расползлись от центра, – тожественно заявила Света, что и так стало ясно.

Наташа, не отлипая от телефона произнесла:

– Пишут, что на десять километров уже разошлись шарики. Синий отдаляется от зеленого.

– А еще что пишут?! – Подкатил Гоша к Наташе. Подбородок на плечико ей положил.

Смотрю на Кристину. Этой хоть бы что. Глазками постреливает на моего… моего парня! Вот сучка!

– Кирюша, – говорю мягко. Взглянул, молчит.

То есть это я должна прощение просить?! В нашей семье мужик – я. Ну окей.

Стоим дальше, в телефоны уткнулись. А что делать. Смотрю от мамы два сообщения.

«Где ты шляешься?» и *«Позвони отцу»*

Попала. Ну а что теперь делать? Довершить начатое, потом не обидно и за дело получить. Отписалась, что гуляю, буду ближе к обеду.

Звонит…

– Девочки, – интригующе так зазвала Наташа. – Всем ссылку кинула! Первый контакт случился! Наш заговорил с ними! А я той блогерше предлагала десятку. Пусть ее теперь жаба задушит!

Сбрасываю… Мам, прости. Пишу быстро: *«Телефон разряжается!»*

Приходит ссылка от нашего штурмана. Видеоролик.

Каждый в свой мирок смартфонный окунается. Кроме Кирилла, он в дисплей моего телефона почему – то стал пялиться.

Теплеет мое сердце.

Ролик уже пошел. Блогер чуть ли не школьник, сидит перед вебкамерой в своей неубранной квартире, воодушевленно

рассказывает, как они прорвались сквозь наскоро выстроенные карданы к одному из пришельцев. Судя по всему, это было вчера.

– Я спросил его, а вы понимаете по – нашему?! – Говорит парень. – Он мне кивает. А я говорю, можно с вами сфотографироваться. А он – ты должен обратиться на моем языке и фразу говорит! А у него голос такой странный, будто это я сам говорю себе, но и его грубый слышу. Короче. Все внимание!

– Деней оноа морэ! – Произносит Наташа, что уже посмотрела.

– Всего – то?! – Воскликнула я и повторила звуки: – «Деней оноа морэ»...

– Ссылка на фотку есть, – с завистью говорит Света.

– И в правду, сфоткался, – восхищенно выдыхает Кристина. Гоша ее сзади обхватывает.

Поймала себя на зависти. Кирюша, ну обними и ты меня.

Не решается. Или стесняется меня? Чувствую холод...

Под видео ссылка. Жму. И мне сказочный мир открывается. Пришелец с блогером стоит, улыбается. От парнишки одна голова, камера выше берет, чтобы пришельца полностью охватить. У этого черты лица другие. Но волнуется все внутри еще хлеще прежнего. Глаз оторвать невозможно. Такой мужчина красивый!

– Девочки, вы сейчас описаетесь! – Взвизгнула Наташа, глаза зеленые вылупила на дисплей своего смартфона. – Бежим за мной!

И как ошалелая помчалась по лестнице из прутьев с платформы. Мы за ней.

– Где!? – Ревет Гоша.

– Наташка, не молчи!! – Кричит Света.

– Да не беги так! Споткнешься, телефон разобьешь! – Добавляет Кристина.

Ага, без приложения мы слепы. Мысленно поддерживаю стерву.

– У макдака через две улицы! Я первая забила!

Пытаюсь с лестницы спуститься. Если до нормальной идти, эти уже убегут. А тут какой – то пожарный вариант, сваренный из прутьев арматуры.

Кирилл вдруг возвращается, чего не ожидала, руку подает.

– Давай скорее, Лерка, – пропитушка моя выдает.

Вернулся, мой хороший, за мной. Надо «коровьими» ляжками, значит, поработать. Авось, похудею.

Бежим, за руки сцепившись. Тянет меня вперед. Небольшой парк, похожий больше на мусоросвалку. Пробегаем, дальше дорога. И волна непонятная со стороны Москвы идет. Прям дуновение ветра такое характерное. Смотрю, а с ближайших домов и шоссе люди спешат, машины мчатся. Как в поэме: смешались кони, люди, мухи, ну и всякое непотребное. Народ, наверное, шар увидел, как спускается, может приложением кто еще пользуется.

Вся эта обстановка прыти прибавила. Бегу и повторяю «Деней оноа морэ, деней оноа морэ…» Алинка от зависти лопнет! Да что сестра, весь институт!

Растянулась наша колонна. Впереди всех Гоша скачет, за ним Кристина. Она девочка спортивная. Вот же змея. Еще в школе помню, как участвовала в забегах. А я совсем отстала. Чувствую, что обуза. Дышать нечем, бок заколол, на шаг перешла. Тут – то Кирилл руку вырвал, бросил укоризненный взгляд. Я пожала плечами виновато. В глазах «не отпускай», а сама киваю, мол беги за ними.

Побежал. А я пешком. Позади волна людей, мотоцикл пронесся, за ним еще три. Мигалка завизжала полицейская. Дурдом какой – то.

Позади толкнули. Сильно так, что мозги сотряслись. Не поняла как упала. Мальчишка мелкий через меня перелетел.

– Кобыла неуклюжая! – Кричит озлобленно какой – то мужик, поднимая ревущего пацана.

Сижу на асфальте, колено и локоть саднит. Страшно рукав поднять и посмотреть что там. Вижу все, кроме Кристины притормозили. Парень мой назад бежит. Остальные мнутся в сомнениях. Ко мне бежать или за пришельцем. До него, как поняла еще немного осталось.

– Ты как? – Кричит Кирилл, едва добежав. – Сможешь идти?

Что за вопрос?! Киваю, сама от себя не ожидала. А он разворачивается, машет остальным и срывается на бег в сторону, куда и бежали.

Сижу одна. Точит досада, обида жжет. Вроде бы ничего не произошло, с кем не бывает. Упала на ровном месте. Народ вокруг проносится, как ошалелый.

– Мама, а можно дядю инопланетянина чизбургером угостить? – Говорит малыш, ковыляющий с мамой за ручку.

Смеюсь тихонько. Движение немного утихло. Поднялась, смотрю уже и кордоны подтягиваются полицейские. Неужели теперь все так серьезно?

Из – за ресторана дядюшки Макдональдса фигура здоровенная показалась, ее как тараканы люди облепили. Издалека много не рассмотреть. Но картина ясна: прогуляться бедному инопланетянину не дают.

Остановился. Нагнулся к кому – то, выпрямился, замер. Посмотрел по сторонам. О! За руку кого – то взял. У меня в груди счастье, будто самого бога, ангела вижу. Да что ж мелочится, президента! Метров сто от меня стоит. А будто рядом. Восторг пеленой искристой все закрыл. Уже и не думаю, что локоть и колено в кровь. Плетусь туда. Но сквозь народ не пробиться.

– Разойтись! – Ревет в рупор полицейский. – Всем отойти на безопасное расстояние!

– Дорогу! – С хрипотцой говорят за спиной. Полицейские со щитами и дубинами напирают.

Быстро же они. Обернулась в сторону пришельца. Стоит такой весь сияет белозубой улыбкой. Красавец. Хочется потрогать, вдохнуть его запах. Детский восторг рвется из глубин сознания. Дедушка мороз пришел, его хочется потрогать, хотя бы за кафтан или бороду. Он ведь настоящий! Добрый! Волшебный!

Шар возник зеленый, окутывая ближайших к пришельцу зевак. Беззвучный хлопок, только колебания в воздухе резкие, словно порыв ветра. Народ разочарованно ахает. Все, улетел.

Ищу своих. Минут сорок искала. Пока сообщение не пришло, что в кафешке неподалеку уже сидят. И от мамы весточки, штук десять смс, и от папы три непринятых звонка. День не задался…

Нашла ребят. На диванчиках за столиком идет активное обсуждение. Кристина радостно визжит. Она сумела сфотографироваться с пришельцем! Завидую ей искренне, черной, пречерной завистью. Задушить хочу.

Не дошла до них пару столиков, когда услышала:

– Да все из – за этой жирной коровы, – обронила Наташа.

– Да ладно, – неоднозначно бросил Кирилл.

Развернулась и пошла на выход.

– Лера! – Крикнула Света в след. Надо же, спохватились.

– Да пусть идет, – выдал Гоша.

Иду… Как в тумане. Парень мой сказал «да ладно». Что значит – согласен со сказанным. Истина есть: обижаться нужно лишь на тех, кто дорог. Они за душу трогают, потому как ты перед ними ее обнажаешь. А я и не жду лести. Просто разочарована в Свете, в Кирилле. Остальные ничто, пыль, тень, пустота.

Но как мне важны их мнения! Как ни крути, как ни убеждай себя в обратном.

А я – корова.

Приходит сообщение от Кристины. Пф, простая рассылка фотографии с пришельцем. Кто бы сомневался. От Светы пришло, от других. Не читаю, убрала смартфон в кармашек.

Надо быть сильной. И смотреть правде в глаза. Люди злые, они выворачивают твои недостатки наизнанку, выставляют напоказ, высмеивают и преувеличивают. Даже те, кто считаются друзьями, все равно на подсознательном уровне подчеркивают их. Ровняются с тобой и радуются, что лучше. Они все жестоки.

Не помню, как добралась до дома. И как мать ругала, с отцом соревнуясь. Арестована до института. Спасибо. Алинка сочувственно посмотрела на мои ссадины.

– За пришельцем бегали? – Спросила со всей серьезностью. – Подруги твои нафоткали нормально. Зачетно. Ты, это, если надо, тушь мою бери и помаду. Я не против.

Обняла сестру.

– От тебя пивом несет и куревом, – прокряхтела Алинка. – Вяяя

Сжала ее сильнее. Мою маленькую сучку, чтобы не вякала, когда большая старшая сестра в депрессии.

* * *

Настали будни института.

Снова рано вставать, ехать к черту на кулички. Уже не так грустно и обиды особой нет. Учеба забирает часть моей злости. Курсант Гоша уехал в военное училище дальше отбывать наказание и тосковать по свободе. Света учится в более крутом университете, ее тоже теперь не видно. Наташка, штурман наш также где – то в Москве, ей там вроде как квартиру сняли. Видела в соцсети все их движения. Участвую без видимого участия. Со мной никто не общается, я – сторонний наблюдатель. Света так, иногда по схеме: «как дела, у меня тоже ничего». С последней встречи наши отношения резко охладели.

Единственное, что нас связывало раньше, так это уличные гулянки и откровения в сети. А теперь разве до них?

Одно гложет и напрягает каждый день учебы: стервозина Кристина. Она учится в моем же институте, мы еще и в одной группе!

Она теперь звезда нашего курса. Даже преподаватели делают ей поблажки. На одной из лекций, учитель по макроэкономике попросил ее рассказать о контакте с пришельцем. И змея с трибуны при всем курсе расписала в красках свое приключение. Мне было противно.

Но не все так грустно. С Кириллом завязалась переписка, пригласил на пикник в выходные. Погода будет солнечной.

Посмотрим на его поведение. Я – сама отходчивость, не могу долго обижаться.

Между парами видимся, чмокаем друг друга в щеки и расходимся. Вот и все отношения. Жду выходных и пикника на природе. Только мы вдвоем. Веет романтикой, которой мне так не достает.

За первую неделю учебы ничего особенно не изменилось. Рутина…

Здание института старое, времен второй мировой однозначно. Древний паркет скрипит так, что на нижнем этаже слышно. А ходить лучше не на каблуках, а то крыши «мышиных домиков» проломить недолго. О покрашенных стенах десятым слоем краски вообще молчу, не редко на них то соплями напишут, то чем похлеще. О нашей библиотеке можно складывать легенды, стариной несет, что можно ветхий завет откапать, если сильно постараться и труп найти засохший предыдущей библиотекарши.

Но самая главная фишка – это замазанные жирной, белой краской подоконники, напоминают место ведения боевых действий. Ни одна тысяча задниц посетила их. А еще слюни зав кафедры прилетают регулярно, когда эта невменяемая старушка сгоняет наглых студентов с неположенного для посиделок места.

Что до жизни вне стен. Пришельцы теперь стали новостью номер один. СМИ все на первую полосу лепят. Гиганты стали появляться и в пригородах Москвы, а в центр наоборот не высаживаются. А мне приелось, теперь люди знали, как надо просить и делали фото и видео с ними, где бы эти красавчики не появились. А они как специально возникали там, куда надо еще добежать. Будто им в забаву наблюдать, как толпы ополоумевших бегут.

Все примелькалось, приелось. Думаю о парне. А сердце предательски стонет о Стасе Егорове. Видела его недавно. На машине крутой приезжал в городок вечером. Но мне его машина не нужна, только он сам. Чтобы обнял сильными руками и притянул к своему каменному прессу. Как хочется прижаться к нему, волосы

каштановые погладить, пальцами пронизать. Чтобы целовал меня, как свою.

Размечталась толстуха…

Четверг. По старой традиции иду в столовую института и покупаю пирожные. Кристина тут как тут. У нее образовалась группа фанаток и фанатов. О Гоше эта девица забыла. Слышала я раньше, как чирикали, мол буду ждать, жди родная, чмок, чмок, чмок. Лицемеры.

Она еще задницу качает, ходит вечно в спортзал до позднего вечера. Поэтому мешки под глазами даже пудра не берет. И не только из – за спортзала, она теперь блогерша заядлая, у нее подписчиков тысяч пятьдесят. Скоро и за рекламу будет грести.

Я злобная и завистливая. Хочу сладкого, чтобы стать добрее.

В столовой как всегда народа тьма. Спешила на большом перерыве, как и добрая половина института. Голодный студент – злой студент.

Пирожное досталось мне пошарпанное, и самое последнее ухватила. Жаль, но ничего не поделать. Присела за отдельный столик. Язычок свой балую, кофе «капучино» пью без сахара. Крем во рту таит. Наслаждение райское. Эндорфины шкалят.

Подсаживается болтушка Маша.

– Лера, ты не в курсе, что Кирилл там затеял? – Спрашивает, сузив глазки.

Пожимаю плечами. А от волнения аппетит пропал.

– Он меня спросил про украшение, – шепчет, наклоняясь. – Мол, что мы девушки предпочитаем больше. Я сказала подвеску или серьги. Ты только никому, поняла?

Киваю. Кусок в горле застрял. Мой парень хочет мне что – то подарить?! Советуется?! Почему именно с Машкой, она – то вообще даже без часов ходит, не говоря уже о других аксессуарах.

Подсаживается еще одна сплетница, теска моей сестры, Алина.

– Что у вас с Кириллом, Лерка?!

Краснею. Волнуюсь. Неужели, действительно подарок мне хочет сделать?!

– Хочешь корзиночку? – Предлагает Алина и подает мне на тарелке. – Бери, я что – то пожадничала, лишнее.

Пожимаю плечами. Пододвигает ближе. Машка вскакивает. К столу еще две девочки с группы подходят. В руках пирожные!!

– Лер, угощайся.

– Бери Лерка, не жалко.

У меня шок. Вскоре стол уже завален пирожными. Каждый подошел и поставил что – то. Странно все это, мысли в голову лезут противоречивые. Девочки разлетаются, как мухи. А я оказываюсь в фокусе смартфонов.

– Лера! Деней оноа морэ? – Говорит Кристина на инопланетном, обращаясь ко мне. Мол, можно с вами сфотографироваться?

Смотрю на нее... на окружающих. Меня снимают на камеры мобильников все, кому не лень. И ржут, как лошади! Хочется сбросить все это добро со стола. Встаю резко, ком в горле поддавливает.

Что им всем сделала?!

Пытаюсь выскользнуть, не дают. Смеются. Гадко так. Хочется сквозь землю провалиться. Прорываюсь к выходу, за мной идут. Кристина что – то кричит в след, я уже не слышу и не слушаю. Горечь на языке, плохо, голова закружилась, вертолетики в ней залетали. Бегу в туалет. Все что съела, вышло обратно...

Погано. Весь институт смеется надо мной. Весь мир против меня. Это все она, Кристана, тварь такая. Ненавижу, убью. Как же плохо.

Реветь хочется в голос, да чувствую все они где – то тут со своими телефонами. Сижу в туалетной кабинке, нашла в сумочке салфетки давно высохшие уже. Привожу себя в порядок, успокаиваюсь. Покажешь боль, высмеют еще больше.

Вышла, никого. А! Пара началась очередная. А я домой, пожалуй, пойду.

Какие теперь пары! Сорвалась, никому ничего не сказав. Даже старосту не предупредила.

В пятницу, сетуя на плохое самочувствие, тоже осталась дома. В душе моей разрасталось что – то черное, выворачивало мою самооценку наизнанку, резало и рубило ее, рвало в клочья.

Родители с утра на работу умотали, не заметили моей халтуры и хандры. А вечером Алинка спохватилась.

– Лееер?! Ты чего?!

Подалась к сестре, обнялись. Слезы на ее маечку лью. Алинка похлопала по спине, встала, и, пряча глаза, удалилась. Ее парень ждет. И меня, наверное…

Не хотела в сеть выходить. А что делать?! Отвлечься бы как – нибудь. Кириллу напишу. От него за день ни весточки. Не побеспокоился. Занят, наверное. У них там семинар, вроде как, по спец предмету.

Приятно удивлена. В соцсети сообщений море от разных людей. Но, зря радовалась… Во всех без исключения – ссылка на одно и тоже видео. Видеоблог, что ведет Кристина. Она же теперь звезда и сияет, поддерживая свой имидж.

А там я.

– Вы думаете, инопланетяне прибыли из космоса? – Говорит она, жестикулируя и играя бровками черными. – У нас в институте они тоже есть!

Кадр сменяется на вид в столовой, где я в окружении кондитерских изделий. Вид у меня такой идиотский. Смотреть стыдно на себя саму.

Дальше не лестные слова о моей фигуре. И кадры различных танцевальных групп, попотряска типа тверк. Монтаж на уровне. Я повержена. Но спокойна. Это даже забавно вышло. Но не будем расстраиваться.

Ведь Кирилл мне написал!

«Завтра в силе? Привет»

«Конечно!»

«Ок. Зайду после обеда. У меня для тебя сюрприз. Надеть под платье купальник, будем загорать».

Заинтригована. Озадачена и… наверное, чуть – чуть счастлива. Это как с зимы в лето, с темноты в свет, с черной полосы на белую.

* * *

Я – гусеница. Смотрю на себя в зеркало. Купальник делает из меня ту еще гусеницу. Боже, так показаться ему не могу. Что во мне такого?! Чем его зацепила? Добротой? Позитивом? Второе сомнительно. Я становлюсь все печальнее и угрюмее.

И этот купальник. Лишь грудь меня радует. Пышная, сексуально привлекательная форма. Максиму она нравится. Его Алинка та еще плоскодонка. Но о сестре нельзя так. У нее еще вырастет, когда забеременеет. Хи.

Оделась. Если и будем где раздеваться, постараюсь сразу лечь, чтобы не рассматривал. Если правильно все поняла, мы за карьер пойдем. Очень – очень далеко, где никого не должно быть.

Жаркий выдался денек. Набрала пакет неподъемный, покрывало, бутерброды, салатиков в контейнеры нарубила. Раз уж пикник, парня своего голодным не оставлю.

Ждет у подъезда на лавочке. Вернее, сидит на ребре спинки, а ноги на лавочке. Сколько бабульки не ругались, молодежь все брезгует попы свои бросить, где положено. Меня увидел, спрыгнул. Сам в джинсах, кроссовках, майке с воротничком и в кепке. Улыбается так скромно, мой хороший.

Кажется, начинаю видеть в нем много всего интересного и важного. Не понимаю пока что именно, но тянет к нему. Он ничего мне плохого не сделал. Просто скромный, не конфликтный. Такой хорошенький.

Спешу к нему. Целуемся в щеки. За руку беру.

– Давай сюда, – отбирает пакет. Джентльмен. У него тоже баул не маленький. Интересно, что он там набрал?!

Солнышко светит, ни одной тучки на небе. На душе свободно и легко. Прочь пошли эти комплексы и предрассудки. Даже то, что трава зеленая важнее. Жаль, цветов уже повяла половина. Но одуванчики не сдаются. Все в этих желтеньких «цыплятках».

– Ты как? – Спрашивает мой скромняшка по дороге.

– Все хорошо, – улыбаюсь.

Перешли железную дорогу, идем по тропинке. Березы листьями шелестят, склянки зеленые в лучах играют. Бутылок разбросали бомжам на радость. Позади электричка проносится, грохочут железные колеса быстрыми перестуками. Ощущение, будто все плохое и негативное с ней вместе уносится.

Прошли старый сарайчик. Уже по доскам растащили практически все. Тут раньше бомжи жили, потом согнали их, после того, как обворовали тетечку с соседнего дома. Тропинка шире стала. Вышли к деревушке старенькой в четыре дома. Тут собака за забором залаяла хрипло и лениво. Слышала, что бабка живет одна единственная тут на все поселение. Век свой доживает, все родные ушли, а пес с ней остался. Фольклор местный, правда или нет, никто не знает.

Впереди показалась поляна, а за ней уже лес. Руку отпустила бегу вперед, цветочки собирать хочется. Синенькие, желтенькие. Бабочки летают. Обожаю этих созданий. Нарвала букет, в лесок нырнули. Запахи шашлычка пошли. Аппетит разыгрался, греет душу, что бутерброды – то с колбаской. Скорее бы дойти!

Музыка из магнитолы автомобиля доносится. По левое плечо народ веселится. Как они только машину умудрились через деревья так загнать.

Кирюша за руку хватает, стороной ведет. Не хочет, видимо, встречаться с местными. Да и мне они не нужны. Голоса девичьи как ножом по слуху режут. А смешки, так вообще на сердце давят грузом недавнего позора. У меня, похоже, фобия начинается на почве всего этого. Где ни смех, сразу думаю, меня высмеивают.

А шашлычка – то хочется! Надо будет со стипендии набрать мяска, замочить по рецепту бабушки. Да собраться парами, я с парнем, да Алинка с Максом. Винца красного взять, ну и сока Алинке. С водкой, потом на камеру заснять компромат, как будет чудить. Я злая. Потому что голодная.

Вышли на карьер. Тут озерко есть. Народу мало, все продолжают охоту на инопланетян. Водоем обошли, тут в основном рыбаки старые сидят, высиживают до самой ночи. А купающихся по возможности сил сгоняют. Раньше тут война на этой почве была. А потом рыбаки стали в воду всякую дрянь кидать, и не докажешь ведь.

Занырнули в чащу, здесь зелень разрослась, как настоящая хозяйка. Уже дикая природа начинает пронизывать своей атмосферой. Кое – где кусты черники. Отошла ягода, но густые кустики все равно привлекают мое внимание. Вдруг да найду чудесным образом продержавшуюся ягодку.

Кирилл ведет настойчивее вперед. Намекая, что нечего тормозить. Вышли на проталинку. Кусты малины дикой прям в центре целой шапкой стоят, крапива их охраняет. У них тут симбиоз. Если поискать, можно найти что – то несорванное.

Замечаю за собой, стоит в лес пойти, сразу дикость какая – то просыпается, хочется ягоды искать, грибы, животных высматривать. Дышать хочется, вдыхать все это. И даже запахи дымка или звуки играющей где – то музыки не могут нарушить сего таинства.

Выбрали местечко под солнышком, разложились.

Кирилл вино достает! И стаканчики одноразовые. Хм...

Ну а что?! Все располагает, лес будто замер, ожидая моего решения. Стану ли я противиться. Нет, не стану.

После плодотворной борьбы с пробкой, белое сухое разливается по стаканчикам.

– Давай за наши с тобой отношения, – с нотками волнения говорит он. – Чтобы они прогрессировали, так сказать. Нам же хорошо вместе, и... и надо, в общем развиваться...

– За нас, – добавляю и пью. Немножко.

В горле потеплело и дальше пошло, послевкусие не очень, дешевенькое... а что с нас студентов взять? Замечаю, что Кирилл выпивает все залпом.

Нервничает. А я освободила себя. Мне в этом месте хорошо, вокруг никого. До нас никому дела нет. Все институтские сучки за пеленой, размытые, мутные фотографии в памяти. А мой парень такой яркий, все мое воображение в себя впитывает. Щурится от солнца, от того он такой красивый и милый.

– У меня для тебя подарок, – неуверенно произносит мой скромный после нескольких минут молчаливого наслаждения друг другом.

Шуршит пакетик. И... я вижу торт. Торт?!

Меня, как кипятком ошпарило, пощечиной обожгло от непробудного сна.

– Что не так? – Замечает мою реакцию.

– А ты не знаешь? – Обиженно отвечаю.

– Нет, – пожимает плечами. – Я там, это, в смысле подарок спрятал. Он, э... а торт сливки, есть особо нечего. Найдешь подарок? Ну, поищи? Думал, тебе понравится.

Грустнеет мой сладкий. Ну а я... я задумку оценила. Решила подыграть. Отделила пластиковыми приборами кусочек. Попробовала, ничего так. Скушала один. Ничего не нашла.

– А какого размера подарок, скажешь? – Спохватилась, мало ли, съем.

– Заметишь, не переживай, Лерка, – смеется, мой находчивый мальчишка.

А я решила схалтурить. Ножичком тыкаю.

– Так не честно! – Возмущается. Прям ожил. Радуюсь, что он эмоции стал проявлять.

– Ты тоже ешь! Давай, давай.

– Я буду другое! – Заявляет и достает из пакета баллончик сливок. – Давай руку.

Загадочный такой. Протягиваю руку, хмель в голову ударила, ничего не страшно.

Давит мне на ладошку сливки… на пальчик. Так приятно. А потом вдруг опускает туда свою голову и начинает слизывать!

Хочу отдернуть, а слабость такая, что нет сил. Одно Я говорит, стоп, остановись, не надо. А другое смеется над первым и наслаждается процессом.

Улетаю на седьмое небо, когда он мои пальцы начинает облизывать, обсасывать, словно леденец на палочке. Мне стыдно стало, руки – то немытые после цветов. А слова сказать не могу, тону в блаженстве.

Никогда прежде не ощущала ничего подобного. Внизу живота волнение, щекотно что – то. Блаженство пуховым одеялом накрывает.

– Давай загорать, – шепчет, закончив с пальцами.

Слушаюсь его, как завороженная. Снимаю платье, ложусь. А он мне на живот сливки выдавливает! Краснею, а двигаться не могу, возразить не могу… даже мысль сформулировать ну просто никак не выходит. В горле застряло только стонущее «Ах…».

Язык касается живота. Щекотно! Хихикаю, как дура. Он прекращает.

Шляпкой голову прикрыла от солнца. Чувствую, как к ладони что – то мягкое поднес.

– Вытащи так, рукой. – Мурлычет.

Торт? Руками что – ли? Подчиняюсь, копаюсь рукой, пытаясь нащупать что – нибудь твердое. Пока только крем, сливки.

А сливки как забили фонтаном по всему моему телу. Неужели он это все есть собирается? Нет… нет, туда не надо.

– Что ты делаешь? – Шепчу едва слышно, когда на грудь попадает. Даже через купальник ощущаю кожей эту прохладу…

Смеется. Необычно так. Снова… осознаю, что не он это! В груди холодеет. Приподнимаюсь, сознание будто током долбануло. Пробудилась ото сна.

Вокруг меня стоят люди. Девушки, парни. Все с направленными на меня смартфонами. Кирилл куда – то испарился. А я вся в таком непотребном виде. Рука в торте, сама вся в сливках!

Вижу Кристину. Глазам не верю.

Весь мой мир разбивается в дребезги, осколки самолюбия впиваются в мои руки, ладони, меж пальцев. Жжет все внутри. Подрываюсь, на грязное тело натягиваю платье.

– Фотоохота продолжается! – Раздается голос Кристины. – И сегодня мы застали нашу Фиону врасплох!

Бегу прочь от всех. Не вижу, куда, просто уношу ноги. Платье прилипло к сладкому телу. Которое я ненавижу все больше и больше. Господи, забери мою жизнь сейчас.

– Хва – а – тит жрать! – Кричат за спиной.

– Хва – а – тит жрать! – Это уже хором.

Горит все внутри. Как же погано.

Растоптана, разбита, раздавлена, размазана. Меня предали. Рыдаю…

Сквозь слезы вижу траву, стволы деревьев. Меня шатает, иду. Позади уже не слышно никого. Господи, только бы никто за мной не шел. Отпустите меня, не трогайте. Просто оставьте в покое. Я ненавижу людей. Они злые, они находят жертву и убивают ее, убивают до конца.

Падаю. Колено саднит. Еще с первой фотоохоты на пришельцев. И вот снова разодрала по старой ране. Забавно, но теперь на меня открыта фоотоохота.

Начинаю реветь в голос. Скоро меня увидят тысячи. Такую страшную, перемазанную в креме гусеницу.

– Я – гусеница, – блею себе под нос. – Кристина, тварь, что б ты сдохла.

Ярость задушила. Слезы, ком такой, что дышать не могу. Иду дальше, шатаясь. Меня колотит, не могу на месте усидеть. Нервы стреляют по пальцам рук и ног. Умереть хочу, чтобы просто не быть…

Успокоиться получилось не скоро. И лишь потому, что бабочку необычную заметила. Крылья синевой сплошной, по краям обрамление кружочками. Может это «Морфо Пелеида»? Немного в них разбираюсь. Вот только что она тут делает?

Сидела бабочка необычная на кусте шиповника, и вдруг полетела в сторону просвета. Я, как завороженная за ней, шмыгаю носом и пробираюсь сквозь кусты и крапиву. Вышла к просвету.

Поляна открылась солнечная. Цветы вроде бы и обычные, но слишком яркие и много их, будто человека еще не знали. Его жестокости не ведали.

Порхает моя синяя бабочка. И тут вдруг появляется зеленая! Еще больше этой! Тут я вообще в недоумение прихожу. Не иначе «Парусника Палинура» вижу! Да этого как занесло в наш климат?! Они же южнее водятся, да и что им тут есть?

Домысливать не успеваю, эмоции зашкаливают от следующего эпизода!

Уже две синие бабочки и с десяток зеленых! Все друг вокруг друга кружатся в центре поляны.

Спешу к ним. С горечью понимаю, что телефон с вещами оставила на злополучной проталине. А тут такое представление разворачивается! Резвятся бабочки в танце неземном. Феномен природы, событие века!

Я этих насекомых просто обожаю. Знаю о них немало. Изучала, материалы собирала. Бабочка – это настоящее проявление живого волшебства в нашем мире. Творение истиной красоты. А чем не магия? Была гусеницей, а стала бабочкой. Вот и я всегда мечтала крылья иметь. Чтобы улететь далеко – далеко от всего мирского. Завидую этим созданиям.

Смотрю за представлением, открыв рот и позабыв обо всем остальном. Две синие бабочки разлетаются в разные стороны. Одна улетает прочь, за ней гонятся все. А другая синяя с одной зеленой кружится на месте практически. Будто пара. Но, насколько знаю, этого не может быть, чтобы бабочки разных видов, да в брачных

играх. Что же это за извращение природы? Или так рождаются новые виды бабочек?!

Вдруг вижу, как синяя бабочка на две разделяется и падает. Не сразу сообразила, что крыло у той оторвалось. А зеленая улетает, причем истерично как – то. Кольцами, спиралями траектория прорисовывается, будто торжествует чертовка. Пытаюсь понять, что случилось. Подхожу ближе к месту действа.

Меня уже не волнуют другие бабочки, только эта горемыка. На земле она, в гуще травы я вижу крыло синее. Опускаюсь на корточки. Вот и бабочка раненная лежит, не шевелится даже, ни лапки, ни хоботок не дергаются. Крыло у нее одно осталось. Второе неподалеку лежит. Синее, все – таки, в траве легко разглядеть. Аккуратно беру ее. Нелогичное ощущение, будто теплом веет еще. Но чувства такие, словно рекой жизнь ее утекает.

Держу на ладошке бабочку и крыло ее оторванное. Горько мне стало. И так не хорошо. А теперь вдвойне. Не только мне сегодня досталось, чудо ты лесное, природное. Но и тебе.

Слезы прорываются вновь. Жалко и ее, и себя.

Тень возникает внезапно. Поворачиваюсь и вижу большого гиганта. Остолбенела, сомневаюсь, дышать ли вообще.

Инопланетянин стоит и смотрит на меня свысока! Такой красивый, белокожий. Мы только вдвоем. Нет людей, спешащих к нему, и полиции нет, и кордонов силовиков вроде не предвидится. Вокруг пустота, и мир этот будто создал для нас вакуум и накрыл зеленым туманом от всех.

Его большие голубые глаза неотрывно смотрят в мои, сам улыбается сдержанной улыбкой, ветерок обдувает его золотые кудри, придавая неистово сказочной красоты его образу.

Страшно и волнующе. Сердце ускоряет ритм. На этой полянке только я и ОН.

Глава 3
Пыльца

Минуты две я стояла и пыталась родить хоть одну фразу приветствия. Пока он просто не отступил на шаг и его идеальные брови не вздернулись выше.

Стало быть, эту мимику я должна прочесть, как удивление?

Дрожу, трясусь, в ладони бабочка покалеченная. И стыдно, и неловко. Такая я вся некрасивая, зареванная, и платье в крему и грязи. Мошки вот – вот нападут и обглодают.

– Здравствуйте, ээээ, – отважилась. – С приветом от землянки.

Вроде как должен понимать, как – то же с юркими папарацци находили они общий язык.

Улыбнулся уголком рта. Погрустнели его глаза. Опустил взгляд на ладонь с бабочкой. Чувствую, будто коснулось что – то неведомое и отступило.

Он меня понимает?!

– Тебе жаль? – Раздается его голос, как мой. Но в тоже время мужской такой, мужественный. Однако речь, интонация, не знаю, как объяснить. Все, как я ожидаю услышать, таким способом хотела бы подать, оно и подается.

Дух перехватывает не то от счастья, не то от страха. Слова в горле застряли. Осознала всю степень серьезности такой встречи! Это ж инопланетный человек, гуманоид или робот со мной говорит! Нет, он уж точно не робот! И не киборг, и не андройд. Он живой, мимика живая, запах… А запах тот еще дурман, я понять не могу, что это?! Цветы?! Не из нашего мира точно. Шанель в исполнении пришельцев.

Кивнула на его вопрос.

– Почему? – Спрашивает, снова брови вверх.

Почему мне жаль бабочку?!

– Жаль красоту такую, – выдаю ответ. Блин, что со мной? Дышать при нем забываю. В груди перехватывает.

– И все? – Чувствую удивление. – А боль?

– Боль? – Теперь удивляюсь я. – А разве...

– Да, я чувствую, – перебивает. Не понимаю его.

Разворачивается спиной. Тем самым вызывает у меня невольную досаду. Пользуясь тем, что отпустило, нагло любуюсь... Кафтан его синими узорами расписан. Мастерски, затейливо, завитушками да загогулинами. Руки за спиной держит в замке, как старец. Да... перчатки увидела, белизной поблескивают. Похожи на зимние вязанные, только вязка чересчур мелкая, плотная.

– А тебе почему больно? – Спрашивает из – за спины, не оборачиваясь.

Кольнуло в груди, но уже не так, как раньше. Будто весь мой позор не особо важен теперь. По сравнению с умирающей бабочкой.

– Предали, – отвечаю кратко, понимая почему – то, что ему не нужно много моих слов.

Оборачивается, вздернув брови. Опять удивлен! А у меня сердце екнуло.

– За что?

– За то, что некрасивая, – выдаю такое, что в следующий миг самой неловко, что болтаю и опускаю себя в глазах представителя внеземной цивилизации.

А он усмехнулся!

Вот так просто, как обычный человек! Затем опустился на корточки и уселся на траву своей большой задницей. Пологи кафтана разбросал, ноги мощные в колени согнул, штанишки синие, на вид хлопковые. Теперь мы практически одного роста с ним. Глазами на одном уровне.

– И меня, – говорит с сожалением. И губы грустно так улыбаться стали. – Человечка не знает, красота – это всего лишь пыльца.

– Пыльца? Вы про бабочку?

– В этом мире подобие зовется так, – говорит, а я все больше восхищаюсь его внешностью.

Собралась с мыслями. Мне кажется он не прав в своем утверждении. Решила сумничать:

– У бабочек вообще – то крылья не от пыльцы красивые.

Замолкаю. Улыбается. Жду реакции. Мало ли разозлится на правду жизни. Молчит, заинтересованность читаю на этом шикарном лице. Голубые глаза его огромны и смущают меня донельзя. Но уж куда теперь стесняться, продолжаю:

– Это все чешуйки, они полностью покрывают крыло. От них отражается солнечный свет, и этим придается окрас.

Вижу удивление.

– Человечка знает о своем мире, это похвально, – говорит важным тоном, сразу хочется грудь выпятить от гордости. А он продолжает:

– Коснись крыла.

Звучит, как приказ. Трогаю синее оторванное крыло, протираю пальцем. Краска! Синяя краска! Или пыльца?! Поднимаю глаза на гиганта. Он смотрит снисходительно.

– А что еще человечка знает о существах подобных Духу Кселаны? – Произносит величественно.

– Духу Кселаны?

– Бабочкам моего мира, – уточняет с улыбкой. – Расскажи, человечка. Ты заинтересовала меня.

От таких слов будто крылья выросли. Детский невинный восторг, не иначе. На нем и понесло. Он же гость, хочется рассказать самое интересное. А еще знаниями похвастать и показать какая умница!

Начинаю рассказывать невпопад, кусками. Страх такой образовался, боюсь, что соберется он уйти, и рассказать не успею все, что хотела. Разочаруется еще! А так хочется его внимания! Такой большой, красивый, смотрит открыто, улыбается, будто я принцесса тут стою!

Чувствую, заикаться стала. Так… успокоилась, теперь по порядку.

Сперва, начала чуть ли не от зарождения жизни на Земле: про жизненный цикл бабочек, затем перешла к частностям и интересным фактам. Не забыла и мое любимое: о самой крупной ночной бабочке «Аттакус айтас», у которой размах крыльев достигает целых тридцати сантиметров! Ее даже с птицей путают. Верещу, показывая руками примерную величину.

Кивает, мол понял. Даже удивленный вид делает. Самому – то на ладошку эта бабочка. Млею и дальше тараторю о том, как некоторые бабочки преодолевают немыслимые расстояния. О вкусовых рецепторах у бабочек, что находятся на лапках, и поэтому, стоя на растении, те могут ощутить его вкус…

И так я проболтала, пока не поняла, что язык устал молоть, а инопланетянин уже перестал пылать интересом. Утомился?

Остановилась. Жду.

– Любишь красоту, но считаешь, что обделена, – говорит вдруг. – Но красота – это пыльца.

– Я уже поняла, – киваю, заладил про свою пыльцу.

Смотрю на две половинки синей бабочки. Положила до начала рассказа в сторонку. Там и лежит в травке.

– Человечка, найди листок, – приказывает, снимая перчатку.

В груди сердце бешено застучало. Без вопросов бегу к первой попавшейся ветке и срываю листок.

– Человечке не свойственна жадность? – Удивляется гигант за спиной. – Бери очень большой листок.

Лист лопуха что – ли?!

Нашла, самый крупный. В туалет захотел? Хихикнула про себя. Возвращаюсь. Смотрит на меня чарующе, глазами поедает. Иначе как – то. Уже не так высокомерно. Что – то в его взгляде изменилось кардинально. Теплее, роднее, ближе.

– Подставляй листок свой, человечка, – говорит мягко.

Как завороженная протягиваю лопух на ладошке. Он белую руку, что без перчатки, в кулак сжимает. И вдруг из кулака песок посыпался, блеском играя, будто серебряная стружка.

Горочка все больше и больше, ручке все тяжелее моей и тяжелее. На вид как сахарный песок тростниковый.

Остановился. Кивнул сам себе.

– Убирай пыльцу, человечка, – говорит с улыбкой. – Не переусердствуй.

Киваю, абсолютно ничего не понимая. Заворачиваю в кулек, просыпать жалко, будто алмазы в руках держу. Глаза мои горят, сердце замерло, что – то ценное дал. Важное, волшебное и из другого мира.

Неловкое молчание. Жаль его отпускать. Что бы еще спросить?! Вопросов море, но не решаюсь задать.

– Извините, что любопытствую. Кто вас предал? – Начинаю наглеть.

Вижу, что задумался гигант. На солнышке его кудри золотые переливаются, губы такие большие, пышные. Что – то в груди теплится, поцеловать его хочу. Но он словно по ту сторону мира, что разделен бездонной пропастью.

– Человечка видела схватку, – отвечает и снова смотрит так тепло.

– Вы та бабочка? – Тупой вопрос на языке вертелся.

– Дух Кселаны одна из форм, – отвечает витиевато. – Для человечки это – да.

– Их было больше, – выдаю.

– Ваш мир нашли одновременно, – говорит гигант ровным тоном. – Эрей и Мор. Сегодня была последняя битва сильнейших. И Мор преступил кодекс чести, обманул. Тем самым предал.

– Врагу изначально нельзя доверять, – вставляю свои пять копеек. – И это не может считаться предательством. Скорее военная хитрость. Их было больше…

– Мор предал Клесану, значит и меня, – говорит повышенным тоном. Ощущаю, как клеточки моего тела дрожат перед его нарастающим гневом. – Кодекс един, и это – слово Клесаны. Мор не дал биться по правилам. Мой приемник был вынужден уйти. Я

проиграл, а ему не перешел знак клана Эрей. А значит мы, клан Эрей, вскоре сгинем.

Практически ничего не поняла. Но соорудила примерную версию: синие против зеленых, зеленые вероломно победили. Ну а дальше – то что?

– Что теперь?

– Теперь ваш мир принадлежит им, – выдает так горько, что у самой сердце начинало скулить. А я думаю, им, вам, какая разница. Вы все красавчики. Так стоп.

– В смысле? Нас приватизировали что – ли?! – Я уже борзею.

А гигант улыбается с горчинкой.

– Ваш мир уже на Поляне миров и имеет знак Мор.

В смысле – захвачен? Не знаю, не верится что – то. Вроде ничего не изменилось, солнце светит, птички поют, воздух тот же. Ни дыма, ни зарина с зоманом и виэкс – газом. Сирены не воют, самолеты военные не летают, уроды не бегают, роботы нас не истребляют, в клетки никого не сажают. Все как было, так и осталось.

– Ничего не изменится, – произносит утешающе, словно чувствует мой молчаливый вопрос. – Вскоре мы уйдем и оставим все, как есть.

– А можно узнать ваше имя? – Вдруг спрашиваю.

Гигант впервые нахмурился. Так страшно стало, отступила на шаг.

– Человечка смелая, раз спрашивает такое, – начал грозно, мурашки прокатились по моей спине. Дальше уже мягче продолжил: – Эрей Авель мое имя. Но человечке не нужно знать о нашем мире и обо мне.

– Я знаю пару ваших слов, – хвалюсь. Поднимает брови. Хочется его удивить, чтобы снова улыбнулся, поэтому выдаю: – Деней он…

Руку выставил ладонью. Хотела фразу: «Деней оноа морэ» сказать, не дал. В горле слова встали. Замолчала. Что – то не так…

– Никогда не произноси этого, – говорит с укором.

– «Можно с вами сфотографироваться» – это нарушение каких – то авторских прав? – возмущаюсь.

– Это означает другое, – мотает головой. – Это клятва быть рабом до смерти. Человечек сказавший подобное слуге Клесаны становится его рабом. Когда они уйдут, с ними уйдут и все принадлежащее им.

Оцепенела. Мозг усиленно заработал, перебарывая в некотором шоке. Все, кто сфотографировался с ними, предложили себя в рабство?! Вот же хитры эти пришельцы! Фотка после этих слов! Услуга инопланетян за служение до смерти?! Боже… не верю я этому Эрею Аверю. Ну не верю!

– Они уйдут… а вы? – Уточняю. Он сказал: «Они», произнес с грустью.

– А я остаюсь, человечка. Моя участь – смерть, – произнес без нотки сожаления.

В груди похолодело. Верю и не верю. Что за драма такая?! Не сдержалась. За руку взяла, вернее за палец без перчатки.

Рывок!! Внезапный ураганный ветер отбросил меня метров на двадцать. Толи летела, толи проволокло. Но о ствол дерева ударилась чувствительно.

Ни крика, ни рева. Ничего. Просто сижу, облокотившись спиной о дерево. Голова кружится, картинку стабилизирует. Вижу, фигура Эрея Авеля возвышается над растительностью. Постоял гигант немного и на меня пошел.

Вот тут – то я запаниковала. Не к добру это все. Но сил подняться нет. Слабость во всем теле. Обмякла, сдалась.

А он неминуемо подошел. Опустился ко мне низко – низко. На колено, словно рыцарь. Кудри золотые тяжестью на мою шею и плечи упали. Будто ласкают мою кожу тысячи робких поцелуев. Млею…

– Ну, зачем, человечка?! – Простонал гигант, опомнилась. – Ты прикоснулась ко мне. Теперь назови свое имя.

– Валерия, – шепчу. Тяжело говорить, в груди что – то отзывается неприятной тупой болью.

Навис тенью надо мной, лицо мое утонуло в его волосах. Запах вдыхаю дурманящий. Хочется обнять его. Пусть он и швырнул меня хорошенько так. Но сама виновата, не зря они перчатки носят.

– У Эрея Авеля последняя просьба к человечке Валерии, – говорит едва слышно. Но каждое слово будоражит душу.

Робко, но настойчиво беру его за голову обеими руками. Преодолевая опасения, страх и трепет, с затаившимся дыханием. Чувствую тепло и мягкость на ладонях, мощь и силу. Приподнимаю ее, чтобы в глаза мне смотрел. Чтобы губы его видно было. Поддается легко. Глаза открывает! Ведь закрытые были! Нос его большой и твердый мне на треть лица. Но это не важно. Чувствую его дыхание своей кожей. Как из него выходит воздух, и… силы.

– Просите, что угодно, Эрей Авель, – шепчу, будто сквозь сон. Мои губы едва касаются его верхней губы. Тянусь к нему, хочу шею могучую обхватить, обнять, как родного.

Он не противится, сдался, или ждет чего – то. Но вдруг произносит:

– Убей меня.

Дергаюсь, как от взрыва и встряхиваюсь от наваждения, говорю резко:

– Нет.

– Или я умру в мучениях после заката, – произносит без нотки страха или сожаления.

– Не могу отпустить тебя, – шепчу и слезы начинают литься из меня сами собой.

Не могу… этот сладкий утренний сон… волшебные грезы. Будто сладость последних минут перед ранним вынужденным пробуждением.

Эрей Авель приподнимается, доставляя мне мучительную боль. Ибо его лицо теперь не так близко, как я хочу, как мне необходимо. Кислород, ты мой кислород.

Рука без перчатки протягивает в раскрытой ладошке синюю бабочку с одним крылом.

– Это легче, чем ты думаешь, – произносит с неким облегчением. А у меня в горле ком.

Отрицательно мотаю головой. Нет. Нет. Нет!!

– Забери второе крыло, – приказывает.

– Не могу.

– Просите, что угодно, Эрей Авель, – повторяет мои слова с укором. – Не предавай, человечка Валерия.

– Никогда, – шепчу и беру бабочку трясущейся рукой.

Досада выжигает изнутри. Начинаю реветь в голос. Он поднимается, улыбается мне искренней, доброй такой улыбкой. Не могу отпустить его. Но обещала.

Не предавай! Не предавай! Не предавай! Выть хочется!

– Почему ты улыбаешься? – Это уже мой сип сквозь сопли и слезы.

– Когда мне больно я делаю это всегда, – отвечает. – Валерия должна помнить мои последние слова.

Киваю. А он говорит без улыбки наставническим тоном:

– Красота – пыльца, сложно создать, легко испортить, но красота всего лишь пыльца, а Душа – крылья, летать можно и без пыльцы.

Замолкает.

Смотрю на него, такого красивого, величественного, так хочется прижаться к нему, почувствовать, как бьется его большое сердце. Глаза голубые смотрят на меня, в них множество миров, а может, и вся Вселенная. Он – самое лучшее, что у меня было. Он – волшебство, мир грез моих. Его взгляд без тени отвращения, брезгливости, злорадства.

Он не произносит больше ни слова. Но глаза его молят, чтобы выполнила просьбу.

Я отрываю второе крыло.

Словно отделяю часть своей души. Боль невыносима. Слезы капают на синюю пыльцу… кап… кап… кап. Дождь слез. Я смотрю на место, где секунду назад был ОН. А слезы капают и застилают глаза. Он просто испарился, рассыпался на частицы, а может, ушел в свой мир, где ему уже не быть прежним.

Крыло в моей руке рассыпается в синюю пыль и развеивается по поляне…

Верю ли я в существование души? Да, теперь верю. Он не мог уйти навсегда! Только не Эрей Авель.

* * *

Пустота. Вокруг и в душе пустота. Безымоциональность. Оставленные на месте пикника вещи меня не волновали, дошла до карьера окольными путями, пребывая, будто под наркозом. Дальше обошла озеро и по тропинке приковыляла к железной дороге. Поздним вечером, пробираясь под светом тусклых фонарей через один не работающих, показалась дома.

Все вопросы матери проигнорировала. Даже разъяренный отец не смог меня расшевелить. Я в трансе. Причем в глубоком. Видоизмененное восприятие фильтрует все.

– Ты почему на звонки не отвечаешь?!

– Да мы тебя обыскались!

– Ты как с помойки! У тебя все хорошо?!

– А тебя случаем не изнасиловали?

– Врача!

И все в этом духе.

Холодный душ частично вернул меня в этот мир. Немного обострил чувствительность. Долго не выходила, тихо рыдала. Ночью тоже. Алинка себе места не находила, ничего понять не могла. Коша тоже вилась, будто я сплошная кошачья мята. Вроде как врач приходил какой – то. Давление померял, температуру. Осматривать себя не дала. Нечего меня трогать.

Неделю провалялась, думая лишь о словах Эрея Авеля. Прокручивая нашу беседу снова и снова. В середине хандры даже начала мысли в кучу собирать, анализировать сказанное.

Вспомнила про пыльцу, что оставила на той полянке!

Но из дома не выпускали. Поправилась, и сидела, как на иголках в ожидании, когда же родители дадут бодро и выпустят на волю. Свершилось это через полторы недели. Первым делом отправилась туда, где встретила ЕГО. Алинка и Макс со мной увязались. Надо отдать должное, старались веселить и создавали позитивную атмосферу. То, что их родители подрядили на это дело, и не сомневалась.

Теперь на все под другим углом взглянула.

Поляну ту нашла. Меня будто зов какой – то вел, или интуиция не подкачала, что петлять и кружить не пришлось. Вышла к месту и сразу задохнулась от эмоций. Горечь, волнение… слезы.

Нашла свой сверток. Странно, что форму он не утратил, все тот же кулек в траве, даже не распрямился. Лист не завял и не высох. Зеленый был, таким и остался. Странно. Проявление волшебства, не иначе.

– Делай дозвон, – Алинка строгая стала в последние дни. Повзрослела.

– Да все, не абонент, батарея села уже, – рычит Макс. – Ни один телефон столько зарядку не держит.

Они думают, я телефон искала и сумочку. Ни о чем ведь не спрашивают, молчат. Наверняка видеоблог Кристины посмотрели. Знают, что к чему.

С поляны уходить не хочется. Но дождик накрапывает. За себя не переживаю. А вот за подарок его – да. Ведь это все, что осталось… Спрятала в сумочку. Кулек размером с яблоко вышел. Незаметно это сделала, пока Макс с Алиной обнимались за кустиком. Скромнее они стали, видимо, не хотят меня нервировать своими лобызаниями.

Не скажу, что ненавижу Кирилла. Но теперь он мне противен. Предатель, самый настоящий. Их сговор очевиден. Я думаю, они ждали, устроили засаду. А в институте незадолго до этого подговорили сплетницу. Та и навеяла мне, дурочке романтики.

Забавно вышло. И я на удивление себе, не расстроена. Мне на мирское стало плевать. Да, возвращается постепенно зависимость

от мнений. Но мой мир теперь не в интернете, не в смартфоне и блоках, не в соцсети или институте. Мой мир во мне. Я закрываю глаза и вижу Эрея Авеля. Не улыбающегося, нет. Это означает, что ему плохо. А заинтересованного мной красавчика с приподнятыми бровями. Моя кожа покрывается мурашками вновь и вновь, когда вспоминаю прикосновение его волос. Мое сердце замирает, когда представляю его поглощающий взгляд.

– Лерка? – Передо мной возникает Алина, сердитая и такая взрослая. – Ты с нами?

– Нет, – говорю и улыбаюсь.

– Чтоб ты знала, – подходит Макс. – Он в больнице, немного упал.

Не сразу поняла о ком речь. Смотрю на руки шпенделя. Сбитые косточки. Мдаа… Спасибо, конечно, но это лишь даст ему шанс на прощение. Я подозревала, что Макс занимается какими – то единоборствами. Но чтобы за меня вот так вступиться. Это дорогого стоит.

Странность одну за собой заметила. Улыбки теперь воспринимаю, как выражение боли. Сознание говорит, что это радость. Но первое впечатление обратное выдает…

* * *

Институт.

Дождался меня «родной». Затаив дыхание, переступаю порог холла и чувствую взгляды, шепот, переговоры, смешки.

А я не улыбаюсь. Если буду это делать, покажу что больно. Почему так думаю, не знаю. Мне кажется – это правильно. Не улыбаться, как я всегда это делала.

Сумочка с вещами ждала меня в первой же аудитории. Но кто принес ее, так и не сознался. А я с каждым новым эпизодом проявления человеческой низости становлюсь сильнее.

Занятия прошли, как в тумане. Я летала в облаках на синей бабочке «Морфо Пелеида». Огромной, с целый самолет! Она держала меня сильными и теплыми руками Эрея Авеля. Мы летали над миром, и нам было хорошо.

Выскочив из института, я возрадовалась, ибо ни одна морда не подошла, хотя бы чтоб поиздеваться надо мной, или спросить как я. Все зачинщики боялись, опасались или чувствовали неловкость. Они слабели, потому что не увидели должной реакции, не ощутили подавленности с моей стороны, как они хотели. Им было нечем питаться.

Когда вернулась домой и открыла дверь, в нос ударил запах цветочной поляны, причем такой необычный, что хотелось визжать от восторга.

И вот первая странность! Алина сидит дома! Обычно в это время она гуляет со своим мачо. Теперь я его так называю. Он ведь молодец.

Сестра сидит в комнате и смотрит в окно. А у меня нарастающее беспокойство. Ее парня привлекли за Кирилла?!

– Алина? А Макс…

– Мы поссорились, – бросает. – Лерка, ты заметила, что в небе теперь только зеленый шар. Синий улетел.

Накатывает. Давлю ком.

Под ногами Багира с ума сходит.

– Кошку кормила? – Спрашиваю с претензией.

– Она не жрет ничего. Кота ей надо.

Ага, как же. Прооперированной кошке кота.

– А еще она пыталась залезть на шкаф, по настенному ковру, – жалуется Алинка.

Тревога в груди нахлынула после этих слов.

Резкий звук музыки из мобильника сестры заставляет вздрогнуть. А Алина не подходит. Ей плевать. Их необычное поведение можно объяснить лишь тем, что в квартире эта магическая пыльца! Она ведь на шкафу в коробке с новогодними игрушками!

Багира катается по полу. Алинка не хочет уходить из комнаты. Что делать?!

Наверное, избавиться от этого песка. От одной только мысли об этом уже не по себе. Ставлю стул, беру коробку и иду в ванную комнату с намерением смыть эту наркоту в унитаз. И дело с концом.

Кошка мявкнула резко, хвост ей придавила дверью. Проскочила Багира со мной, вот шустра!

Вынимаю из коробки пакет, развязываю. А там… Там букет разноцветных цветов! Я таких никогда не видела! Прям из лопуха вырос! И как только освободила из пакета, они так и распрямились, будто распустились с весны бутоны. Синие, зеленые, красные. У меня эмоции зашкаливают, дыхание перехватило. Листок отгибаю с наросшими цветочками. А там пыльца, наркота этакая! Сахарный песок, опиум. Кошка морду сует настойчиво.

Щепотку взяла и Багире под нос. Пусть нюхает, достала уже. А она эту пыльцу слизала, да так старательно!

Так…

Магия вроде как позитивная, добрая, раз цветы цветут, кошка ест. Багира не каждую мясную продукцию употребляет. Лопает исключительно чистейшие натуральные продукты. Порода привередливая.

Беру чуть – чуть, остальное в пакет прячу. Если кошка сдохнет от передозировки, это будет на моей совести.

На язык пробую. Как сладкий – пресладкий сахар. И на вид, как тростниковый, только песчинки мельче. Думала сейчас унесет на седьмое небо. Ага, конечно. Ничего не произошло. Только послевкусие хорошее, сладость во рту. И дикое желание попробовать еще. Вот только я мозгами соображаю, что не стоит.

Сворачиваю все обратно. Цветы выдираю с кусками лопуха. Пыльцу в пакет пересыпаю и под ванну прячу за порошки. Так будет лучше для всех.

Цветы в вазочку и на кухню. Багира за мной ходит, хвост трубой. А стоит на руки взять – шерсть сразу дыбом.

Алинкин телефон разрывался до самого прихода родителей с работы.

Утром проснулась, к зеркалу подошла и чуть сердце не остановилось. Шрам исчез! Я его в восемь лет приобрела. Мальчишки в костер баллончик лака кинули, и в меня что – то от взрыва прилетело. Полтора сантиметра от глаза. Крови было, уууу. Четыре шва.

А теперь его нет! Ну я ж не дура. Пыльца! Бросаю зубную щетку, бегу кошку искать. Багира, как ни в чем не бывало потягивается в коридоре, меня видит, сразу бежит когти точить об доску, прикрученную к стенке. Но чувствую, что – то не так. Доска скрипит отчаянно. Борозды слишком уж большие.

Аккуратно к ней подхожу. Сверху всем весом сажусь, мало ли что. Кошка кряхтит, мышцы напрягает, чтобы выскочить. Я лапу прихватила, на подушечки давлю. О Эрей Авель, ну спасибо тебе. Два сантиметра когти! Не меньше!

А я – то думаю, что она ходит, цокает по ламинату, как велоцираптор!

Хватаю Багиру за шкирку. Тут мать из комнаты выглядывает с прищуренными глазами.

– Лера, сделаешь нам с папой чаю?

Киваю, у самой кошка в руке за шкирку висит.

Кое – как состригла когти, доминируя над Багирой. Пока возилась, уже и мать с отцом встали. И чаю своего не увидели.

День с утра не задался. Или задался!?

На пары опоздала. Но об этом даже не переживала. Ввалилась нагло в середине лекции, вызывая эмоциональный всплеск студентов. Никто ничего конкретного в мой адрес не сказал, так между собой. Трусы несчастные.

Думаю о пыльце… У меня – шрам, у кошки – когти. Никакой закономерности! Вот что кошке надо было?! Зверь – то знает, что ему в первую очередь пригодится. Кошка, она по природе хищник. А

вот я? И не думала о шраме. А он взял и рассосался. Теперь кожа там, как с другой стороны, если не лучше.

Самочувствие у меня на уровне. Может из – за морального подъёма, или пыльца тому виной?!

«Не переусердствуй», предупреждал Эрей Авель. А что? Я не дура, книг и фильмов на эту тему много. А в жизни? Сколько у нас жертв пластических хирургов. Губы так перекачивают с грудью, что нелепо смотрятся. Одно сплошное уродство! Бальзамируй и в музей восковых фигур... Не попасть бы под влияние собственной жадности и не переборщить. И в зависимость не попасть. Пыльцы мало, ее действительно мало и с кошкой делиться не хочу! А если ее кто найдет из моих?!

Нельзя! Немыслимо!

Так, стоп. Уже началось...

Пару последнюю не досидела. Попросилась в туалет. Лектор посмотрел недоверчиво, как вещички собираю. Ну а что?! Я изгой, мне можно и дебилку из себя сострoить, или обижонку. Может, меня сосед обидел, иду блевать, как после столовой.

К дому подошла. Макс стоит, как мачо с ранчо. В шляпе, штаны коричневые в обтяжку, сапожки шнурованные, бляха ремня с ладонь.

– Лерка! – Воскликнул, не давая прохода. – Скажи мне правду. Алинка с кем – то другим?! Не ври мне. Она вообще ни с того ни с сего послала.

– Макс, у нее переходный возраст. Терпи, – что на ум пришло, то и выдала.

В голове лишь пыльца! Моя драгоценная!

Врываюсь домой, и снова «ароматы Франции»! Раскидываю обувь и иду в ванную. Сердце екнуло, когда дверь там открытую обнаружила. Выдыхаю с облегчением. Только кошка вьется у боковой перегородки ванны.

– Что, наркоманка? – ехидствую. – Еще? Так, а зубы покажи?!

Мне не показалось, кошка – то покрупнела. Если бы не шерсть пушистая, сразу бы и не заметила.

Выпнула ее из ванны. Закрылась. С затаившимся сердцем вынула пакет. Все на месте. Цветы уже не растут. Но запах витает чудесный. В прошлый раз кристалликов по пальцам пересчитать употребила, теперь на треть чайной ложки, прям в ладошку. И как втянула всю эту сладкую магическую наркоту…

Очнулась уже на полу. В дверь долбится Алинка.

– Я в порядке! – Спешу ответить. У самой голова кругом. Звездочки летают.

– А я думала у тебя понос, – рычит. – Заканчивай там свои дела! Ты не одна, как бы!

Ага. Туалет – то у нас совмещенный с ванной. Поднимаюсь, с мыслью, что где – то я переборщила. Смотрю на себя в зеркало. Вроде бы ничего не изменилось. Ресницы не выросли, глаза, как были темно – карие, так и остались. Щечки только порозовели немного.

Эффект я увидела утром. Вернее, почувствовала его. Надевая лифчик! Худею… По всем фронтам! Стремительно!

Одежда, приготовленная на сегодня, оказалась мала. Пришлось искать другую, рыться в шкафу. В итоге вышла, как пугало огородное. Но меня это не смущало! Я думала о том, сколько у меня есть денег, чтобы купить новые шмотки!

Снова опоздала на пары. На этот раз мне высказали:

– Если вам не здоровится, потрудитесь не срывать занятия, Валерия Васильевна!

Кивнула, ощущая неоднозначную реакцию окружающих.

В перерыве между парами ко мне подошла Кристина. Я посмотрела на нее хмуро, а саму радость переполняет. Худею на глазах, а эти – то мне что теперь?! Шавки, тля, пустое место.

– В плохую девочку играешь? – Усмехнулась стерва. – Ты в курсе, ролик побил все рекорды. Полмиллиона просмотров уже.

– Я не смотрела, – говорю и улыбаюсь.

Вижу ее в ином свете, словно передо мной злая, оттого страшная ведьма, что собственным ядом травится постепенно и чахнет.

– А ты посмотри, там комменты убойные, даже твоя мечта несбыточная написала, – выдает и ожидает реакции.

Какая мечта?! Она знает о Егорове Стасе?! О том, что я не ровно к нему дышу. В принципе узнать не трудно. Только ему лайки и ставлю в соцсети. А еще о нем знает Света. Разболтала этой стерве?!

Задела тварь. Смотрю на нее пристально.

– Знаешь, что означают слова, которые ты сказала инопланетянину, перед тем как сфотографироваться с ним? – Говорю с нотками брезгливости. Даже не нужно притворяться.

– Какому именно инопланетянину? – смеется. – Тебе?

– Фраза на их языке, которая якобы обозначает просьбу на фотографию, на самом деле переводится, как клятва в вечном служении, так что ты скоро отправишься рабыней в их мир, – говорю злорадно. – Готовься, Кристина, скоро ты покинешь Землю. И в блогах твоих напишут комментарии, что блогер пропал, ищем, за любую информацию даем вознаграждение. Родители твои попадут на программу «ищи меня» или «жду тебя». А все будет без толку.

– Дура! – Срывается стерва, разворачивается и уходит. Ощущает она и сама что – то неладное. Я в этом уверена.

Ее реакция, как бальзам на покалеченную душу.

Смартфон ко мне вернулся. Новости читаю. Зеленый шарик сместился на юго – восток от Москвы уже на три десятка километров. Инопланетяне теперь высаживаются чаще, их одновременно больше на территории. Но истерия людская закончилась, схлынула.

Битва завершилась Эреем Авелем, и люди успокоились. Будто раньше им передавалась эта атмосфера войны и агрессии. Под действием этого они вымещали злобу друг на друге…

Бабье лето выдалось жарким. А я похудела так, что мама решила потащить меня на обследование в папин военный госпиталь. Но я наотрез отказалась.

Кошка выросла в два раза, пару дней удивлялись, пожимали плечами и привыкли. А вот я стала хорошеть не по дням, а по часам. И не потребовалось больше питаться пыльцой. Процесс был запущен. Через три недели похудела на четыре размера! И продолжала сбрасывать!

Обычно в таких случаях должен был образоваться излишек кожи, как у бульдога. Да, весь институт бы ржал нам моим чудесным похудением. Но не тут – то было. Все пропорционально и красиво. Абсолютная эстетика и гармония. Да что греха таить, магия!

Некоторые пакостные языки пытались приписать операции и липосакции всякие. Но я же никуда не отлучалась. Худею на глазах без зазрения совести.

Списала все на нервы после злополучной подставы, всем так и говорила. Алинку мне стало жалко. Сестра, как и Багира не жалела покидать место, где находилась пыльца. Если кошка испробовала волшебного сахара и вела себя более или менее адекватно. То сестренка моя замкнулась в себе. Тускнела на глазах.

И вот, в один прекрасный момент, после слезного сообщения Макса, что он адресовал именно мне, я решилась…

Пыльцу подмешала в чай и дала Алинке. Через два дня у нее выросла грудь до третьего размера! И на улицу она выскочила с огромным удовольствием.

Все зажили счастливо. Я худела и превращалась в секс бомбу. Кость – то широкая. Теперь появились округлые бедра, хорошая попа, талия, о которой и мечтать не мыслила. Большая грудь, правда, чуть убавилась, но подтянулась, хоть без лифа ходи. А лицо, что тут скажешь, одно восхищение.

Обратно пропорционально внешности скатился мой характер. Я стала циничной сукой. Будем называть все своими именами. Вкусив жизнь другую, когда на тебя смотрят и восхищаются, твое отношение ко всему меняется. Эйфория – да, и я по вечерам думаю над своим поведением, корю себя. Но этот наркотик возвращает влияние,

когда люди вокруг своей реакцией способствуют моему взлету, подъему на пьедестал самой популярной студентки института.

Обидно стало до глубины души, когда осознала, что ко мне стала лучше относиться и мать. Не знаю, почему так. Просто поняла, раньше ее отношение было другим… к дочери – толстухе. Но какой бы ребенок ни был, мать должна его любить?!

Циничная сука по имени Валерия цвела и пахла. Станислав Егоров меня больше не интересовал. Он показался мне дефективным, я прочла его комментарии на мое видео со сливками и разочаровалась. А после того, как он пригласил в кафе, мое сердце окончательно заледенело к нему. Я, конечно, пошла. Поела там всласть. Любовь к пирожным у меня никуда не улетучилась. Наела на целую стипендию и дала отворот – поворот.

А сегодня мне прямо на пару доставили цветы от загадочного поклонника. Букет из двадцати трех больших красных роз, которые пахли ну… просто отвратно. Запахи любых цветов, что я теперь ощущаю, меня нисколько не впечатляют.

Букет оставила в аудитории, вылавливая жадные взгляды поклонников и отражая завистниц. Виляя задом, теперь хожу. Научилась, кстати по блогам: как надо правильно одеваться, ходить в зависимости от того, что у тебя в фигуре считается достоинством. А у меня есть все! Я – топ модель! И мне уже приходило несколько предложений в соцсети. Да, это могли быть и простые пикаперы, спортсмены по бабаболу. Но все равно приятно.

Прихожу домой. Обычный, казалось бы, вторник. В доме царит веселье. Алинка с Максом дома! Мачо обычно домой к нам не ходит. А теперь, пока родители на работе, они тут, похоже, непотребствами всякими занялись. С порога услышала их смешки и визг сестры игривый.

Вбегаю злая, не снимая уличной обуви, дабы предотвратить преступление века. Я ж теперь такая опасная и прожигающая взглядом девица, сплошной авторитет!

А они валяются на кровати с ноутбуком и что – то обсуждают. И к чему, спрашивается, визжала? Смотрю на нее, бесстыжую. А сестра о лифчике, похоже не в курсе. Майка стянула бюст, а мачо и рад такому зрелищу.

Но вот что – то не так в их нездоровом интересе к экрану. Подхожу и вижу… В груди моей опадает сердце, все что было светлое и грело мою парящую в небе душу вдруг рассыпается пыльцой.

– Лерка! – Кричит сестра. – Ну посмотри! Сколько фоток сделала! Смотри какой он классный! Большой такой!

Я уже не соображаю трезво, плывет моя голова по грязному вязкому омуту. Слезы вот – вот прорвутся.

– Ты говорила?! – Выдавливаю сквозь ком.

– Деней оноа море! – Восклицает дурочка торжественно.

Каждое слово отражается болью в груди. Смотрю на сестренку мою. Такую хорошую, жизнерадостную, родную кровиночку. Погубила… я погубила. Дала ей пыльцы, силами и энергией подпитала.

Вскакиваю из комнаты, на улицу бегу. Смотрю на небо. Ну где же вы твари такие?! Где шар?!

Небо вечернее в облаках все. Чернеет над головой. Будто дождь вот – вот хлынет. И из меня тоже не ровен час польется. Давит в груди. Верю я Эрею Авелю, что заберут рабов своих с Земли, когда улетать соберутся. Как поверила в его подарок. Ведь пыльца такое чудо творила! А значит, и в другом тоже будет магия. И заберут сестру без спроса, и не отобью я ее никак.

По коже мурашки прокатились. Помню ту силу, с которой меня от Эрея Авеля оттолкнуло. Просто от прикосновения. А что они могут?! Да все, что захотят. Их силы безграничны.

Сколько еще у меня времени?!

А что надежды питать? Им важно Солнце, они и появляются только днем в безоблачную погоду. Эрей Авель говорил, что умрет мучительной смертью после заката, значит, Солнце для них – это

жизнь. И долго еще протянет такая шикарная погода? Уже тучи гуляют, лето не резиновое. Уже как бы осень.

А мне – то что делать?!

Вернулась домой. Алинка моя, самый дорогой мой человечек, смотрит на меня сияющим, жизнерадостным взглядом голубовато – серых глаз. Ничего не понимает, не ведает, почему ее сестра вдруг расклеилась, когда все так прекрасно… Моя миленькая блондиночка, лапонька капризная. Тебе ж не много надо. Ноутбук, да гулянки. Никому ты в этом мире плохого не сделала, чтобы вот так с тобой…

Какая теперь танцевальная школа, карьера и поклонники? Мечты рассыпаются, как развеивается по ветру пыльца злосчастная.

Терзалась я душой долго, ночь не спала. К сестре на кровать лазила и плакала ей в грудь, уткнувшись. Ни слова не сказала, на все ее вопросы ревела навзрыд.

Утром посмотрела прогноз погоды на неделю, затем листнула на месяц. Все, еще три дня и пойдут дожди. Циклон нарисовался мощный. Вот и срок.

Ну и что мне остается? День сегодня солнечный. Номер телефона Макса у меня есть, позвонила, вопрос жизни и смерти обозначила.

С занятий его дернула. А он и рад. Приехал заинтригованный к дому на мотоцикле. Я его развитие уже оценила, парень с мопеда на мот за месяц пересел, и права у него есть. Алинка визжала об этом маме, когда та запрет ей поставила на мотоцикле с парнем ездить.

– Рассказывай, Лерка, что стряслось.

– Макс, у меня к тебе просьба, ты только не спрашивай ничего, ладно?

– Для тебя все, что угодно, Лерк, – отвечает бодро.

Внутри бешенство внезапное до дрожи всколыхнуло.

– Никогда так не говори! – Кричу, вспоминая, как меня Эрей Авель подловил. – Никогда, понял! Инопланетянина мне надо увидеть! Живого и желательно пробиться к нему.

Согласился помочь. Стали пеленговать по карте. Теперь у всех нас это приложение. А на мотоцикле мы быстро домчим.

Нашли по приложению много точек. И время пребывания их показывает. Выбрали недавнего и чтоб не далеко.

Шлем второй подал, схватила, натянула. Тесно, жарко, непривычно и волнительно. Уж не думала я когда – то, будучи коровой, что шпендель меня повезет. Хорошо, что Алина в школе еще. А то бы дала нам обоим по первое…

Помчали. Я его обхватила за твердых пресс и сразу предательницей себя почувствовала перед сестрой.

Гнали долго, с остановками, уточняли положение. Но нашли!

Провинциальный городок с пятиэтажками, люди спокойные ходят. Инопланетянина уже окружили и просят рабства до смерти. Тут уж ничего не поделать. Подъехали как могли. Я выскочила, шлем стянула душный, дышать в нем не могла нормально. Адреналин в уши бьет. Бегу через толпу, пока не так плотно, но пол городишки уже собралось. Все более или менее спокойны. Уже нет такого ажиотажа, как раньше.

Извините, простите… Толкаюсь, мужчины уделяют знаки внимания, улыбаюсь скромно и иду к своей цели.

ОН – огромный красавчик в зеленом кафтане, окруженный землянами, словно обезьянками. Улыбается всем снисходительно. Но я – то знаю, что пришелец из клана, королевства или группировки Мор не искренен с этими жалкими зеваками, и улыбка его не означает радость. А отвращение, что вызывает внутри него боль. Они, вызывающие у нас восторг, хозяева нашей Земли и собиратели рабов.

– Деней оноа морэ! – Кричит маленькая девочка на руках у папаши.

Боже… Взвыть хочется от жгучей досады! Как же все горько! Маленькую зачем?!

Толкаю всех подряд. В меня летит брать. Но я иду к своей цели, пробиваюсь сквозь толпу безмозглых рабов! Девочку – то такую

маленькую куда?! Сколько ей? Семь? Пять?! Господи…

Он уже близко… Все плотнее и плотнее людская стена. Но я иду ради своей глупенькой сестренки. Последний рывок. И вот, он передо мной.

Зеленоглазый лицемер смотрит прямо на меня! И он не улыбается! Просто смотрит с удивленным лицом, с высоты своего огромного роста. Сбоку стоит папаша с девочкой, их фотографируют все вокруг. Лес смартфонов вызывает у меня отвращение и негодование. Привили фобию, сучки институтские.

– Не забирайте мою сестру! – Кричу на него. – У вас и так куча рабов!

Хмурится. А еще он удивлен. Отступает на шаг, отталкивая толпу позади.

– Мор! – Это уже визг из моего горла. – Не забирай Алину! Оставь ее!!

– Уберите невменяемую, – бросает какая – то женщина из толпы.

– Не позорь род человеческий, – бурчит старческий голос.

– Девочка, ты в своем уме? – Продолжается поклеп со стороны людей.

А пришелец смотрит на меня своими большими зелеными глазами, которые начинают чернеть. Вернее, зрачки его становятся шире. Чувствую, что – то отдаленно напоминающее ощущения с прежней встречи. Дуновение, когда появился Эрей Авель. Сейчас тоже самое.

Он собирается уйти!

– Стой! – Визжу и иду на него.

Меня хватают люди, преграждают дорогу. Уйдет ведь!

– Деней! Оноа! Морэ! – Последнее слово кричу в пустоту. – Деней, оноа морэ… – Повторяю зеленому мареву шара.

Все, ушел… Взмыл к небесам. А я встала, замерла. Сердце выстукивает ритмы.

О чем я думала?! Дыхание перехватывает, внутри что – то сломалось. Я гордая, независимая землянка подписалась на рабство.

Отчаянный шаг от безысходности. Но волнуюсь лишь об одном: услышал ли он меня…

Вернулись домой. Вечером стала собирать вещи. Сумку взять, снарядиться? Нет. Надо быть наивной дурой, считая, что дадут взять какие – то вещи. Обойтись рюкзаком? Туда вмещается мало. А если не дадут взять?! Может распихать по карманам зубную щетку, трусики, средства личной гигиены…

– Лера?! – Возмутилась Алинка. – Ты что?! Куда, на ночь глядя?!

Попыталась объяснить сестре по поводу нашего намечающегося путешествия, про рабство рассказала. Уверила, что пойду с ней, будем держаться вместе и разобравшись, что к чему, вернемся на Землю. А пока нужно просто собрать вещи…

Рабство. Что я знаю об этом? Мы женщины, а значит наша ценность в красоте. Если будем очаровашками, с нами станут обращаться хорошо. Гиганты ж вон какие красивые. Любят красоту, и понятия наши схожи о ней. Поэтому надо выпить чаю с пыльцой! Дабы подкрепить и укрепить нашу исключительность, очарование и грацию!

Засыпала с мыслью, что сумею убедить Алинку завтра, что не сумасшедшая. Покажу ей действие пыльцы на кошке соседской. А то совсем девочка наивная, до сих пор думает, что сиськи у нее выросли так из – за первых месячных.

* * *

Открываю глаза. И понять не могу где я. Тела не чувствую, будто нет его. Надо мной нависло что – то темное. Звуки незнакомые вокруг прорываются в уши, секунду назад заложенные. Воздух, насыщенный кислородом, так сладок. Дышится легко.

Шевелю рукой. Тело мое обретает чувствительность. Мурашки ударили от слабого дуновения ветра. Поднимаю тяжелую голову и с ужасом осознаю: я голая! Абсолютно голая, лежу на чем – то

зеленом и ворсистом! Трогаю ладошкой ворс: сантиметра два, будто иголки еловые, но мягче. Вокруг стволы деревьев разной зеленой расцветки. Лес невиданный! Перед носом лист огромный склонен ко мне, жилки вижу отчетливо и ворс такой же. Неподалеку капля росы размером с голову переливается в лучах.

Муравейчик величиной с белку проползает мимо по веточке толщиной с дерево, за ним еще десяток. А следом вереница целая по своим делам уносится за лист, что слабо покачивается на ветру.

Сон все еще не отпустил до конца, соображается плохо. Реакция замедленная, а то бы как завизжала!!

Поднимаюсь на ноги. Ой плохо мне, мурашки резвятся, ходят по телу, как им вздумается. Трясусь, как русалка на ледяной глыбе.

Подо мной, оказывается, тоже лист огромный. Делаю шаг, второй… выхожу на свет, с листа сползая на землю. Полуденное солнце, светит прямо в глаза через кроны… э, или не кроны?! Стою на просвете небольшом, греюсь. Ой хорошо. Прищурилась, озираюсь по сторонам.

Стебли это, а не стволы деревьев! Зеленые, сочные, мясистые. Впереди травинка в два человеческих роста, за ней целый лес таких же. А среди этой травы юрского периода стебли стоят, которым конца и края не видно, а метров через пятьдесят вообще все в одну сплошную зеленую стену сливается. Стебли, похоже, не простые, а цветочные! Не знаю, что и думать. Откуда здесь взялись цветы высотой с десятиэтажный дом?!

Снизу видно чашечки и чашелистики, да лепестки разноцветные, будто крылья планера. Бутоны на разных уровнях, поэтому в некоторых местах, где накладываются, лучам солнца пробиться тяжелее. Но есть места, в которых вот эти самые лепестища – красные, зеленые, синие, где в один слой все, светом насквозь пробиваются! Да так, что создается такая цветомузыка на земле, невольно думаешь, неужели природа мать такое сотворила?! Среди стеблей виднеется трава и помощнее, шириной метра в два, уходит она выше цветочных крон.

Надо быть дурой, чтобы не сообразить. Это возможно и лес такой невиданный, волшебный. А может аттракцион, виртуальная реальность или декорации?

Вот только живет все, звуки мне эти совсем не нравятся! Скребется где – то, шуршит, клокочет, пиликает, шелестит. Все бы хорошо. Да децибел чего – то многовато для моих ушей.

– Мамочки, – шепчу сиплым голосом, в животе волнение разгорается и страх от неведомого, наконец – таки проснулся.

Сбылась мечта идиотки, я не на Земле. Хотя бы потому, что притяжение тут слабее на четверть, не меньше. Какие там вещи, трусики да прокладки, следовало ожидать, что перемещение будет без посторонних вещей, как в «Терминаторе». На теле ни цепочки с крестиком, ни часиков. Я уж о золотых серьгах с изумрудами вообще молчу.

Одна – одинешенька. Девственно голая девица посреди гигантской цветочной поляны.

Глава 4
Поляна миров

Где – то в другой Галактике.

– Алина! – кричу. – Сестра!? Ау!!

Вся ближайшая трель затихает. От чего в груди моей холодеет. Насекомые затаились, трещать перестали. Истеричная мысль – наверное, тоже пошли искать Алинку. Так… а если трава тут такая высокая, и цветы гигантские. Жуки, да кузнечики интересно какие?!

Меня передернуло от образов, рождаемых богатым воображением. Жила я на югах. Таракашек видела таких мерзких, что потом неделю есть не могла ничего… ничего, кроме сладкого.

Сглотнула сухим горлышком. Стоит ли привлекать внимание?

– Эй, чего орешь? – Раздалось из травы писклявое.

Никого не вижу, но рефлекторно прикрываю обнаженную грудь и кое – что пониже. Отрастила бюст, все и не прикроешь.

И тут высовывается самая настоящая эльфийка! Глаза здоровенные, кожа с отблеском зеленого, ушки острые, сама мне по грудь, тоненькая такая. Вся в лохмотьях зеленых, будто в тине морской или после кораблекрушения. Коленки у бедной трясутся, ну прям – тварь дрожащая. И лук за спиной, экипировка какая – никакая в виде пояска, увешанного всякими мелочами.

Мне интересно. Никогда таких мифических уродцев не видела. Хоть и красивых очаровашек. Но это же не человек! А уродец из романов фэнтези!

Девочка с рефлексами, как у пугливой белки, осторожно крадется ко мне. Я стою и думаю, как с ними надо. Ведь целый мир, что облизывало не одно поколение писателей и обсасывало читателей, теперь реален! Да, страшно, но и интересно! Он реален!! Только вдуматься! Или это ролевая игра какая?! Меня разыгрывают?! Это

сколько нужно денег на такой вот квест? Да кто ж на меня столько потратит?

Стоп. Я же и должна была переместится в мир пришельцев. Вот и переместилась. Хотела – получила. Я – попаданка!

Думай, голова.

Что обычно в таких ситуациях делают героини книг? Попал куда – то, помогай всем подряд, и помощь тебе сама чудесным образом посыплется, друзья верные появятся, и вообще жизнь наладится. Попутно собирай полезные артефакты и становить какой – нибудь магичкой. Так! Первый друг уже назревает, не мешало бы выяснить, что к чему.

– Я с Земли, мое имя Валерия, – говорю ласково, но с хрипотцой.

Эльфийка остановилась в пяти метрах. Недоверчиво посмотрела так.

– Человечка, – бросила брезгливо, будто до этого не видела кто я. – Когда ж владыки Клесаны успели понабрать вас. Хмык… Не ори, ладно?

– Ладно, – с обидой отвечаю.

Эльфийка разворачивается и обратно в свою траву спешит.

– Что мне делать? – кричу в след. – Какое первое задание?

– Не орать, – пищит озлоблено и скрывается в зарослях.

Так и хочется сказать ей какую – нибудь гадость. Вот шмакодявка мелкая!

Упустила друга ушастого. Не срослось.

Что – то огромное прыгает в траву прямо на нее. Шум такой, будто стог сена скинули с крыши многоэтажного дома. Визг, переходящий в сдавленный вяк вперемешку с треском ломающихся веток… или не веток?! Хруст!!

Мамочки!!

Из недр моей пугливой душонки прорывается крик, давлю его отчаянно. Бегу прочь. Босые ноги наступают на мелкую травку. Ой! Колется – то как! Ой, ой, ау!

Позади визг прекратился, только довольное чавканье. Это кузнечик?! Вспоминаю зафиксированный в мозгу слайд. Сознание, словно старым способом проявления фоток мне образ выдает. Большой зеленый кузнечик величиной с корову, а то и две, в шипах и с большущими усами! Кажется, еще его огромный стеклянный глаз углядела!

Мчусь, сама не знаю куда. Давно я голышом не бегала! Только на пляже и в детском садике. Страх гонит дальше в гущу какую – нибудь забиться. А местность везде одинаковая. Чуть правее заросли все – таки смотрятся понадежнее. Кудри из мха высотой в метр вполне сойдут за укрытие. Чем не кусты?

Сердце бьется, как у загнанного зайца, того глядишь и ребра проломит. Из мха мне навстречу жаба здоровенная высовывается! И зевает так сладко! В два моих роста. Красная полость с тонкими струйками слюней тянущихся приглашающе так распахнулась. Я, как боевой спецназовец на показательном выступлении, делаю прыжок в сторону с кувырком, уходя с линии атаки ее кроваво – красного языка!

Голова кругом, встаю, спина вся горит от ссадин, травка – то мелкая или ростки, черт их разбери, по хребту прошлись нещадно.

Бегу дальше, разгоняясь. Чувствую затылком, что жаба приметила меня и не отстанет, страх животный просыпается. К стеблю бегу, от него дальше. А голышом бегать совсем неудобно! Грудь ходуном ходит, мало того, что бегу мешает, так еще и неприятно сотрясается! Мамочка, что ж ты такую меня родила! Куда мне все это!

Земля под ногами вздрогнула! Туша огромная ударилась совсем рядом. Затрещал стебель позади. Сверху бомбардировка каплями воды началась! Одна капля совсем близко шмякнулась, брызгами меня окатила.

Ахаю. Дух перехватило, будто в прорубь нырнула в крещенские морозы.

Вот жаба настырная! В растение впилилась, похоже! Передо мной две здоровенные мухи в сценке шмякаются! Брачные игры, вдимо,

на цветке у них были, но так и не разлепились после падения. Две мухи размером с собаку каждая! Брюшища в сегментах, крылья будто стеклянные, морду одной увидела, глазища черные при черные, еще и в серку! Сами в ворсе серебристом. Жужжат так громко и омерзительно! Крыльями шелестят, лапищами волосатыми друг за друга цепляются.

Я в сторону бросилась. Уже ни как спецназовец, спинку – то жалко!

Треск, словно кнут щелкнул. Обернулась на скорости, смотрю, мух уже и нет. Жаба сожрала! Ой! Как хорошо! Но кажется, тварь ими не насытилась. Ощущаю вибрацию, как мышцы ее напрягаются, чтобы прыгнуть на меня. А я, как бешеная, зигзагами начала бежать.

Спотыкаюсь, качусь кубарем. Земля вдруг подо мной обваливается, и я в нору огромную падаю, будто в аквапарке, только вместо воды грунт. Упала мягко, как с горки съехала. Полумрак. Землей пахнет, такой свежий аромат.

Розовая стена передо мной возникает. От нее свечение идет. И не простая это стена, а двигающаяся, будто волны перекатываются. Вверх уходит. Да это ж червь земляной!

Только с масштабами что – то попутано. Такой и жабу сожрать вполне способен. Сижу в нише своей, трясусь от страха. А земля впереди осыпается, как бы не провалиться. А позади тупик. Голову поднимаю: вверх пять метров лезть. Корни какие – то углядела. Начинаю карабкаться. Все – таки притяжение тут ниже. А я сильная. Ибо за три недели сбросила двадцать пять килограммов, ноги, руки, как у ядрометательницы.

Тихо вою от ссадин и вверх ползу, пока стена червячья не расплющила.

Что ж за мир такой?! Заберите уже в рабство, готовить буду, стирать, убирать, дрова колоть! Зверья – то набежало на голое женское тело!

Земля влажная, сыплется мне на голову. Видимо, дождь недавно прошел. Вылезла. Червю на меня плевать, он в другую сторону

ползет медленно. А жабы и след простыл.

Стою и думаю. Если это поляна, как эльфийка, царство ей небесное, сказала, значит, есть и равнина, и город. Человечкой назвала, делаем выводы, что не в диковину ей. Тут такие, как я имеются. Что тут думать, надо искать своих. Но прежде, прикрыться чем – нибудь.

Надо мной качнулся цветок, прерывая размышления, что – то туда прыгнуло. С бутона посыпалась пыльца. Снова качнуло, лязг мощных крыльев стал уноситься прочь. Так... кузнечик. Присела, комочки пыльцы размером с яблоко. Запах такой сладостный. А кушать – то хочется!

Беру, наощупь – бомбошка шапки шерстяной. На вкус, как сладкая вата. Налопалась вдоволь и еще жую уже для наслаждения. Я ж сластена!

– Человечка? – шепчет над головой сдавленный голос. Подпрыгнула от неожиданности. Взвизгнуть помешал набитый рот.

На стебле цветка, под которым примостилась, сидит еще одна зеленая образина, метров на пять выше меня, на веточке, свесив ножки. Ну, этот – вылитый орк! Что тут за сборная солянка?!

– Ты из недавних? – продолжает допрос, морща и без того сморщенный нос. Курносый как свинка. Этот с тесаком за спиной, сапожки свисают шнурованные. Вижу, что орк – парень не промах. Надо срочно сдружиться.

– Да, сегодня занесло, – говорю и улыбаюсь, сама застенчивая такая, заслоняюсь как могу.

– Прикрой срам, – рычит недовольно и тряпку мне под ноги кидает. От нее потом несет, еще в руки не взяла, а уже чую.

– Спасибо, милый орк. Как у вас тут житие – бытие?

Кривится. Фу, какой же страшный. Поймала себя на том, что и сама кривляться начала.

Орк на меня пристально глядит своими круглыми серыми глазенками, недоверчиво так.

– Не должна была ты на Поляне миров появиться, – говорит озадачено. – Новые, они обычно у господ, или в поселках, ждут повелителя или под опеку себе подобных попадают.

– А у вас есть, эм… господин? Или вы сами по себе?

– Да был, – отвечает и смеется, будто кашляет. – Коньки отбросил. В наше время мрут хозяева. Ты клятву давала?

– Угу.

– Вот, но служение до смерти подразумевает и то, если хозяин умрет, ты свободна. Тут столько теперь всяких диковинных человечков развелось, одни ушастые чего только стоят.

– Я не поняла, все рабы? Не все рабы? Или что тут вообще творится?!

– Рабы в мире Клесаны все, – говорит важно. – Но я мало знаю, ты по крупицам поспрашивай и других. Слуги Клесаны по мирах ходят и рабов себе набирают. Это знаю. Поэтому тут, деточка и твои сородичи есть и мои. И всяких страшил человекообразных море. Понавезли Кселанцы кого попало, иной раз плюешься. Ты – то еще ничего.

Ага. Видимо, красивым себя считает.

– А вас дяденька орк, как звать?

– А зачем тебе? – озадачился. – Не забивай голову человечка, тебя все равно сожрут до заката. Ты не тренированная, законов Поляны не знаешь. Тебя забросило в самую опасную часть мира Клесаны. Такое просто так не бывает. А еще метки на тебе нету. Не иначе сбой какой произошел. Ты будто бы ничья. Хозяин твой видать по дороге скончался, недонес тебя.

Погано стало совсем. Уже хоронит какой – то уродец. Меня волнует только одно – где моя сестра?!

– Дяденька орк, а вы сестру мою не видели? Беленькая, маленькая, голубоглазенькая, нос острый, губки бантиком…

– Не видел никого! – обрезает ворчун.

Наблюдаю, как Орк ловко карабкается вверх. А что? Мысль хорошая. Беру тряпку, разворачиваю. Оказалась туникой до колен

мешковидной. Рванула снизу ленточку для пояса. Балахон набросила, на талии обвязала. Теперь более или менее нормально.

Срам прикрой, а имя не скажу, сожрут ведь. Вот же весельчак. Лезу за ним. Посмотрю на мир сверху, может село где людское увижу. Всяко лучше, чем от жаб да кузнечиков бегать. В незнакомом мире, если не знаешь, лучше инициативу не проявлять, а повторять за старыми опытными и знающими.

Выпуклости на стволе имеются, за них легко цепляться. Лезу и радуюсь, какая я все – таки молодец. Сверху орк посматривает недоверчиво. Под бутоном останавливается.

– Человечка, ты верно нарываешься, – рычит. – А ну брысь с моего цветка.

– Дядя орк, – стараюсь кокетничать, но перехожу на печальную нотку из – за его реакции на первый подкат. – Хочу быть вашей ученицей. Вы такой смелый, отважный и ловкий. Мало таких в мире зла и разврата. Научите меня, направьте на путь истинный.

Лесть самая ходкая монета. Орк кривится, вот зараза.

– Человечкам доверия нет, – фыркает. – Совет дам один. Ищи красный мох и запах его на себя прими. Тогда хищники не учуют, сторониться будут. Теперь уходи. Ты воняешь.

Ах ты сволочь, а кто дал вонючие лохмотья?!

– Спасибо, дядя орк.

– Гремлен, – говорит. – Мое имя Гремлен.

Прыскаю, чуть не срываясь вниз. Смех рвется сам собой. Давлю его. Слышу, как обиженно фыркает дядя Гремлен.

– Валерия, для друзей Лера, Лерок, Леруся…

– Столько имен, говорю же хитрые вы и изворотливые, – ворчит сверху.

Спустилась. Задача первоочередная – найти этот дурацкий красный мох. Кручу головой, вылавливая среди зелени красный цвет. Ничего. Поковыляла от стебля орчьего, стараясь не шуметь, обернулась, орка уже и след простыл. А чего злился – то?!

Снова стрекот раздался. Совсем близко. Я в обратную сторону рванула, от греха подальше. Мне бы какую – нибудь рогатину, чтобы в случае чего в рот вставить особо жаждущим мной пообедать.

Между стеблей на одной травинке божья коровка сидит, размером с мяч. Ну ее, эту траву. Обхожу заросли. Под ногами кусок сухого листа хрустит так мощно, словно корку льда проломила. Вот же подстава!

Муравей черненький пробегает рядом, словно кошка по своим делам. Из биологии знаю, эти насекомые очень опасны, стоит зазеваться, накинуться толпой и по кусочкам растащат.

Пропустила муравья, ну сама в ту сторону, откуда он. Шагов через сто вонь ударила в нос. Дохлятиной несет. Впереди горку черную вижу. Живую! Муравьев кишит тьма. Тут я до смерти перепугалась. А что делать?! Муравейник тут их? Ан нет. Жрут кого – то. Вон усы торчат кузнечика.

Чуть не вывернуло желудок. Давя рвотные позывы, стороной пошла. Запах преследовал еще долго. Запомнила два правила: не шуметь, а то кузнечик сожрет, и в мох не ходить, там жабы. Так… а красный мох? Вдруг там тоже уродцы прожорливые?!

Начала активно рогатину искать.

Раздался стук. Затем еще. Будто дятел стучит клювом о дерево. Но раз насекомые тут здоровые такие, дятел мелковат, судя по звуку. У стоны стрела возникла воткнутая в землю. И тут до меня дошло. Смотрю на стебель рядом. Там еще две стрелы торчат!

Бежать!!

Дернулась в сторону. И меня что – то сверху накрыло и в обратную сторону потянуло.

Кричу визжу, брыкаюсь. Паук паутиной своей пеленает!!

– Да не ори! – Раздается писклявое.

Удар по голове чем – то тяжелым успела прочувствовать.

* * *

Очнулась связанная. Да еще и к столбу приковали. Со всех сторон стебли огромные нависают и бутоны синих цветов, напоминающих ромашки. Передо мной домик, между двумя стеблями, будто землянка, сверху шапкой из дерна накрыт. Довольно большой, этажа на два будет. Окошки круглые, листочками завешаны, в смысле – листочищами.

Смотрю по сторонам. Едва уловимое движение. Повороты головы даются болезненно, мозги от тряски ноют. Затылок горит. Видимо, шишка там уже выросла хорошая. Кожу стягивает, чувствую. Потрогать никак, привязана.

Мордашка остроухая детская из окошка выглянула. Поняла, что замечена и юркнула в темноту. Сижу, дальше жду. Эльфа увидела мельком, тот пробежал и в траве скрылся. Они точно как белки, дерганные все.

Что я им сделала?! А пить так хочется, ну и жить, как бы тоже.

День к вечеру близится. Дымок чувствую, жарят что – то где – то рядом. Вкусно так пахнет. Кушать хочется.

– Эй! Эльфы! – кричу. – Покормите пленницу!

– Не ори, а то рот мхом забью, – раздается писклявый женский голосок. И сколько она уже так стоит за моей спиной?!

– Что я вам сделала? Что за обращение со свободной гражданской? – возмущаюсь.

– Из – за тебя сестру сожрали, – бурчит. – Вот теперь думаем, обменять тебя у человечков на своего или скормить белозубке.

– Обменять, обменять, – подхватываю. – Я женщина плодовитая, мои на всех ваших коротышек одну сменяют. Уж поверьте.

– Болтаешь много, – бросает эльфийка. – Нигде у вольных лишние рты не нужны. Особенно такие, как ты. Большие.

– Это я еще похудела, – оправдываюсь. – А пыльцы много, и она бесплатная.

– Не бесплатная, – фыркает эльфийка и выходил из – за моей спины. Красивая зараза, щурится, разглядывая. – Рабы ее для господ

добывают, рискуя жизнью в Поляне миров. Она на вес золота. И если узнают, что ты употребила ее в пищу, не сносить тебе головы.

– О, как.

– А ты, думала, в этом мире праздная жизнь? Никто сюда принудительно не приходит. Все просят о рабстве, и ты просилась, и я.

– А некоторые языка не знают! – Не выдержала, рявкнула. Эльфийка даже отшатнулась.

– Тебя проще прикончить, – рычит и лук из – за спины достает.

– Я сюда за сестрой пришла, – говорю быстро. – Эльфиейчка, милая. Сестра моя младшая по глупости клятву сказала этим большим здоровенным пришельцам. А я за ней в рабыни попросилась. Думала, вместе окажемся тут. А не вышло. И теперь не знаю, что и делать. Никому зла не желаю. Что забросило в самое пекло, не моя вина.

Сестру ей начала описывать.

– И ты раба, говоришь? Ложь, – фыркает, перебивая и убирая лук обратно.

– Хорошо, дядя Гремлен сказал, что сбой случился, помер по дороге хозяин, вот и освободилась…

– Замолчи, сладко поешь, человечка, – фырчит эльфийка, разворачивается и уходит.

– Воды хоть дайте, добрые эльфы, – давлю сквозь слезы. Страшно стало, вот и заревела.

Воды дали. И на этом все.

Ночка выдалась ужасная. Шелест, шум, сверчки трель заводили. А если учесть, что они, как и кузнечики здоровенные, то это еще далеко верещали. Однако в ушах к утру звенело, будто я с дискотеки только – только.

С восхода солнца навестили трое. Одна эльфийка и два худеньких эльфа. Все коротышки, на уровне моих плеч. Подняли, отвязали и потащили на веревке в гущу, ни слова не говоря. А у меня все болит,

ноги ватные, ступни ноют, иду, как калич, спотыкаюсь. Поганое самочувствие, трясет всю, утро холодное тут оказалось.

Вели сквозь траву, постоянно шикали на мои шарканья. Хоть не дыши вообще. А самой страшно. То справа что – то шатнет ствол цветка с него сразу сыпется всякое… то слева. К полудню, что тянулся дольше обычного, вообще распрыгались кузнечики над головой. Только скрежет мощных крыльев и слышно. По дороге дали поесть. Не пыльцы конечно, какой – то редьки или корня белого. Послевкусие мерзкое, отплевывалась долго.

Жука размером с автобус я заметила шагов за пятьдесят. А вот наездника на блестящем зеленом панцире увидела только когда он эльфам своим махнул. Жук обычный, как лошадь спокойный, резцы с бивни мамонта, глаза фасетками. Трясусь и думаю. Это не белозубка, это не белозубка, боже, скажите, что это не белозубка!

– Да не трясись ты, – шипит эльфийка. – Он травоядный. Но если почует страх, взбесится.

От жука несет кислотой какой – то. Ядрено так. Почуяла, когда ближе подошли к его здоровым бронированным ногам.

Один из эльфов взобрался на жука, цепляясь за веревку, что скинул всадник. Они там тихо поболтали, пока я смотрела на полудремлющую образину. Вскоре отправились дальше.

– Замри, – фыркнула едва слышно эльфийка.

Время к вечеру близится. Шли пока без приключений. И вот. Стою и не дышу. А эльфы затаились. Один вперед пошел, аккуратно, чтобы траву трехметровую не шевелить. То левым бочком, то правым, как на школьной физкультуре при разминке. Спустя метров пять скрылся. А у меня вся кожа зудит, не то от грязи, не то от аллергии на все эти ароматы цветочные.

Когда эльф выскочил обратно с глазами по пять копеек на пол лица, у меня чуть не случилась остановка сердца.

– Орки, – шикнул ошалелый эльф, попробуй разбери. Говорят тихо, видимо, для своих – это нормально, ушки острые, слух тоже.

– Да пригнись ты, – сквозь зубы скомандовала эльфийка и за руку дернула, похоже, чуть свою лапку не оторвала. Слышала, как хрустнуло.

Сидели минут пять, эльфы в статуй превратились. А я вся извелась до момента, пока не услышала приближающийся шум в траве. По мере приближения орков эльфийка все сильнее вдавливала своей лапкой мою голову в землю. А мне ж интересно!

Еще метров за сто поняла, что это целая толпа идет, и без зазрения свести шумит! Мало того, что доспехами гремят, так еще смеются и болтают во весь голос. Странно как – то. На родном все, на Русском!

В речах их что – то и о Поляне проскочило, о трусливых эльфах. В основном мат – перемат, да о женщинах своих орчьих.

Отряд показался левее нас и пошел стороной. Пыталась рассмотреть. Да, по звуку определила верно: все закованы в доспехи, причем довольно однообразно. Полностью шеренгу не видно. Только край, идут нескончаемой колонной. Со счета сбилась. Организованная толпа. Армия целая?!

Пока шум от этого стада не иссяк, эльфы не поднялись.

– Опять владыки Клесаны забавляются, – фыркнула эльфийка и дернула меня. – Пошли, человечка. Чуть не выдала нас своей вонью.

– А это тоже рабы? – интересуюсь.

– Ну а как же, свеженькое мясо, – смеется эльфийка. – Им за радость нас в другом мире достать, они всем войском клятву дали и сюда.

– Это не местные, – подтвердил эльф.

Заметила, что мужчины мало разговаривают. Больше делают: то вперед убегают, то на фланг. Проводники хорошие. А эта – лишь б меня тыкнуть. Завидует моей фигуре, у самой, как у Алинки до действия пыльцы.

Ой, про сестру вспомнила. Бедная моя кровиночка. Если ты в этот лес попала, я не знаю, что со всеми этими уродами сделаю.

– А чего вы радуетесь, орки ж ваши враги? – шепчу на острое ухо.

– Белозубки сытые неделю будут, – ответила злорадно. – Городу проблем меньше.

– Они ж вооружены. Доспехи есть там, копья вроде как...

– На один зуб, ну на два.

Хм... Веселый мир. Пытаюсь еще выудить информацию:

– А куда мы идем?

– В город наш, на доклад королеве.

– Так, а обмен?! – опешила.

– Да не ори ты, – шипит, дергая за веревку. – Ты какая – то дефективная, тебя сперва на осмотр к...

– Гинекологу?

– У нас правят женщины, – ответила важно. – Хватит болтать. К закату придется на цветок лезть. А ты все силы на разговоры потратила.

– А есть что поесть? М?

– Утром вода будет от росы. А с едой пока терпи.

Я к чему спросила впереди, чуть правее целая гора пыльцы навалена!

– Ловушка, – бросила эльфийка, проследив за моим взглядом. – Хищники в нашем мире с мозгами, некоторые. Там верная смерть. Урок тебе по выживанию, человечка.

– Метните стрелу туда, – пожимаю плечами, самой досадно. В животе урчит громче разговоров.

Эльфийка замерла. Смотрю на нее и понять не могу, что это она заваливается на бок. По травинке сползла. Замечаю, что в груди стрела с коричневым оперением. Страшно стало, ноги подкосились, так и села на задницу. А та даже не пикнула. Подползаю к тельцу, глаза стеклянные на меня смотрят. Ужас!

Мертвая. А где эти два придурка?! Оба исчезли. Просвистело что – то рядом. Видимо, стрелы. Увидела, как чья – то нога мелькнула. Затем постепенно затихающий шелест травы меня несколько обнадежил.

Сижу у трупика и жду. Анализирую ситуацию: эльфы попали в засаду, лучники их расстреляли. А раз сюда никто не пришел, значит, погнались за двумя моими сопровождающими. Еще вывод: тех, кто нападал не так много, раз сюда не нагрянули осматривать труп, чтобы поживится.

Или они вернуться, когда настигнут эльфов?!

Как током дернуло после этой мысли. Пересиливая себя, решила пошарить в снаряжении погибшей. Первым делом стала искать ножик. Нашла, обычный, среднестатистический, средневековый кинжал. Они их тут выплавляют? Судя по армии орков, те прилетели в этот мир во всеоружии и со шмотками. А я почему голая?! У меня был эконом класс?!

Разрезала путы и приступила к более тщательному мародёрству тела. Отвращение перебороли страх и спешка. Надо забирать все и бежать куда глаза глядят.

Лук, колчан со стрелами, перевязь с запасами и ремень с чехлом от ножа и пустой фляжкой. Нацепила на себя, все легкое. На ремне пришлось делать дырки у самого кончика. Все – таки я с талией, но эта, царство ей небесное, совсем спичка.

Хотела обувь забрать, но размерчик оказался на детскую ножку. Смотрю на девочку эльфийку, собираясь уходить. Жалко стало, одну сожрали, другую пристрелили. Мрут, как мухи. Перекрестилась и пошла налево. Стрела справа вылетела, вроде.

Спешу, но стараюсь не шуметь. Заметила, что на кончиках некоторых травинок зернышки гремят. Этот шум по округе разносится хорошо. Эльфы – народ с острым слухом. А я как раз ограбила их сородича, попробуй докажи, что не я пришибла их эльфийку.

Залезла в узелок, достала редьку, жую…

Слышу, как доспехи гремят. И звук приближается! Орки!

Душа в пятки. Пригнулась, затаилась. Лук за спиной топорщится! Суетиться поздно! Они уже близко! Только темень меня спасает. Вечереет ведь.

Что – то не нравится мне это. Круги наворачивают, надо быть глупой, чтобы не понять. Дали круг эти ребята. Или я на другой отряд уже напоролась?!

Отряд прошел. Вроде миновало. И тут началось… Зашумели листья, затрещали стебли. Крик поднялся в пересмешку с многоэтажным отборным матом. Земля затряслась под ногами.

Вот и белозубки пожаловали. Мне не интересно, бегу в противоположную сторону. Минут двадцать бежала, пока не мелькнул красный мох! В вечернем свете, как коричневый, но я же смекалистая.

Дядя Гремлен! Помню твои наставления! Спешу туда. Еще издали запах лимона почуяла. Ближе подхожу, уже глаза слезиться начинают. А что, блин, делать?! Жить – то хочется!

Ныряю в эту губку высотой метр, шириной в десять, а глубиной определим позже… Дыхание перехватывает. Через нос что – то кислое прошло, на языке кисло, горло запершило.

Встаю посреди этого куста, чтобы отдышаться. Кашляю.

Неподалеку вижу девочку человеческую! В корзину кусочки мха собирает! Такая миленькая, круглолицая! Лет пятнадцати. Одета, как провинциалка.

Плыву к ней через все это красное месиво. Она меня замечает! Встает во весь рот, разворачивается и бежит прочь, корзину бросив.

– Девочка! Стой! – кричу.

– Да не ори, – раздается мужественный голос одновременно со звуком натягивающейся тетивы.

– Не ору, – сглатываю и поворачиваюсь на звук.

Мужчина, не иначе как в кожаных доспехах, экипированный аля средневековый разбойник или следопыт, смотрит на меня длинным лицом с выраженными скулами. На голове бандана зеленая, за спиной рукоять меча виднеется. В интимном свете смотрится так грозно и харизматично.

– Давно тут? – спрашивает прицеливаясь.

– В этом мире? Э… в – второй д – день, – дрожу.

– А экипирована, будто год уже, – усмехнулся мужчина. – Врешь?

– Меня эльфы повязали, а потом кто – то напал, из засады стрельнул, погнал мой эскорт, а я с трупиком осталась. Ну и поживилась.

– Оперение какое у стрелы было?

– Которая эльфийку убила, э... коричневое.

– Темные эльфы, – делает выводы мужчина и убирает лук.

С облегчением выдыхаю.

Смотрит изучающе. А у меня глаза от лимонных испарений слезятся.

– Ну – ка выйди, посмотрю на тебя, и без глупостей.

Выхожу. Глаза его загораются. Кокетливо выхожу, бедрами, бедрами...

– Хорошенькая, – говорит с насмешкой. – На хозяйство к нам пойдешь?

– Всяко лучше, чем от жаб и орков бегать.

– Видела орков? – взбодрился мужчина, показалось, что напугался.

– Их белозубки пожрали, – спешу успокоить.

Сглатывает.

– Ты нормальная? – спрашивает настороженно. – Сдай – ка оружие.

Не успела выполнить приказ. Он резко голову в сторону повернул на шум. Девка бежит обратно.

– Орки! Дядь Поль!

– Сколько?! – ревет Поль испуганно.

Встала девка, согнулась, опершись на колени руками, дышит бедняга тяжело.

– А как на счет не орать? – уточняю на всякий случай. Оба впились взглядом, говорящим, что убить готовы.

– Три... – сглатывает девка. – Орка... три... штуки.

– Стрелять умеешь? – спрашивает меня Поль, пожимаю плечами. – На позицию!

И на стебель полез. А девка в мох нырнула. Стою и думаю. Мох или стебель?! Какая моя позиция?!

Вдалеке блеснуло от последних лучей уходящего солнца. Донесся шум гремящих доспехов. Полянка без травы эта, впереди шагов через пятьдесят между стеблями орк здоровенный прорывается с мечом наголо, бежит в замахе. Вскоре рассмотрела его нижние клыки поверх губы верхней. Ноздри раздутые, глаза черные и бешеные.

Слышу, как мой напарник тетиву натягивает.

А я… я струсила. Просто оцепенела… Пока девочка не завизжала пронзительно. Опомнилась!

Дзынь!

Стрела Поля от наплечника орка отскакивает! А он же еще и в шлеме. Сбоку не пробить, все под защитой. Орк на стрелка даже не смотрит, на меня бежит.

Дрожащими руками достаю охапку стрел. Часть валится. К луку приставляю, сама не соображаю, слева надо или справа от древка. Приложила как – то так, вроде бы правильно. Стреляла из пистолета Макарова в тире, с автомата пару раз на полигоне в никуда. Тетива мимо желобка у оперенья норовит проскочить. Я кое – как большом пальцем поправила. Натягиваю. А у меня целых три стелы почему – то!

Пока проделывала эту процедуру, орку до меня уже шагов десять осталось!

Визжу и отпускаю! Летят стрелы, летят родимые! Все три от орка отскакивают. Слышу, позади него что – то тяжело шмякнулось. Еще один орк! А за ним и третий поспевает!

Ничего не понимаю. Оба позади бегущих уже не бегут, пропали из виду. А этот на замахе уже, морда страшнющая! Перекосилась от ярости. Начинаю визжать, образуя хор с девицей. Дуэт.

Тут вдруг Поль возникает из неоткуда и рубит поперек. Искры на доспехе высекаются. Орка развернуло на скорости, так и шмякнулся. А мужчина на него сверху прыгнул и нож куда – то в районе головы

воткнул. Кратковременный поросячий визг раздался. Я уже зажмурилась от страха. Чувствую, как мою ногу кто – то обхватил. Один глаз приоткрыла, смотрю: девка обвилась, как обезьянка. Сердечко у бедной бешено выстукивает, через коленку чувствую.

– Где еще двое, – раздается хрип Поля. – Да что б меня!

– Что такое? – встревожилась.

– Ты двоих уложила одним выстрелом!

– Срикошетило, – пожимаю плечами, самой страшно, подумает, я эльфийка какая родовитая. Или выхоженная с детства, лазутчик в человеческий стан. Сама уверяю, что недавно тут, а с луком эльфийским вон как обращаюсь.

Поль мешкать не стал. Подбежал к обоим, стрелы вынул. Мне протянул с окровавленными наконечниками. Меня чуть не стошнило. А девка остальные рассыпавшиеся подала.

– Разбрелись уроды, – рычит Поль. – До дома не успеем. Ночь накроет через два часа.

– На дерево? Э, в смысле на цветок поползем?

– Здравая мысль, – подтвердил мужик и посмотрел недоверчиво. – Надо бы тебя сотнику показать.

– Ну, покажи, – пожимаю плечами. – Но замуж еще не готова.

– Надо уходить, – заявляет Поль. – Скоро будут еще. Видимо, большой отряд, эльфам не сладко придется.

Спешу за ним и девкой. Беготня эта порядком достала. Во рту все пересохло. А еще бы в кустики отойти…

Темнеть стало стремительно. Будто облако черное накрыло солнце. Вижу, как ночь заливает все вокруг, будто черное желе. А мы на цветок полезли. Выбрали ветки повыше и расселись. Я у самого ствола. Руки трясутся, обхватила его, как могла. Лететь метров десять – пятнадцать. А над головой широкая чашечка цветка. Возня там поначалу не давала покоя. Жужжал не то шмель, не то пчела. Звук убийственно нервировал, осознаю, что источник огромен и опасен. К глубокой ночи стихло. Примостилась, ножки свесила, как бы не

упасть. Выбрала место, чтобы лист подо мной был, в случае падения смягчит удар.

Как и предполагала, упала спросонья утром, когда дернулась. Разбудила своим визгом Поля и девку. Кстати, зовут ее Люси. Меня отругали, за что хотела их прибить. Падая, лист пробила своей тушкой насквозь и шмякнулась прямо копчиком об землю.

Вдобавок сверху накрыла капля росы, размером с арбуз. Прямо на грудь шлепнула через проделанную в листе дыру. Вот и умылась.

Встаю, скрипя и стоная. А эти уже внизу. Поль руку подает.

– Надо было тебя на ночь обвязать, – говорит виновато.

– Вот только веревок мне не надо, – фыркаю.

Шли до человеческого городка долго, поначалу дергаясь, как пугливые сурикаты от каждого шороха. По дороге мужчина обшаривал растерзанные трупы орков, на часть из которых уже накинулись и муравьи. Доспехи пожеванные, со следами зубов и когтей. Некоторые просто расплющенные. Я пыталась абстрагироваться от всего этого. Ароматы цветов помогали. Но Поль, как истинный собиратель всякого хлама, набрал мечей, стрел, всякой другой бутафории. Не ленился добивать раненных. И вот идем вы, гремя всем этим хламом. Ладно я, лошадь сильная и здоровая, а девку мелкую зачем нагружать?

Но жадности предела не нашлось. Часть хлама Поль закопал по дороге, пометив ближайший от захоронения стебель.

* * *

Человеческий город. С десяток землянок, кое – где виднеется заборчик из сухих кольев, скорее всего жилок стволовых. Сетка веревочная по периметру, мох красный, старательно замаскированный. Чтобы только действовало на хищников, но не ухудшало маскировку.

В общем, какая – то застава, даже не село. А эти городом обозвали.

Встретили нас с распростертыми объятиями. Еще до городка дозорные углядели своих. И меня очаровашку.

Воинов в округе не заметила, только быт сплошной: тряпки на веревочках развешены, веники всякие травяные сушатся. Девки деревенские с корзинами ходят. Звуки рубки разносятся. И копают, вроде, что – то. Звуки ссыпающейся земли доносятся.

Судя по этому бытовому хламу, делаю вывод, что есть растения и нормальной величины. Это радует.

Дряхлый старик с пятью широкоплечими мужиками встретили нас на подходе. Меня сразу в землянку повели, только я груз сбросила под ноги. Мол примите в дар трофеи, мы тут войско орков оприходовали. Силушка богатырская ого – го.

Оружие личное тоже пришлось сдать.

На меня смотрели с неподдельным интересом пока до норки шла. А там уже женщина в возрасте перехватила. Вылитая бабка сия Руси. Морщинками изрезанное лицо улыбнулось мне приветливо.

Внутри полумрак, сырой землей несет. Сразу червь вспомнился. Комната со столом, стульями человеческими, нормальными! Забыла, когда в последний раз сидела по – человечески. За стол присела, облегчение сразу почувствовала. Ноги, задница томно ахнули.

Деревянную тарелку варева под нос мне бабулька подставила. Подсела напротив.

– Мое имя Дульсия, – представилась, голос добрый такой, ласковый.

– Валерия, – кивнула ей в ответ и улыбнулась неулыбающимся лицом.

– Кушай, дочка, – говорит мягко. Я аж прослезилась.

Смотрит, как уплетаю ложкой деревянной. А похлебка достойная! По вкусу как картофельная, да еще и с мяском каким – то волокнистым и овощами!

Поела, еще хочу. А спросить стесняюсь. Бабка вскочила, чай подала в мисочке. Эта посуда уже из глины, или чего – то подобного. Отвар травяной хорош. Ягодами отдает. Хлебаю, наслаждаясь.

– Ну, дочка, рассказывай, как попала к нам, – не вытерпела бабка. – Откуда, куда путь держишь? Как согласилась на клятву, чего ради? И чем помочь тебе можем?

Выложила ей про сестру. Дульсия только головой помотала. Задумалась.

– Странно, что ты сюда сразу попала, – говорит наконец. – Никто так еще…

– Орки ж, – перебиваю.

– Эти тоже не сразу. Они в поляну входили сами. А появились на окраине.

Киваю, мол поняла.

– И часто так?

– Орки? Ну, бывают, деточка.

– А лавиной вас орочей не смоет? – удивляюсь. Если на то пошло, это поселение не так уж и укреплено, чтобы против целой армии стоять.

– А мы не лыком шиты, – ухмыляется бабка. – Еще чайку?

Киваю. Поднимается, кряхтя.

– Давайте помогу, – вскакиваю.

– Да сиди уже, отдыхай горемыка, – отмахнулась бабка. – Мы хищника на подступах подкармливаем. Кто пришлые, троп не знают. С эльфами мир у нас, относительный. Правда не со всеми, народ обидчивый. Одно достоинство у них – сплочен, в отличие от нас, алчных до власти человечков.

– А здесь жить не опасно? – интересуюсь деловито. – Поляна этих ваших миров кишмя кишит. У меня на глазах эльфийку сожрал кузнечик. И войско орков переживало и выплюнуло чудо – юдо невиданное. Не находите странным, что цветы с многоэтажный дом, насекомые с динозавров?

Бабулька рассмеялась, чую вот – вот закашляет мокротой. Но сдержалась, горло продрала. Сейчас о мире этом расскажет, приготовилась на ус мотать.

– Ты попала в мир Кселаны, – начала Дульсия. – Тут деточка, вольные живут. Все здесь рабы. Раб до смерти – эту клятву дает любой без исключения, чтобы попасть сюда. Но если умирает хозяин, ты становишься свободна. Однако не все идут по пути свободы. Все вокруг добывают пыльцу из Поляны миров. На окраинах это проще. Там и работают, вглубь не ходят из – за кровожадных существ. Поэтому тут скрываемся мы.

– Пыльца, – фыркаю, у меня свои ассоциации. Сестра из – за нее и попала сюда.

– Да, хозяева довольны, когда рабы добывают достаточно, и не довольны, когда наоборот. В этом мире множество существ из разных миров. Хозяева тащат всех себе подобных. За долгие годы много образовалось сел, городов, даже королевств. И людей, и орков, и гномов.

– И эльфов…

– Да, деточка. И этих тоже. Своя власть есть везде. И она поклоняется хозяевам, как богам, отдает им пыльцу. И кто больше дает, тот обретает могущество и преимущество над другими рабами. Бывали и те, что восставали против хозяев. Тогда слуги Кселаны расправлялись со всеми неугодными особо жестоко.

– Много вы знаете, – хвалю бабку. – А кто такая эта Кселана?

– Смотри с дуру не спроси где, – спохватывается Дульсия. – Высшее божество этих миров, создатель всего сущего. Сразу и не передашь всего смысла.

– Кстати о смысле. Почему все на Русском говорят?! – выдаю.

Дульсия замотала головой, посмотрела пристально, даже наклонилась вперед.

– Это ты принимаешь на своем, и каждый так, – отвечает задаточным тоном. – Так мир устроен, каждый понимает, как ему

лучше слышится. И говорит, как умеет, а слушающий принимает по своему языку. Вот и все. Общий язык мира.

– Как дважды два пять, – гнусавлю. – Бабуль, вы мне лучше скажите, как мне сестру найти?

Задумалась Дульсия. Почесала седую голову.

– Будем молить богов, что миновала ее наша Поляна, – начала, наконец, бабуля. – Попасть она должна к людям. А если мала и хороша, как ты, не будет у нее проблем. Жизнь у нас не хуже той, от которой бежали…

– Ага, – усмехнулась. – А вы что прячетесь тогда?

– А мы не от хозяев прячемся. Они свободных не трогают. А от людей, алчных и злых.

Понятно. Сижу, перевариваю сказанное. Нужно уходить с этой хищной поляны к людях в флору и фауну нормальной величины.

– А далеко граница Поляны миров?

– Мир Кселаны огромен, деточка, – выдает бабуля. – Не сыщешь ты сестру. Даже не пытайся.

– А если знаю, чей клан хозяин ее? – взвинтилась я.

Дульсия не ответила, только глаза выпучила. Пугающе так…

Какие тут варианты? Клан Эрей проиграл клану Мор и улетел. Потом моя сестра побежала к ним в рабство просится. Значит, Мор и есть хозяин. Это ж та еще зацепка!

– Уходи по добру, Валерия, – прошипела бабка.

Меня как кнутом огрело. После добрых – то слов гнать в шею! Вскочила я обиженная.

– Стой! – спохватилась бабка. – Я сотника попрошу, чтобы дал проводника до окраины. Не место тебе среди нас. Чует мое сердце, беду нам принесешь.

Сглотнула. Изгоя из меня делать не надо. Были, знаем.

Сотник пришел. Воин знатный, ручища в канатах мышц, лицо в шрамах, улыбка задорная, смотрит на меня с неподдельным интересом собственника.

Выпроводили меня из землянки. Решили, видимо, с глазу на глаз переговорить.

Спустя какое – то время вышел сотник угрюмый. Посмотрел на меня скептически.

– Лучник нам хороший не помешает, – говорит мощными связками. – Поль сказал, ты одним выстрелом двух орков через брешь поразила.

– Я случайно, – мнусь.

– Талант проявляется в случайностях, – обрезает. – Мы рейд готовим на темных эльфов. Вызволять надо своих. Сослужить службу, дадим тебе уйти, снарядим и проводника хорошего получишь. Выведет тебя на окраину к людским городам. А там уж сама.

Глава 5
Стрелок

Как говорил отец, самое главное в армии – это тренировки!

На это дело пару дней было. Так сотник Гастон сказал.

Щедрые жители деревеньки, которую гордо называют «город», нашли мне обувь, правда мужскую, мой размер отыскать было нелегко среди женской части населения. Местные женщины здесь оказались мелковаты. Еще лохмотья помоднее вручили. На меня мужчины пялились без зазрения совести, оттого смущали сильно.

А вот местные девушки невзлюбили, почувствовала по опыту прошлых лет и сражений. Оставалось примкнуть к мужскому кругу. К клану воинства, так сказать. Удивилась новости, что женщины в нем уже имелись! Лучницы. Целых пять!

Мне вернули эльфийский лук, вручили неподъемный колчан с кучей разноперых стрел. Люди, видимо, сталкеры еще те.

– А ну, Валерия, покажи класс, – говорит Поль, вызывая на моих щеках краску.

Стою перед мишенью из разрисованного листа. Двадцать шагов отмерили. Воины смотрят, мастер – класса ждут. А мне так не хочется разочаровывать!

– Говорю, случайно вышло, – заранее сдаюсь.

Колчан в сторону отложила. Стрелу выбрала самую новенькую. А то, все потрепанные, где в крови, где в слизи. Фу. Хотя бы тряпочкой протереть нельзя?!

Так, включаю логику. Желобок есть на луке. Туда стрелу. Тетива в канавку на стреле… Натягиваем. Прицел, как на Макарове по принципу «целик – мушка» на одну линию. Выстрел!

Удар по пальцам, стрела в сторону отлетает, будто пропеллер вращаясь. Боль дикая. Вою… А они смеются все! Обидно блин.

– Нашли стрелка, – раздается разочарованный женский голос.

– Гастон, пусть лучше стрелы подает, – подхватывает мужской.

– Или дай ей веник, следы заметать, – добивают мою боевую самооценку.

Разочаровались во мне. Стали расходиться. А я встаю с коленок. Палец большой трогаю, дикой болью отдает. Ушибла. Так, какие выводы? Слишком близко к желобку схватила. Надо бы еще разок попробовать, только страшно теперь в руки эту штуку брать, мало ли без пальца вообще останусь.

Пока никто не смотрит беру стрелу. С синим опереньем. Эльфийские это. Они на руку хорошо ложатся. Прицеливаюсь… Стреляю…

– Попала! – визжу от радости.

Оборачивается Поль.

– Эй, смотрите, попала! А ну давай еще!

Со знанием дела выбросила все незнакомые стрелы, оставила только эльфиские с синим оперением. Начала усиленно тренироваться. Попадала с переменным успехом. Но принцип поняла быстро. Интересно, откуда эти перья? Из задницы какой такой птицы? И сколько жизней эльфы положили на их добычу? Ржу… Эмоциональные перегрузки, нервы.

В лист стрелять одно, а в человека, даже если он урод – совершенно другое. Я не беру в расчет орка того, вернее двух. Со страху было. Куда там воткнулось, я не поняла и не увидела. И хорошо.

Снарядился отряд рано утром. Смотрю на Гастона, вчера заперся ко мне в землянку с предложением руки и сердца. И кое – что еще. Выгнала в шею.

Теперь обижен на меня командир. Хоть виду и не подает. Он, конечно, ничего такой, о подобном и мечтала, будучи «гусеницей». Но шуры – муры крутить в чужом мире желания нет никакого. Иду на бой без намерения убивать, только бы отсидеться.

В обуви ходить одно удовольствие. За мужиками успеваю, оставляя позади всех женщин. Чувствую легкость и парю, словно

бабочка. С таким – то притяжением! Понимаю, что скоро атрофируются мои мышцы и придут в удобную норму, как у космонавта на орбите. Может бегать по утрам начать? От жабы к примеру?

На бегу размышляю об этом мире. Много бабка Дульсия поведала интересного. Кое – что из сказанного Гремленом подтвердила. Значит, сюда всех этих человекообразных гиганты перенесли и продолжают переносить, чтобы те им пыльцу добывали. Вот только я, когда ела пыльцу здешнюю, она не произвела эффекта, как та, которую давал мне Эрей Авель. От передоза не грохнулась и красивее, вроде, не стала. Странно это.

Вспоминаю Эрея Авеля. Сердце тоскливо скулит. Скучаю по нему. Картинка смазывается, конечно, память у меня девичья. Но ощущения те, как вчера все было. Помнят мои пальцы все эти прикосновения. Волшебство такое пьянящее… сон самый сладкий…

Падаю. Лечу кубарем. Гастон матерится. Меня поднимают сильные руки воина. Отряд притормозил. Позади хихикнула женщина. Вот сучка.

– Все замерли, – шипит вдруг Гастон. – Ни звука. Май, вперед на сто шагов.

Молодой блондинчик Май кивает и уносится вперед.

Минуты полноты прошло. Вскрик парня слышали все. У меня паника, коленки затряслись. А все стоят, как стояли. Только переглянулись.

– Они нас не видели еще, – шепчет Гастон. – Но знают, что здесь. Отходим, только тихо.

– Валерия, тебя боги ведут, – прошептал один из мужчин.

– Ага, если бы не споткнулась, так и попались бы, – подтвердил другой.

Хочется грудь выпятить, но тогда мужская половина отряда заволнуется еще больше. Итак, женщины меня ненавидят. А захотят убить.

Помчались назад. В обход. Чуть не напоролись на кузнечика здоровенного, размером с человека. Он боком к нам на стволе цветка сидит. Зеленый, тело – граненый панцирь в черных узорах, ноги задние в шипах, морда в профиль, как у КАМАЗа с тем же выражением, вдобавок черный глазик смотрит неотрывно, и брюшко ходит туда – сюда. В общем, мерзость исключительная.

– Детеныш, – прошептал один из воинов. – Где один там и десяток.

Стали обходить. И так до самого вечера плутали. Но без жертв. Выбилась из сил. Полезли на цветки ночевать.

Впервые задумалась. А зачем на ночь лезть с земли?! Спросила женщину.

– Муравьи сожрут, – последовал ответ.

– А в лагере как?

– Сетка и травы отпугивающие. Ты совсем с дуба рухнула? Элементарных вещей не знаешь. Зачем сюда вообще потащилась?

– За адреналином, – выдаю горько.

Темнеет быстро. Отряд наш уместился на десятке растений. На этот раз я проделала ножом в стебле дырки, чтобы удобнее было обхватывать. Руки потонули в вязкой жидкости. Ветка между ног, сижу, обняв стебель и думаю, сейчас бы нежилась в теплой постельке, наслаждалась вниманием окружающих и своей собственной комнатой.

Поганые мысли пошли. Фу. Как так можно. Сестру люблю, и не брошу. Пойду за ней хоть на край света. Страшно, да. Но глаза боятся, руки делают, ноги бегут.

Ночью творилось нечто. По всей округе и под нами визжали орки. Когда ж их войско, наконец, дожрут?! Утром я была разбита. И никто, похоже, не спал. Так, надо кинуть идею, сооружать из листьев гамаки на ночь! Точно!

На позиции вышли к полудню. Лагерь темных эльфов был тщательно замаскирован. Но наши воины прочитали пометки на

растениях, что оставила их разведка когда – то. И вот мы на подступах.

Гастон осматривает стволы десятиэтажных растений. Борозды глубокие и я заметила.

– Орки, – сделал выводы. Все согласились, даже я.

– И?

– Отбились эти… Вперед. Валерия, ты со мной.

Отряд в рассыпную кинулся. А у меня душа в пятки ушла, бегу, трясусь. Лук в руки перехватила. Пробираемся сквозь траву, стараясь ее не тревожить. Один из наших на цветок высокий залез, знаки подает по цепочке. У них тут система, похоже, отлаженная.

Замешкалась. Упустила из виду широкую мужественную спину Гастона. Травинку обошла, нет его! Покричать что ли?! Обернулась, уже и дозора не видно. Паника охватила. Иду вперед в надежде лидера найти. Шагов через десять трава кончается. Передо мной на животе Гастон лежит, смотрит вперед.

– Падай, – шепчет сквозь зубы. – Выдашь.

Падаю, казал же падать! Шумно упала. Впереди суматоха началась!

– Что ж ты делаешь! – рычит и поднимается.

В нашу сторону стрелы летят. Одна просвистела совсем рядом. Другая у ноги воткнулась. Коричневое оперение, все верно – темные эльфы. Теперь я спец. Бегу и радуюсь. В сторону мчусь, куда глаза глядят, подальше от этого балагана!

Я девушка! Леди практически! Какое мне дело до этих войн!

Выбегаю на полянку. А передо мной четыре эльфа возникают! Я для них – полная неожиданность. Морды цвета меди, глаза ехидные. Инопланетяне еще те.

Начинаю визжать, хватая стрелу. Десять шагов, не больше. Стреляю! Попадаю в бедро одного. Он падает и кричит истошно. Трое других вскидывают луки. Мощный удар сотряс мои мозги, картинка стремительно смещается вправо, это я улетаю в сторону! Сверху меня накрывает Гастон. Наверное, об этом мечтал со

вчерашнего вечера. С прыжка поднимается мой спаситель, вынимая со звоном меч. Лежу на земле и слышу звуки битвы. Страшно, спину ушибла, похоже, на корень какой – то напоролась.

Поднимаюсь, слышу, как ревет Гастон. Вижу, что двое валяются, а двое других напирают на сотника. Ищу в траве лук. Стрелы рядом рассыпанные. Беру на изготовку.

– Всем не с места! Вы арестованы! – кричу дрожащим голосом. Что пришло в голову, то и крикнула. На меня посмотрели испуганно.

– Да стреляй же! – горланит Гастон. А я не могу, убивать – это не мое. Ну не мое и все.

– Сдавайтесь! – настаиваю.

Оба мечи побросали, руки вверх вскинули. Гастон подошел и без зазрения совести зарубил обоих. Отвернуться не успела, все увидела своими глазами. Сотник ждать не стал, шмыгнул в траву своим помогать. А я, похоже, разочаровалась в людях, верно охарактеризованных простым словом – человечки…

Лагерь темных был разбит еще до нашего прибытия. Остатки эльфов не оказали особого сопротивления. Пленных не нашли, вот же разочарование. Зато трофеев набрали в стиле мужика Поля.

Я злая. Иду, ни с кем не разговариваю. Гастон тоже молчит, задумался. Я над его поведением, он – над моим. У каждого своя правда. Я может и выгляжу, как королева воинов, ляжки, сиськи, амазонка еще та. Но что до убийств, не могу я так. Они ж сдались!

В лагерь вернулись без потерь. Обошлись малой кровью – блондином Маем и царапинами.

– Как обещал, завтра на рассвете готов спровадить тебя со своим человеком, – буркнул Гастон не глядя в глаза и не дожидаясь ответа, нырнул в землянку к Дульсии.

Я так поняла, она у них главная.

Разбитая, побитая, но довольная я занырнула в свою нору. Живу не одна. С девкой Люси. Она меня приютила. Уже насладилась душещипательной историей, как ее маму червяк засосал. Фу, сколько это будет продолжаться?!

Рассвет. Холодный и мерзкий. Подняли рано. Вручили мне в проводники дохленького мальчишку.

Делать нечего. Дареному коню…

– Ты на меня не кривись, – бурчит мелкий. – Я тут родился, знаю все. Доведу, как обещали отцы. Меня Соером зовут, если что.

– Спасибо, что не Сусаниным…

Снарядилась я по высшему разряду. Лук эльфийский взяла. Стрел с синим опереньем отсортировала. Стрелять не собираюсь по людям, но мало ли, дичь какую по дороге подстрелить. Парень оказался тоже не промах, целый моток веревки через плечо перекинула.

* * *

Часа полтора шли без происшествий. И вот Соер вдруг остановился и стал лихорадочно разматывать веревку.

Лес цветочный зашуршал отличительно и по – особенному. Стебли затрещали. Кузнечики распрыгались, под ногами земля дрожит. Страх нагоняется сам собой.

Смотрю, а Соер уже по веревке ползет. А она с самого бутона тянется. У него на кончике кошка была, как у пиратов?

– Надо на самый верх, – говорит кряхтя. – Залезу, ты следом. Поняла?

Влез ловко и меня зовет. За веревку цепляюсь руками, ногами, как в школе учили. И вишу, как дура. Он начинает меня тащить! Такой мелкий. А сил сколько!

У самого лепестка руку подал. Голова закружилась, не то от ароматов сладких, не то от высоты. Ползу, дрожащими руками за парня цепляюсь и его веревку. За выпуклости цветка держусь. А тот пошатывается от нашей суеты! Примостилась на ромашке с белыми лепестками. К желтому центру сместились, ибо листки скользкие, сползает попа моя тяжелая. Цветок диаметром метров пять. Не самый высокий, так средненький. И тут я обомлела.

Поляну увидела с высоты! Вокруг все в цветах гигантских, разноцветных. Каких только расцветок нет! Все – все! Рябит в глазах. Да еще и под солнечным светом красота такая. Наша – то ромашка невзрачная. А вокруг столько всего красивого: розы видов всяких, ромашки разноцветные и просто длинные листы травы, на которых восседают кузнечики, от того пригибают их слегка. Кусты с розовыми розами возвышаются вдали. Может, и до них дойдем. И над всем этим ковром суета всякая происходит: мошкара летает, пчелы, шмели. Нас пока эти здоровенные насекомые не замечают.

А у меня восторг сменяется паникой. Мы ведь на самом виду! Начинаю прижиматься к цветку и дрожать. Сперва бросилась в глаза общая обстановка. Теперь увидела частности. Самая ближайшая частность – это пчела, что на соседнем цветке с синими лепестками возится. Или шмель это? Размером с немецкого дога, а шириной со свинью. Жужжит так недовольно, глядишь взбесится.

– Это самый безопасный цветок, – шепчет парень. – Тут нет пыльцы, он сорняк. Никто сюда не сядет, Валерия, не бойся, они все чувствуют страх. Внизу сколопендра, если и она учует, ничто уже не спасет.

Какая сколопендра?! Многоножка что – ли?! В груди стремительно холодеет. Вижу, как вдалеке цветы трясутся, и это все к нам приближается! Будто что – то большое и неуклюжее внизу ползет и задевает стебли цветов. Собирателей пыльцы тревожит и кузнечиков. Те распрыгались резво. Один вообще рядом пронесся с расправленными крыльями, как дельтаплан!

Скрежет хитиновой брони и шелест листвы вверг в дичайший ужас, нагнетаемый усиливающимися звуками. Приближается!

Сердце мое заходит в истерике. Внизу среди зелени мелькнула бардовая сегментарная спина этой твари. Цветок качнуло! Да так, что едва удержалась. Визжать хочется, но держусь! Сползла немного к лепесткам, за веревку ухватилась, она на крючке, что впился в листок. Надеюсь, удержит. Смотрю в щелочку. Внизу многоножка шириной метров в десять, едва между цветков протискивается.

Лапища перебирает волнами, голова ворсистая, усатая дальше пошла.

Тянулась тварь своим длинным телом долго, задавая трепку всей Поляне, в конце на хвосте ее клешню увидела мощную. Жало, не иначе, такое человека насквозь пробьет, как шашлык на шампур насадит.

Вроде миновало. Шум от движения стал удаляться.

Смотрю на место, где был Соер. Нет его! Ладно, сердце обвалилось куда – то в район живота, да тут все органы в ужасе осыпались, когда поняла, что одна осталась!

Как я отсюда слезу?!

Небо ясное, голубое такое. А поляна нескончаемая, конца и края не видно. Солнце греет хорошо. Но почему – то смотреть на него могу, не такое и яркое глазу кажется. И цвет у него немного необычный, голубоватым отдает. В небе что – то сверкнуло.

Бабочка огромная с небес стала сходить, будто темный ангел. Крылья фиолетово – красные, невероятно красивые. Только вот тельце какое – то необычное. Мне мерещится, или это человек?! Фигура в красной одежде с огромными крыльями, каждое размером с пятиэтажный дом! Не меньше!

И оно, это существо приближается ко мне! И чем ближе, тем отчетливее понимаю, насколько оно огромно!

Сжалась вся. А бабочка – мутант вдруг нависает над цветами метрах в ста от меня. А под ней что – то происходит! Шум поднялся, рык мощнейший. Смотрю, как морда бардовая выше уровня цветов поднимается! И на бабочку идет! Что – то тоненькое мелькнуло с металлическим отблеском. Сколопендра дернулась, визг по ушам ударил, что барабанные перепонки чуть не лопнули. Зажала руками, легче не стало.

Бабочка еще метнула что – то в тварь хитиновую, та и повалилась. Треск ломающихся стеблей разнесся мощнейший. От удара все цветы вокруг шатнулись. А я потеряв бдительность понеслась с белого листа ромашки вниз!

Визжу и лечу. Спина встретила ветку, лист, еще лист. Удар об землю. Болезненный. Лежу, боюсь пошевелиться. А там где – то рев затухает. Возня, будто многоножка в предсмертной агонии бьется.

Самый страшный монстр повержен бабочкой. Да... с масштабами в этом мире беда. Надо мной возникает мальчишка Соер.

– Ты в порядке? – спрашивает встревоженно. – Надо спешить, пойдем по пути сколопендры, только назад. Это сейчас самый безопасный путь. Пока звери не опомнились.

Руку подал, затем лук мой потерянный и колчан. Да нужна мне вся эта бутафория?!

Бежим быстро, практически по прямому пути. Трава, примятая, уже начала распрямляться. На пути и поваленные цветы встретились и поцарапанные стебли, и оплавленные чем – то. Соер успокоил, что это всего лишь ее кислота. Тварь излишки расплескивает, видите ли.

А у меня из головы та человекообразная бабочка не выходит.

Бежала и думала, пока меня парень резко в сторону не дернул. В траву упали. Запах странный почувствовала. Повернула голову и завизжать уже хотела. Рот прикрываю. Нога кузнечика торчит задняя! Прыжковая которая, мощная и с шипами. Вот только где сам кузнечик. Неестественно повернутая нога, похоже, оторвана.

– Орки, – шепчет парень. – Двое, нас еще не заметили. Тридцать пять – сорок шагов. Снимешь?

– Чего? – взвинтилась. – Я не...

– Нам надо проходить дальше, Валерия, во что бы то ни стало. Скоро со всех сторон хищники сбегутся на дорогу сколопендры, видишь, сколько она всего тут оставила, есть чем поживиться.

Беру лук эльфийский. Стрелу дрожащей рукой прикладываю к желобку. Крадусь, выхожу на позицию, которую Соер показал. Вижу орков, копаются в каком – то сером дохлом жуке. Фу, какая гадость. Видимо, проголодались бедолаги сильно.

Натягиваю тетиву. Беру поправку на расстояние, чуть выше, она ж по параболе летит, баллистику никто не отменял.

Стреляю. Летит синее оперенье и прямо в тушку жука втыкается. Промазала! В траву шмыгаю.

– Эльфы! – кричит один свинячим голосом.

– Да сколько этих уродов тут! Бежим!

– Мяса прихвати!

– Да бежим уже! Плевать на эту падаль!

И застучали латы прочь от нас. Соер смотрит на меня пригнувшись. В глазах укор и еще что – то непонятное. Киваю, мол, ну что. Он поднялся, посмотрел туда, где орки были. И вышел вперед. Я следом.

Стрелок из меня неважный. Пользы никакой принести отряду нашему не смогла.

– Надо было сильнее натягивать тетиву, – брякнул мальчишка, вынул из тушки жука стрелу и мне протянул.

Поковыляли дальше. Следующий отряд орков встретился шагов через пятьсот. Вот только у них не все ладно было. Перестрелку вели с эльфами.

Благо, что со светлыми, я по стрелам определила. Делать нечего. Заняли позицию. Уродцы к нам в пол – оборота. Эльфы явно доминируют, судя по натыканным вокруг стрелам. А орков штук семь. Стрелкового оружия у них не видно, мечи в руках да копья. Загнали бедолаг. Судя по всему, орки и не знают в какую сторону отступать. За стебель поваленный спрятались, трупами товарищей прикрываются.

Мальчишка убеждает, эльфам надо помогать, ссоры с ними ни к чему. В итоге получается, я должна убить орков, чтобы выжить.

Ну что ж. Дурное дело – не хитрое. Вышла в тыл. Прицелилась, стала стрелять. Первому в спину стрела угодила. Отскочила. Пока соображали, второму в шлеп попала, тоже не пробила. Отчаялась, стала выискивать брешь в их защите. Нашла – между шлемом и нагрудником.

Весь колчан расстреляла, ни одного не убила. Стою уже в двадцати метрах от них и думаю. Что же делать. Высмотрела стрелу, воткнутую

в землю. Хм… оборачиваюсь к парню. Он в траве затаился.

– Назад, – шипит сквозь зубы. – Что удумала?!

А я что? Решила свиней на понт взять. Страшно, ну а что делать?! Они без стреляющего оружия. Если что, убегу. Они в доспехах меня не догонят. Выманю на открытую местность, эльфы помогут.

Плечи расправила, лук со стрелой на изготовку. Взгляд посуровее сделала. Глаза выпучила, по – эльфийски так. Иду неспешно, чтобы и ушастые распознали во мне союзницу.

– Не с места! – визжу, все семь свинячьих рыл на меня поворачиваются, глаза шальные. А я продолжаю, остановившись в пятнадцати шагах: – Сдавайтесь! Вы окружены! Ваша армия разбита!

Мечи посыпались с копьями, орки стали подниматься. В глазах испуг. Стрелы тоже уже не летают.

– Зачем орать так? – раздается писклявое женское.

Я выдохнула с облегчением.

Со всех щелей повылазили эльфы, луки с натянутыми тетивами. Смотрят на меня, на орков.

– Я за вас, – говорю ушастым.

– Так ты одна что ли? – кривится ближайшая эльфийка.

– Там еще пацан мой прячется к траве, – пожимаю плечами.

Орки между собой переглянулись, резко мечи похватали и на эльфов! Тех хоть и больше в два раза. Вот только они без доспехов!

Началась суматоха. Я в паническом ужасе стрелу выпустила, та прямо в глаз орку угодила!

За мной другой урод погнался! Я от него. Слышу шелест характерный впереди. Впереди на листе сидит кузнечище! Морда с пастью безобразной, непонятно как сложенной, с кучей пластин и зубцов, смотрит на меня. А позади у него ноги мощные на взводе и усы прижаты! Резко в сторону поворачиваю. Будто волна ударная меня цепляет. Электричка московского метро миновала! Оборачиваюсь. Кузнец на орке сидит! Скрежет металла резанул по ушам. Я теряться не стала, побежала куда глаза глядят.

А за мной кто – то! Я еще быстрее! Страшно ведь! Оборачиваюсь минут через двадцать с мыслью, что ж за настырная скотина такая. Соер мой бежит, вот умница. Остановилась. В руке лук, собираюсь его зашвырнуть уже. Бесполезный агрегат, только позорю свою «человечковую» расу. А мальчишка мне охапку стрел дает, мол я твой оруженосец.

Может, чего не понимаю, но как можно цель в доспехах пробить?! Это надо уметь щели эти искать, уязвимые места. А если цель в движении. То как тогда?!

Замаялась. Присели на землю, устроив привал. Соер отбежал на пять минут, думала по своим делам, а он коренья белые принес. Поели, заодно и попили кислого сока из них. Только прилегла отдохнуть. А в траве шуршание началось. Приподнимаюсь. Опять муравьи лазят.

Взбесилась я. Покоя в этом мире нет. Чувство поганое, когда хочется отдохнуть, а уродцы всякие норовят за пятку ухватить. Муравейчики вроде скромные, но стоит зазеваться, они уже где – то у соседней травинки скребутся.

Заночевали на стебле. На этот раз попросила парня примотать меня веревкой. У усталости отключилась почти сразу. Утром двинулись дальше.

Трое суток еще шли. Несколько раз встречали залетных орков одиночек. Но уже выбившихся из сил, пошарпанных, неадекватных. Соер насобирал мне стрел пятьдесят, а я от скуки начала пулять по чем зря. Подстрелила даже муравья.

И вот, настал момент. Когда мальчишка остановился, посмотрел на меня тоскливым взглядом несостоявшегося собственника и изрек:

– Валерия, дальше сама, в направлении тени от солнца. А я обратно. Был рад помочь, надеюсь, ты найдешь свой путь и свое предназначение.

Обнялись. Чересчур интимно, учитывая, что я без лифа. С неловкостью отлепила парня. Посмотрела на него с укоризной, улыбнулась. Кивнула и пошла дальше сама. Уже не так страшно, ибо

насекомых к третьему дню стало меньше, звуки их трели все дальше, а суета где – то там, очень – очень далеко. Дикая часть Поляны позади. Похвастать могу, что умею теперь пищу добывать сама, знаю под какой травой коренья съедобные копать.

Настроение приподнято. Впереди же меня ждет цивилизованный мир человечков.

Вскоре лес резко поредел, стал более солнечным. Поваленных высохших стеблей прибавилось. Часть уже в труху превратилась. Витает запах подопревшего. Так недолго и на опарышей злобных нарваться.

Иду аккуратно, лук на взводе, вторая стрела под рукой. Вроде лес и посветлел, вот только мрачности неясной прибавилось. Толи от запахов уже менее сказочных, толи тех коконов белых, что впереди висят на паутине, которая между трех стеблей сплетена.

Где паутина, там и паук. Холодеет в груди. Коленки трясутся. Решила по дальнему радиусу это зловещее место обойти. Коконы гроздями развешены, штук двадцать. Паук деятельный попался. А еще меня сомнения дикие распирают, не люди ли в этих самых коконах, очень уж форма подходит под габариты людские.

Мухи, они жирнее и круглее.

Мурашки катаются по гусиной коже и истерично хихикают.

Слышу визг. Очень напоминает Алинкин! Я ее визг знаю, догоняла нашкодившую не раз. Организм будто в боевую трансформацию переходит. Уже не так боюсь, я словно кошка, готовая биться за своих котят насмерть.

– Алина! – Ору во все свое настрадавшееся горло и мчусь мимо всех этих сплетений и коконов.

Картина мне открывается метров через сорок: паук здоровенный, размером с джип пятится в мою сторону, тащит запутавшуюся в паутине сестру!

– А ну брось! – реву на тварь.

Прицеливаюсь. Тетиву так сильно еще не натягивала, наконечник аж до самого древка дошел. Стрела эльфийкая, качественная.

Выстрел! Прямо в брюхо! Тварь завизжала истошно и как прыгнет в сторону! На лету прямо на меня разворачивается. Струю белую пускает. Я, как истинная королева воинов, отпрыгиваю. И не теряя ни секунды заряжаю еще.

Пуск! Прямо в фасетки черные стрела впивается. Паук где стоял, там и завалился. Видимо, мозг пробила.

Бегу к сестре. Та в коконе, одну голову видно. Выдыхаю разочарованно. Волосы – то русые, в косы две толстые сплетены. Это не Алина. Девушка молодая, испуганная, возраст примерно такой же.

Но это не она.

Беру нож. Дернулась девочка, взвизгнула.

– Тише, подруга! Я за ваших, сейчас, сейчас.

Девка успокоилась, смотрит на меня зареванными круглыми карими глазами. Аккуратно прорезаю путы, нож эльфийский хорош. Она вроде успокаивается, но вижу, что даже дышать боится. Высвобождаю. Липкая паутина, двусторонний строительный скотч позавидует.

Избавила ее от паутины, кое где куски остались на кремовом платье, на них и грязь прилипла. Девочка на ноги встала. Трясется бедная, чую вот – вот стошнит ее от нервного потрясения.

– Далеко до твоих? – спрашиваю.

А в ответ руку вытягивает, указывая мне что – то за спиной, и снова визжать начинает.

Разворачиваюсь, одна рука лук держит, вторая стрелу из колчана вынимает. Все на автомате уже.

Кто бы сомневался: два паука на ветках и паутине сидят, метрах в тридцати. Смотрят на нашу мышиную возню своими гроздями бусинок. Видимо договариваются, чье мясо будет.

Девка помчалась прочь, пронзительно визжа. Зря, они ж все, как дикие собаки, стоит начать убегать, и бросятся в атаку.

Прицеливаюсь, прямо в глаза страшилище. Тряску в руках стараюсь унять, силой подавить. Ибо понимаю, либо они меня, либо

я их. Но странное умозаключение выходит: одного прикончу, что не факт, второго не успею, паутиной накроет. И они чего – то ждут, не атакуют.

Начинаю пятиться, увеличивая расстояние. Иду, постепенно ускоряясь. Пяткой напарываюсь на что – то. Едва не падаю, но держу равновесие, перешагиваю. Понимаю, что у ног моих чей – то труп. Отхожу еще, теперь видно, да… труп крестьянина, или даже воина, доспех кожаный, истерзанный. Паучьих лап дело. Не всех они на потом, некоторых и сразу…

В груди уже нет сердца, оно бьется у горла. А эти два уродца стоят и ждут!

– Сзади! – визжит девка.

Оборачиваюсь. Первое, что увидела – паутина, прямо перед лицом. Чуть дальше моя спасенная барахтается. Сетка тонкая, едва заметная, лучики солнца ее игнорируют хорошо. Если бы не вибрация попавшейся, вряд ли бы заметила.

Поворачиваюсь обратно. Паука одного недосчиталась!

Начинаю спиной обходить преграду. Пока эти две твари живы, не до девки. Слышу пшик, рефлекторно отпрыгиваю. Ниточка паутины мимо пролетает. Вот зараза! Вижу, как из темноты его зловещие сотни глаз выглядывают, челюсти ходят туда – сюда недовольные.

Стреляю, прямо в его наглую морду. Визжит истошно. Заряжаю, и палю по зрителю на ветке. Расстояние большое, но стрела угодила прямо в лоб. Еще с полминуты под истерику девки, я с заряженным луком высматривала пауков. Но больше никого.

Подошла к паутине. Стала подрезать ее аккуратно, по одной ниточке. Возилась долго, постоянно оглядывалась и озиралась по сторонам. Девка заткнулась, когда поняла, что от этого зависит, придет ли кто еще попытать счастье человеченкой полакомиться.

Девушку освободила. Та прижалась ко мне, ревет.

– Отродясь эти звери здесь не хаживали, – причитает сквозь слезы. – Они на экипаж напал, пожрали прям там половину, а меня потащили. Воины отцовы за мной, а эти, эти их…

– Тише, тише, – глажу по головке русой. – Давай, показывай, куда идти. Пока еще не нагрянули.

Девка успокоилась. Слезы вытерла и повела. Дорогу нашли легко. Все трупами воинов усеяно, бороздами паучьих лап. Трупы еще двух зарубленных пауков встретились. И вот он долгожданный просвет!

Свет в конце тоннеля! Блики воды на которые смотришь со дна! Я живая! Я выжила! Я…я…

Навстречу бегут люди.

– Папа! Папа!! – ринулась девушка.

– Дочь моя! Душа моя! – взревел отец. – Так? А это кто?! Беглая?! Взять ее!

Стою и понять не могу. Кого взять – то? На меня шесть мужиков в коричневых клепанных кожаных доспехах идут. Мечи со звоном вынули. По флангам два лучника стоят и прицеливаются. У меня на затылке волосы зашевелились.

– Я вашу дочку спасла! – рычу с обидой, голос на визг срывается.

– Беглой дикарке место на каторге, – рычит папаша. – Да, дочка?

– Да, папа, – шепчет маленькая сука.

Глава 6
Неожиданная встреча

Ком обиды подступил такой, что говорить не могла. Одни эмоции. Меня посчитали беглой рабочей с их плантации, которую они каторгой назвали. Вот так и помогай людям! Тащусь привязанная за телегой. Местные поля, вышки из бревен, сарайчики, лошадки – все кажется таким малюсеньким. А душонки их так вообще меньше муравьиных.

Я озлоблена.

Едет карета с папашей и дочкой, за ней телега с тюками и бревнами, а дальше я на веревке плетусь. Караван наш идет вдоль границ зловещей Поляны. Дорога проселочная вытоптана хорошо, значит, обитаемая тут местность.

Папаша этот – владелец плантации. Ехали они посмотреть, как дела обстоят на производстве, по дороге напали пауки. А тут еще и я подвернулась.

По обеим сторонам от меня всадники. Едут, о своем трещат, из их речей и поняла, что к чему. А еще узнала, что плохи дела у этого неблагодарного человека: рабочих подъедают периодически всякие создания с Поляеы, от того план и не выполняется.

– Лорд скоро и эту лавочку прикроет, – смеется один из всадников с нотками горечи. – Что тогда делать будем?

– А что делать? Пойдем к Ролану, у него народа больше, охрана нужна, участок поспокойнее. Я уже подумываю об этом.

– У нас договор, – с грустью говорит первый.

– Мы сегодня чуть не сдохли, за дочку его глупую. Оно нам надо? Сматываться в пору, пока жаренным не запахло. Ты помнишь, что было у Северных?

– Ты про пожар?

– Ага, прилетел владыка Кселаны и спалил всех к чертям собачьим за сбои в поставках.

– Северные имели прямые обязательства. Мелкое, но королевство. А тут сюзерен есть. А у того вассалов с десяток. Все пашут. Кто – то халтурит, так другие за тех и перерабатывают.

– Ребят? – вмешалась деловито.

– Чего тебе?

– Давайте в мой отряд, м? – начала интригующе. – Я вашей лучницей буду. А вы два мечника.

– Дикарка, нас вообще – то двенадцать человек.

– Я буду тринадцатой. То, что меня схватили – недоразумение. Я не дикарка, а свободная женщина, гуляла по лесу, цветы собирала, в смысле пыльцу. А тут три, то есть пять…тнадцать пауков. Я со всеми одна справилась. Делайте выводы. Нужна ли вам такая боевая самка. Или мне место грядки копать да стиркой заниматься.

Оба рассмеялись. Ну… попытка не пытка.

– Слушай, а она ничего так, – говорит один из всадников. Я ему сразу глазки состроила.

– Ага, надо будет попросить барона дать нам на ночь.

– Вот и я думаю.

Сглотнула. Не, не. Я не то имела ввиду!

Прикатили в лагерь. Кое – кто пешком дошел… Шум от работы пил и топоров известил еще на подступах. Лагерь, как лагерь. Одна сплошная пилорама и лесорубка. Только валят не деревья, а цветы. Добывают пыльцу. По разговорам всадников поняла, да и раньше ту же тему заводили, что пыльца на вес золота. Употреблять в пищу ее нельзя вообще. Хозяева, что покровительствуют над всей округой, за километры чуют нарушение. Если кто – то съест хоть каплю, того смерть ждет мучительная. Бррр.

Пришлось признаться, что недавно тут. Меня взял в оборот пузатый мужичок, в общую кучу женщин согнал и давай инструктаж проводить:

– Собираем не до краев. Что сыплется, ручками подбираем. Если из леса белозубка покажется, не бежим, сразу падаем на землю, и ни звука…

– Постоянно одно и тоже талдычит, – фыркает старушка из строя. – Новых не отличают, вот всем вторят и вторят, башка набекрень.

Смотрю вокруг. Ищу Алину, в каждое девичье лицо заглядываю с надеждой. Попутно местность изучаю. Лагерь скудный. В основном палатки. Из бревен только несколько сараев. Похоже, для хранения пыльцы. Везде кучи стеблей порубленных навалены, служат, видимо, преградой для вторжения. Судя по тому, как местные вгрызлись в цветочный лес, тут уже давно промысел организован. С трех сторон зловещие границы с Поляной миров. Наблюдаю подобия рогатин, они повсюду стоят, меж бревен воткнуты. На территории лагеря какие – то телеги с клетками коваными, турникеты из бревен сколоченные, лошадки около них стоят, хвостами с себя назойливых мух смахивают.

– Убежища, – шепнула на ухо местная, кивая на клетки.

Окинула девушку взглядом. Такая грязная вся, неопрятная. Я бы такую сама на веревку, да на каторгу.

Тут о себе подумала. Голову почесала, под ногтями что – то скрипнуло. Смотрю на свои пальцы, ногти черные от земли. Фу. А что на голове творится… боюсь даже в зеркало смотреть. Ну и кто я после этого?! Беглая, кто ж еще!

Надо что – то менять! Помыться, кудри завить, и заявить – я графиня, чтоб вас всех, Английская! Или маркиза? Кто по титулу выше? На ус намотала, у них тут точно есть бароны и сюзерены. Кто выше, не знаю. О! Маркиза! Звучит как – то эротичнее и соблазнительнее. А Герцогиня? Хм, это уже бабка старая. А я на баронессу похожу. Надо будет имидж проработать. Красота правит миром, это везде и всюду так. А мы, как бы не последние красавицы на селе. Я вообще – то самая популярная девушка четвертого курса МГИ!

Мир средневековья, мечи, луки, кареты. Значит и рыцари есть! Мммм… А я стану леди! В мечтательной голове прокрутились эпизоды из кино про баллы и красивые сказочные платья…

Развели нашу группу на работы. Участков немного, все на зоны поделено, и разделение труда присутствует. Воины рядом околачиваются, делая вид, что охраняют и следят, чтобы не сбежали. Мужская невольничья часть активно рубит цветы. А мы собираем пыльцу с поваленных.

Но вот самый главный нюанс: не все цветы с нужной пыльцой. А только «Красный Ирис» дает необходимую! Рубят десяток цветов, а накидывается на красный бутон. Они все не раскрыты, приходится еще и ковырять вилами. Нам, конечно, колюще – режущие не доверяют. Этим занимаются специально подготовленные наемники. Но острые и настырные куски лепестков, что сравнимы по прочности с арбузной коркой, приходится ручками оттопыривать.

Не редко пыльца сыпется стразу после падения, бутон не выдерживает и дает трещину.

У старых матерых бабок лопатки, у меня ничего, руками тружусь. Бабовщину никто не отменял. Подгоняют постоянно, но работать совсем не хочется. Солнце палит нещадно, лень накатывает волнами. Самый отдых, когда телегу качу, спинка хоть расслабляется. А то работа в три погибели, сразу бабушкины байки про колхоз вспоминаются во времена коммунизма и партии.

Собираю пыльцу, кружочки бежевые размером со сливу каждая. Попробовать тянет. За мной две женщины приглядывают, постоянно осекают. А еще стараюсь местность изучить. В туалет ходим в яму, обнесенную забором с огромными щелями! И охрана смотрит, со стыда чуть не сгорела в первом же порыве. Только когда в животе резануло уж сильно, я не стерпела и быстренько свершила грязные дела.

С водой беда, колодец – то вырыт, вот только вся вода оттуда оранжевая. Девки через ткани пытаются фильтровать. Но это ничего

не дает. Привкус гадкий. Никогда бы не подумала, что буду мечтать из росинки попить!

В сотый раз убеждаюсь, по жизни встреваю во всевозможные приключения. Ищу их на одно место. Как и сейчас. Стволом цветка чуть не пришибло. Зазевалась, пересчитывая охрану. Мысль возникла поднять восстание или совершить диверсию. Народ тут ленивый, но за свободу даже континенты горят и ядерные бомбы скидываются.

Первая задача – выявить неформальных лидеров групп, вторая – подрядить их на восстание. Третья – дать хороший стимул и перспективы. Или нет. Второе с третьим местами надо поменять.

Пашу как лошадь. Смотрю на других, угрюмые все лица. Только бабка у нас старая одна – ей все в радость. С улыбкой трудится. Гляжу на нее и думаю, а не с коммунистической ли она партии?!

Так и до вечера провозилась с перерывом на обед. Поесть дали похлебки, в которой мой язык вкусного не встретил, а зуб на зуб ударяясь, ни разу ничего не раскусил.

Поздним вечером загнали в клетки, те самые, что на тележках. Вот так о нас заботятся. И это только с женской частью населения. Мужскую сопроводили в один из сараев.

Ночь под факелами – верх романтики. Накрыла непривычная тишина. Вся трель звериная далеко, а те смешки пьяных мужиков, что шатались между палатками я даже за шум не считаю. В клетке семь женщин, включая меня. Расположиться удалось не сразу, но вскоре пришли к консенсусу, уложившись валетом и полусидя. Мне не привыкать, в последнее время сплю где попало и с кем попало…

Поспать не удалось. Чуяло мое сердце неладное. Оно и пришло. Пьяное и не одно. Клетку нашу открыли.

– Новенькая, выходи, – рявкнула пьянь. Похоже один из всадников.

Сердце заколотилось в тревоге. Их четверо, а я одна, мощная и сильная духом, но одна. И у них мечи, даже сейчас, будучи в рубахах льняных, с поясами и ножнами пришли. Вышла сама, страшно, вот и

подчинилась. Меня сразу обнимать полезли. За попу один ухватил. Я взбрыкнула. Решила, что буду биться до последнего, когда уж совсем все будет на грани. Пока только провокации. А может, поиграются и бросят? Надежда умирает последней, вместе с девственностью. Сглотнула…

– Строптивая! – воскликнул пьяный урод.

– А дай я!

– Я первый!

– Эй! – возмутилась бабка в клетке. – Дайте поспать. Ведите в палатку уже, дурни.

Ах ты ж стерва!

Меня повели. Иду послушно. Реветь хочется, страшно так. Они ж насиловать будут! Грязные, немытые, занесут инфекцию. Тут в этом мире мало ли какое болячки, птичий грипп, сифилис. А от орков так вообще свиной грипп и лихорадка. У них тут и о контрацептивах ничего не знают.

Начинаю хныкать.

Уже и щупают меня везде. Боже, вот я попала. А на что надеялась?! Обидно до глубины души. Первый раз и вот так.

Шлепок по попе словила. Не больно – обидно. В палатку захожу. А там еще восемь морд! В свете тусклом кривые рожи ухмыляются! Так зловеще!

– А породистая! – восклицает мой тискальщик. – Глянь какие сиськи!

– Ты на лежки глянь и на задницу! – Подхватил другой, задирая мне тунику.

А первый тянется к вороту чтобы тунику эту порвать! Отчаянно брыкаюсь.

– А ты прыткая какая! – блеют пьяные морды.

– Мамочки! – визжу. Руки заламывают сзади. Больно – то как! – Отпустите меня пожалуйста! Уроды!

Гогот пьяный усиливается. Раззадорились мужики. А я слабею с каждой секундой, ноги подкашиваются.

И тут происходит чудо. Колокол забил! Тревога?!

– Тревога! – взревел один из моих потенциальных насильников.

Слышу гул с неба идет нарастающий. Будто дракон ревет или динозавр. Глотка явно с палатку, не меньше. Мужики меня отпустили, стали в доспехи облачаться. Пьяные, неуклюжие. В палатку врывается закованный в сталь мужчина, борода седая, голова лысая, глаза черные и бешеные.

– А ну на выход, отрепье! Наемников понабрали! Стыд да срам! Ты чего копаешься? Меч взял и вышел!

И давай всех выталкивать. Кто в одной рубахе, кто в одном сапоге.

Через минуту я осталась одна. А за пологом творилось что – то неладное. Свет забил в стенки, словно день настал. И страшно, и интересно. Может бежать? Или в клетку вернуться?

Женский визг поднялся и вдруг утих, не иначе как рот заткнули горластой. Через мгновение сотряслась земля, стаканы глиняные вместе с кувшином со стола попадали. Сама чуть не упала, на слабых – то ногах.

Любопытство взыграло! Вышла из платки.

Никто не спит. Все люди вышли из палаток. Сверху лагерь невидимым куполом накрыло. Вокруг ночь и звезды. А здесь светло и ясно, словно день. Эдакий направленный свет.

Не сразу увидела ЕГО, ибо яркость от существа и исходила. Огромный человек метра под три стоит прямо в центре лагеря с расправленными за спиной крыльями неописуемой красоты. В высоту они под купол, метров в десять! Это же человекообразная бабочка! Такая недавно сколопендру прибила!

Крылья синие, с узорами на кончиках, верх и низ заостряется, по краям орнаменты темные. Стою, как завороженная, и страшно, и чарующе. Это ж ангел! Всадники говорили, мол, спалили так где – то что – то. Но не может же такой ангелок плохо сделать. Такое красивое гордое существо!

Решилась на несколько шагов. Рассмотреть его хочу! Одежда в цвет крыльев, волосы золотые…

– Кто!! – разнеслось на всю Поляну, как минимум, если не на весь этот мир.

Были бы стекла, не было бы стекол… А так, просто барабанные перепонки острой болью отозвались. Народ ахнул, уши все зажали. Тут я понимаю, что одна единственная на коленях не стою! Как тополь на плющихе.

– Я спрашиваю, кто?! – Ревет ангелочек не ангельским таким рыком.

Трясусь, от страха, но иду ближе. С краю стою, у палатки. Он не должен меня увидеть. Дикое желание посмотреть на него. Закралось в сердце сомнение одно.

Понимаю, что дура. Страх всеобщий кожей впитываю. А все равно вперед пошла. Потому что хочу о сестре своей спросить. Это же они, гиганты с небес. Только у себя имеют несколько иную форму.

– Ты что творишь, девка, – шипит бабка, склонившаяся. – Стой, не губи нас, сумасшедшая.

– На колени, – шипит мужик, что инструктаж проводил.

А я иду к этой огромной бабочке.

– Зачастили что – то, – бормочет себе под нос еще одна женщина. – Житья нет. Эй, девка, ты сбрендила?

Ускоряюсь. Меня уже за ноги пытаются ухватить. Сдержанно все, ибо боятся эти люди даже шевелиться. И мое сердце замерло, затаив дыхание иду. И вот вижу его.

Из меня слезы брызнули, как из душевого смесителя. Монстр злой, с перекошенным лицом от ярости, вселяет ужас и трепет. Не могла и помыслить, что Эрей Авель может быть таким. Но это не важно!

Живой, родной мой… Как же хочу прижаться к тебе, почувствовать силу твоих могучих рук, мощь твоего дыхания, глубину взгляда, аромат твой… Да, Господи, просто сердце твое бьющееся услышать!

Поделиться с тобой своими чувствами хочу…

– Эрей! Авель! – Кричу ему, голос срывается в одно мгновение.

Меня валят на землю. Прижимают. Хриплю, брыкаюсь. Тисками зажата.

Хороший мой, живой… это я! Я!! Валерия! Та, что лишила тебя второго крыла! Жизни лишила. Да, как ты смел меня волновать?! Прилетел тут, как ни в чем не бывало! А я душу наизнанку вывернула! Литры слез вылила! Убивалась по тебе! А ты… ты…

– Отпустите меня, – мой сиплый голос не слышен.

Хочу ему пожаловаться, как меня гоняли последние три дня. Все ему выскажу! Через что я прошла, пусть узнает! Это уму непостижимо!

– Кто!! – ревет Эрей Авель, да так, что я проглотила все слова возмущения. – КТО! НАЗВАЛ! ЭТО! ИМЯ!?

Ударная волна сносит меня вместе с теми, кто сверху. Пролетаю весь палаточный городок, ударяюсь о тележку, в которой пыльцу возили, и уносит еще дальше до спиленных стеблей.

Боли нет, просто шок. А в душе смятение, рушится в сердце замок мой из грез, пыльцой по ветру развеивается. Понимаю, что – то не так… Да все не так!

Свет меркнет. Меня обдает очередным потоком воздуха, в лицо летит и солома, и пыль, и пыльца. Это он просто взмахнул своим мощным крылом.

– Никогда больше! – Ревет человекообразная бабочка Эрей Авель. – Никогда больше!

Это уже удаляющийся рев.

Задыхаюсь… нет, не от наплывающей боли и невольного страха. От досады, что он не узнал меня!

* * *

Утро. Разбитая, всеми заплеванная, я отправилась в главный шатер. Все на работу, а я к старосте лагеря. Так как мужчины болтливые, да и по жизни сплетники еще те, я заранее знала, что

меня ожидает допрос. За старостой послали гонца еще ночью. А мне завязали руки, залепили рот и кинули в отдельную клетку.

Иду, в груди подавленность борется с торжеством. С одной стороны безумно рада, что Эрей Авель жив. А с другой – расстроена. Он не такой… Злой, страшный, к тому же не узнал меня. Или не увидел?!

А третьего не дано. Не хочу верить, что увидел, узнал и не принял, пренебрег. Нет, нет и нет. Немыслимо!

И все равно в груди теплиться надежда, что он не такой. Просто притворяется, чтобы держать этих крестьян в страхе. А когда был со мной, видела его настоящего. Такого… такого теплого, притягательного, ласкового, надежного и волшебного. Моего Эрея Авеля.

А что до его слов. У этих человекообразных бабочек, похоже, комплексы на тему имен. Надо будет разобраться с этим, поспрашивать. Но аккуратно. Бабка Дульсия тогда быстро выгнала, стоило только кланы их упомянуть.

Ведет вчерашний пьяница, в глаза даже не смотрит. Стыдно?

Подошли к шатру, распахнули полог. Пахнуло жаром, как из парилки. А еще утро! Внутри – теплица, огурцов только не хватает. Сидят мужчины полукругом на мешках, пеньках и досках. Посередине столбик доверху, что центр палатки натягивает и поддерживает форму. Знаю такое, видела на полигоне, как папины солдаты за полчаса палатку разворачивали, сворачивали, снова разворачивали. Тренировались. А я маленькая сидела на коленках у капитана дяди Миши и хлопала в ладоши от восторга.

Четко посередине, за столбиком дедушка сидит в бежевой рубахе нараспашку с пышными рукавами, в глаза бросаются густые черные кудри на медной груди, что выдает его сельскохозяйственный профиль, коричневые штаны кожей протертой поблескивают. Поежилась, бедный, преет, сидит. У этого стул нормальный, значит, он тут барин.

Смотрит на меня хмуро, но не со злостью, скорее читается озадаченность. А остальные поглядывают то на него, то на меня.

– Ну здравствуй, дочка, – выдает дедуля. Голос мягкий, мудрый, добрый такой.

– Здравствуйте, – выдаю сипло, голосу моему «алес» после вчерашнего. Пытаюсь продрать горлышко. Побаливает.

– Дочка, ты поближе подходи. Дай рассмотрю.

Обхожу. Теперь столбик за спиной. Гнетущая атмосфера добавляет напряжения. Дедуля щурится.

– Ты вчера кричала? – спрашивает.

– Да она, – бросает мужчина справа. В нем узнаю нашего инструктирующего. Дедуля жестом его затыкает.

Киваю. Я кричала и визжала, и ругалась. Что лгать?

– Имя владыки знаешь? – С нажимом спрашивает.

Киваю. Ощущаю мимолетный страх в глазах окружающих.

– Да ее на Поляне нашли, сбрендила девка, – встревает еще один мужчина. Это всадник, что рядом ехал. – Придумала она имя и крикнула.

– Там одни сумасшедшие живут, – встревают еще. – Болтают про миры какие – то, что пришлые, а то и прилетевшие.

– Ага, и про рабство, а некоторые мессий из себя строят.

– Тише! – рявкнул дедуля. Все сразу и умолкли. Грозный, на первый взгляд и не скажешь. – На Полянку – то не тянет, девочка?

Отрицательно мотаю головой. Они думают, там сумасшедшие живут?! А если я заявлю, что с планеты Земля? Такой же посчитают?

– Как ты оказалась у нас? – продолжает допрос.

Все затаились.

Вот уж дилемма. Что им сказать? Формирую ответ, как на семинаре в институте по теме, которую не знаю конкретно, но представляю абстрактно. Лень матушка порождает находчивость.

– Побежала на крики, – сиплю. – Выпутала из паутины дочь вашего начальника, э… лорда, меня вместо благодарности сюда упекли.

Удивленный вид делает. Сглатываю.

– Из деревни? – вдруг спрашивает.

Киваю.

– А отец кто?

Пожимаю плечами. Тут дедуля ко мне корпус подает, руками на коленки облокачивается. В такой позе, будто с претензией ко мне.

– Может, какой высокий лорд мимо вашей деревеньки проезжал? Аль на ночь оставался? Что мать говорила? Где отец твой?

– Пилей, да нет в ней кровей благородных… – встрял сидящий сбоку мужчина. Этот на дровосека или кузнеца похож. Широкие плечи, борода, как у султана.

– Да дикарка чистой воды…

– Тшш! – Шикнул дед резко.

– А, да, – начинаю молоть чушь под нужную версию. – Было, кто – то когда – то. Да… но мать она скрытная была…

– Была? – Удивляется дедуля. – Померла что – ли?

– Померла, бать, – говорю, изображая горечь. Сиплым голосом проще.

Кивает понимающе, наконец – таки, взгляд свой испытывающий в сторону уводит. Выдохнула с облегчением.

– И не дурна ж, – выдает кто – то за спиной. – Порода есть аристократская. Иль мать ее красивая была. Ты в мать внешностью? Матушка какая была?

– Первая женщина на селе, – выдаю.

– Ну тогда да, – соглашается дедуля, снова взглянув на меня. – Дочь, раз не с Поляны ты. То откуда? С наших земель, аль с чужих?

Пожимаю плечами.

– Вчера так ударило, что память пропала, отец, – хриплю. – Что – то помню, что – то нет.

Кивает понимающе. А я вздыхаю печально.

– Деточка, тебя Владыка услышал, – говорит с некой печалью. – Иначе реакции бы такой не было. Значит, кровь в тебе коренных аристократов. Если бастард ты, оно легче объяснить происшествие.

Мы в любом случае держать тут не станем. Нам неприятности не нужны. И обижать боле, не будем.

Последнее сказано с направленной злостью. Дедуля и посмотрел на вчерашних пьяниц.

– А ущерб кто платить будет? – бурчит инструктор.

– А по совести, – усмехнулся дедуля. – Как с ней, так и она. А барон Шоберт, пусть на себя пеняет. Нечего было в плен брать деточку.

– С Поляны ж, – брякает охранник, который сопровождал до каторги.

– Да мало ли! – возмущается староста. – Деточка, чем помощь тебе можем?

Начинаю усиленно размышлять. Что б попросить?! Вот он мой шанс... Так, нет. Я сирота с деревни, внебрачная дочь коренного лорда. Сойдет такая версия. А что мне нужно при таком сценарии?!

– Отец, – отважилась. – А владыки только аристократов слышат?

– Королей только династических, – бросает дедуля. – И то, когда в пору за пыльцой прилетать.

По собравшимся прокатился смешок.

– Тогда мне нужно к королю, – говорю, выпятив грудь.

– О, как, – у старосты глаза округлились.

Все вокруг засмеялись и загалдели:

– Говорил же сбрендила.

– Не от мира сего.

– Давай ее барону отдадим, пусть кухарит или шьет в домовом хозяйстве.

– Да в любовницы ее.

– Ты чего! Жену его знаешь? Та еще бестия!

Га – га – га. Ха – ха – ха.

Смотрю на дедулю пристально. Только он не смеется. Задумался.

Пожалуйста, отправить меня к королю. Вызовем с ним Эрея Авеля. Поговорим в нормальной обстановке. Попрошу сестру мою вернуть,

и сама туда же на Землю. А следующим летом приглашу моего хорошего в гости.

Его вспомнила, потеплело в душе. Ты мой хороший, живой.

– Дочка, – начал дедуля, все замолчали. – Из нас тут никто короля в жизни не видывал. Только на монетах. Дальше Семистрелья мир не знаем. Город славный наш помнишь хоть?

Отрицательно мотаю головой. Выдохнул тяжко.

– К земельным лордам тебя везти – там и погрязнешь. А вот в город если… Бургомистр ближе к родовитым. Шанс будет. Может, кто из проезжих узнает в тебе родовитую. Внешность примечательная.

– Город Семистрелья? – уточняю.

– Город, город, дочка. Забросим тебя с поставками, отправишься сегодня же.

Киваю. Чем не движение вперед? Город – это демократия и свобода слова. О короле поспрашиваю, вряд ли он такая уж важна особа. Не президент же.

Выпроводили. А сами дальше обсуждать, услышала выходя, как дедулю укорили за то, что на поводу у сумасшедшей пошел. Что дальше уже не слышала.

В общем, я запуталась. На Поляне миров одно говорят. Тут другое. Нет поголовного рабства и невольничьих рынков, как я понимаю. А то накрутила в своей голове античный мир.

Собрали телегу с тюками, забитыми пыльцой. Две лошадки худые и угрюмые смотрят на меня глазами недоверчивыми. Да, бедненькие, и меня потащите, держитесь мордахи грустные.

Позавтракала из общей пайки. Снарядили в путь дорогу. Бабуля местная узелок вручила с сухариками и картошкой вареной. Так и сказала, мол чем богаты, тем и рады, не серчайте, если вдруг королевой окажитесь. Слухи расходятся быстро. Эрей Авель услышал меня, а значит я – родственница королевской династии. Кровь у меня аристократки. Мало ли разгневаюсь, спалю тут все в чертовой бабушке. Но я же добрая и отзывчивая. Улыбнулась ей мило.

Пока на телегу примерялась, где бы присесть поудобнее, дедуля подскочил на коричневой лошади. У той ноги мощные, сама высокая, красивая. Клячи две с завистью смотрят и тоской. Спрыгнул староста бодро, будто передо мной решил выпендриться. В руках лук мой эльфийский с колчаном.

Усмехнулась, не сдержалась. Вот преследует меня теперь этот промысел. Нужен он мне?!

– Нам чужого не надо, дочка, – брякнул деловито, протягивая мое боевое. – Ты бери, бери.

– В город же еду, – возмущаюсь. – Или у вас безвластие и произвол?

– Что ты, деточка, – охнул дедуля. – Продашь его. По пути, аль в городе. За такой комплект можно пять монет серебра запросить с уверенностью. Ты ж без денег едешь. Как раз на первое время будут средства. Своего дать не можем. Мы народ простой, продуктами, да вещами рассчитываемся, серебро не держим. Лорд не велит.

– Коль такая песня, дедуль, где мой кинжал эльфийский? Пояс и фляжка?

– За это не знаю, деточка, – спохватился староста. – Боюсь, барон увез. Лук – то свои хотели мне продать. А за другое не знаю. Лорд Шоберт кинжалы собирает. Стало быть, он и забрал.

Киваю, что уж теперь. Значит, этого папашу неблагодарного, владельца здешней каторги Шобертом зовут. Надо будет Эрею Авелю пожаловаться.

– Спасибо отец, спасибо за все, – говорю с грустью.

Мотает головой.

– Ты на нас не сердись, деточка. Если какой знатной окажешься, не гневайся на простой народ. Мы зла никому не желаем. Живем по совести…

И бла – бла – бла. Киваю, улыбаюсь.

Хотел уже уходить, но повернулся снова.

– Вижу, что нет в тебе трепета к владыкам, – прошептал староста. – Не пренебрегай общей скорбью, деточка. И не трепись

попусту о них. Нам упоминание о живых богах, сравнимо с упоминанием смерти своей или близких нам людей. Тяжело об этом говорить, и по сути запретно. Имей ввиду, дочка. Не гневи людей именем властителей наших жизней.

Киваю, сглатывая. Все настолько плохо… не знала я.

Излишний драматизм, мне показалось так. Но решила на всякий случай послушаться старика и намотать на ус.

Поехала телега груженая тюками с пыльцой, и я на ней сверху. Плотные мешки, в каждом бутонов по пять пыльцы утрамбовано, сидеть не удобно. Затряслась, об кочки колеса спотыкаются. За мной двенадцать всадников едут. Элитный эскорт неудавшихся насильников. Смотрю на эти наглые лица. Недоверчиво так смотрю, и думаю, а не подтянуть ли поближе эльфийский лук. Мало ли, что у этих в голове, отъедем подальше и начнут приставать.

Выехали на прямую дорогу. Спиной еду, за мордами смотрю наглыми. По правую руку – Поляна зловещая, по левую – поле, заросшее всякими кустиками, травками, клевер кое – где виднеется шапкой фиолетовой. Вдалеке деревья возвышаются, лес густой, будто соревнуется по длине с Поляной.

Через два часа езды взвыла. Это невозможно! Плетемся еле – еле, вскочила, пешком пошла. Быстрым шагом успеваю за тележкой. Половина отряда вперед ускакала, остальные позади. Слышу грязные комплименты в адрес своей попы. Демонстративно лук перекинула за спину, как эльфийка делала. Приутихли на пол часика.

К обеду жара стала невыносимой. И с водой беда. У охранников свои запасы. А у меня свои, скудные. Делиться они не собираются, как я поняла.

После полудня дорога стала уводить с Поляны в сторону леса. А нас догнал староста на своей мощной лошади. Пылью еще подкормил. За ним целое облако возвышалось, словно целая армия скачет.

– Я к барону на доклад! А вы по кратчайшему, у нас сроки поджимают! – Гаркнул встревоженно.

– Через Долтана? – уточнил главный эскорта. Я его сразу приметила, самый вызывающий взгляд у него.

– Да. Только на ночлег у него не оставайтесь. Дотяните до земель Ролана Норельского, до первого же двора постоялого, у тех хоть охрана своя.

– У Долтана мост не чинен! – возмутился старший.

– Я через него утром гнал, проскочите!

Староста унесся вперед, давая нам попробовать еще пыли. А я уже привыкшая. Грязь слоями. Вспомнились истории из жизни русских девушек в Великую Отечественную войну. Немцы в деревню русскую придут, а там девки уже подготовлены: волосы ваксой, зубы землей, себя грязью. Немцы брезговали и не трогали, думая, что нация такая сама по себе не чистоплотная.

Ковыляю за телегой, стали встречаться крестьяне, идущие навстречу. В основном бабушки и дети. Из мужчин только старики. Стоило уйти от Поляны миров, и уже народ появился. Обычная сельская атмосфера. Ничего волшебного и особенного. Вот только солнце синевато – зеленоватое, смотреть на него не больно. Хоть и греет не хуже земного.

Кузнечики в траве по сторонам дороги распрыгались. Такие маленькие, миленькие. Перебарываю в себе желание раздавить парочку в расплату за злобных «дальних родственников» с Поляны. Цветочки синенькие и желтенькие мелькают. А вот бабочек маленьких не увидела вообще. Шмели, мухи, пчелы да мошкара летают. А красоты этакой не видно. Мир вроде и другой, но все вокруг такое же. Даже удивительно, как схоже! За исключением Поляны миров, конечно…

Задумалась и о другом. А почему никого с Москвы еще не встретила? Уверена, что тысяч так десять сюда закинуло. Ну хоть один же должен был попасться с криками «отведите меня в посольство России!». Ощущение такое, что я тут вообще единственная попаданка в трезвом уме и ясной памяти. А мир живет своей обыденной жизнью.

Устала ковылять к вечеру. Обратно запрыгнула на телегу.

– Женюсь! – Горланит один из всадников. Теперь у них другая тактика. Подкатывают по очереди.

– Валерия, вот скажи там, ты каких мужчин предпочитаешь?

– Не верхом на лошади, – выдаю хрипло.

Двое спрыгивают, берут своих лошадей под уздцы. Остальные хохочут.

– А хочешь верхом на лошади?

– Я не умею, – отвечаю с кривой улыбочкой.

– Научу!

Махнула на них рукой. Знаю, что закрались у каждого сомнения по поводу моего происхождения. Вот и ухлестывания начались. Вижу их насквозь. Но уделяю знаки внимания двум – трем. Как сказал Цезарь – разделяй и властвуй… над сердцами.

Поглядываю в сторону движения. Впереди показалась речка. Сразу взбодрилась. Хочется искупаться, прям тянет в теплой водице поплескаться. Вот только ни купальника, ни интима. Морды – то нахальные тут как тут.

Вдалеке виднеются крыши домов. Сразу вспомнилась и своя деревня. Чувствую, что от далекого кудахтанья кур слезы проступают. Бабулька – то моя умерла два года назад. Много в деревне провела, а как ее не стало, все и заросло, омертвело, в чужое превратилось. И на лавочке у крыльца никто не сидит. А о чем они думают старые люди? Понимают ведь, что уходят от нас…

Телега на мост въезжает, деревянные доски скрипят. Мост ветхий, а речка шириной метров десять. Только я решила с телеги слазить, как левое колесо провалилось в дырку. А правое подскочило! Меня как пружиной подбросило. Мешкам тяжелым ничего, а вот я ухватиться не успела.

Визжу и падаю с середины моста в реку! Высота метра три!

Сердце ухнуло, когда воды достигла. Так не долго и разрыв сердца получить.

Сбылась мечта идиотки номер два. Я в воде. Холодной! Ударилась о дно. Не сильно, но ощутимо.

Выныриваю. Течение хорошее, несет дальше. Пытаюсь кричать. Но я же сиплая! Мост уже далеко и никого на нем, мельком увидела. Мотает в разные стороны. Плыть пытаюсь и руками загребаю. Вскоре ногой дно нашла, стараюсь оттолкнуться в сторону берега. Понемногу выходит. Туника сковывает. Побеждаю течение и плыву к берегу. Три метра в сторону «большой земли», и вода уже по пояс. Озираюсь, где бы подняться. Берег пологий, высотой метра два. Что ж я?! Опять через грязь полезу? Чуть правее заводь заметила. Гребу туда, словно крейсер в бухту. Лягушечки заквакали. Маленькие, миленькие, такие скромненькие. И камыш тут крохотный… Это я от Поляны еще отхожу.

Течение успокоилось, ноги теперь вязнут в иле. На бедра что – то прилипло мерзкое.

Я злая. Туника приклеилась к телу. Вода потеплела и свежестью уже не веет. На берегу дед сидит с удочкой, чуть было не поймалась на его крючок. Обычный старичок в рубашонке бежевой, темноволосый с сединой, будто снегом припорошило, усики, как у Гитлера. Но глаза большие, светлые, да еще и уставились на меня! Распахнулись по пять копеек каждый!

Дошло! Грудь моя участвует сейчас в конкурсе «мокрые маечки»! А жюри, походе, ставит десять баллов. В каждом глазу по пять. Прикрываюсь от старого извращенца. А он поднимается, удочку отбрасывая. Резкость его движений настораживает. В полный рост он на голову выше меня.

– Сбрендил на старость лет! – ахает. – Ты реальна?!

– Нет. Показалось, – хрипло отвечаю.

– Благодарю богов за столь дивное создание! Кто ты, ответь!

– Русалка! – рычу, тину с себя сдираю, швыряю от злости в сторону. Уехала телега, ухажеры, что строили из себя рыцарей туда же. И ни один за мной не прыгнул! Ну хоть бы по бережку пробежался, веревку кинул. Ага, не дождешься.

Крикнуть бы, авось ищут. Да горло жалко. Шагнула на травянистый берег.

– Выходи за меня чудо невиданной красоты! – Завелся дед.

Стою перед ним, мокрая, злая. Вот только его тут не хватало. Вокруг чаща, тропка виднеется, ведущая в гущу. Дорог не знаю. Успеть бы добежать до телеги. А этот рыбак путь преграждает.

– Я барон Долтан Балейский! – Кричит восторженно. – Хозяин этих земель! Сами боги послали мне тебя, такую волшебную диву! Я вдовец, без детей и внуков. Будь хозяйкой в моем поместье. Молю, дай шанс старому рыцарю проявить себя в подвигах и ухаживаниях!

Смотрю со скептическим настроем.

– Какой из вас барон, – фыркаю. – Проводите меня лучше…

– Да барон я! Вот кольцо фамильное! – Наседает, демонстрируя перстень цыганского фасона. Красный камень на золоте, грубая работа.

Так… Не отстанет ведь.

– Дедуль, мне бы до телеги. Да скорее.

– К…какая телега, ясное солнышко мое, сердце чистое, радость ночей моих, душа моя, сладость грез моих…

– А ну прекратите! – рычу. Ой, больно связкам. Кривлюсь.

В объятия меня заключает. Отталкиваю. А дедуля – барон на колено падает!

– Леди! Позвольте узнать ваше имя!

– Валерия, – опешила.

– Леди Валерия! Примите мою руку и сердце! Клянусь в верности до конца своих дней!

Оцепенела. Он пьян?! Вроде нет. Не разит ничем таким. Маразм крепчает?

Обхожу его. По тропке, мимо веток и зелени. Все тут мелкое и жалкое. Ощущение силы такое, что если даже волк появится на пути, я его пасть голыми руками порву.

Слышу, дед за мной бежит. И его порву…

Ахает за спиной. Отлепляю от попы ткань, не хватало еще, чтоб от инфаркта скончался.

– Ты мой воздух! Вишня спелая в сказочном саду!

– Две вишни, – огрызаюсь из – за плеча и спешу от невменяемого.

– Выходи за меня, краса, я не вынесу отказа!

– Дедуль, или как вас там, барон Долтан Оболенский...

– Балейский! – поправляет сразу.

– Балейский барон, мне надо в телегу и поскорее до Семистрелья вашего! А ты мне тут...

– Такой принцессе и телега?! – восклицает, обгоняя. – Да я тебе карету подам золотом кованую! Лучшее платье, украшения все фамильные! Стань моей женой, и завтра же отправимся в город!

Останавливаюсь. Смотрю строго. Мысль тоненькая такая прорывается, но пока обрести форму не может.

– Поместье родовое, земли, – продолжает «склонять на темную сторону» барон. – Все твое, только порадуй старого рыцаря благосклонностью.

– Завтра отправимся? – уточняю и смотрю на него ехидно.

Закивал, как завороженный.

Снова на колено падает. Прыткий – то дедуля, как бы долг супружеский не запросил в случае моего согласия. А что?! Мысль, распишемся и в карете до города уже в качестве родовой дворянки помчусь! Всяко лучше, чем грязной немытой крестьянкой к бургомистру прорываться. Представительная внешность во все времена дорогу себе пробивала.

– Выходи за меня, леди Валерия!

– Ладно, – выдаю. В душе что – то обрывается. Все ж не серьезно?

Руки целует. Поднимается. Я не уловила движения, после которого потеряла всякую инициативу. Ноги мои оторвались от земли. И вот я на руках у деда. Несет меня, руки потрясываются. Скрипя душой и зубами, обхватываю шею, чтобы ему бедному не скончаться по дороге от натуги. Эрей Авель, прости. Предательницей себя чувствую. Но все ради сестры!

Глава 7
Баронесса

Дед меня не дотащил до своего родового поместья. К слову сказать – скончался, нет, не скончался, слава Богу. Спрыгнула сама, совестливая. Просто взмок бедный. Но надо отдать должное, поступил, как джентльмен. Меня в зрелой жизни никто на руках не носил! Никогда! Польстилась, растаяла.

Чаща кончилась, открывая вид на цветочную поляну. Ковер разноцветный, величие ощущаю над миром. Будто я гигант на Поляне миров.

Боже! Опять про эту Поляну! А не зря староста спрашивал, тянет ли туда? Тянет!! Еще как!

Прошли полянку, деревенька началась. Дорога проселочная, по обе стороны которой дома стоят ветхие из бревен сложенных. Судя по суете, живут там. Цыплята в кустах копошатся. Впереди забор высокий из тоненьких стволов деревянных и неоднообразных, судя по всему тут еще о пилорамах и не слышали, дерево обработано грубо. Над ним дом возвышается, крыша красная, окошки со ставнями. Два этажа домик. На дачный смахивает. Атмосфера глухой деревни окутала. Детство вспомнилось, как по скирдам сена скакала, комбайны с широкими жерновами рассматривала, вереницей идущие. Оно ж в такую диковинку было!

Дедуля мимо ведет, вижу часовню на горизонте. Все так серьезно?!

Ведет настойчиво, за руку держит. Мимо домиков идем, бабульки высовываются, с любопытством смотрят. Дворы попутно оглядываю, все заросло сорняками. Куры где попало бегают, слышу, как индюк где – то за домом ругнулся.

Вечереет. Атмосфера старины витает. Будто я в древнюю Русь попала. Пока до церквушки шли, зевак набежало. Идут за нами на

расстоянии. В основном бабульки, да дети. Девушек увидела, все пухленькие, румяные щечки, как я раньше.

Вышел навстречу из часовни батюшка темным плащом закутанный, лет так девяносто от роду. Еле ноги волочит.

– Невесту привел! – восклицает барон.

Позади смешки начались. А я себя корыстной женщиной почувствовала.

– Куда тебе старый? – охнула бабулька.

– Год уже как помереть обещался, – говорит другая.

– Да он и эту переживет, – кричит какая – то девка.

– А хороша невеста.

– И фигуриста, и лицом мила.

– Где ж такую диву откопал?

– А может из беспамятных?

– Да не, взгляд осознанный…

– Старый, да хватай уже и в опочивальню!

М – да… деревня полная. Лорда ни во что не ставят. Насколько знаю, не должно быть так. Он ведь налоги должен стричь с населения, работать заставлять. Про кнут что – то слышала. А тут что за разброд и шатания?

Священник, ни слова не говоря в часовню свою нырнул. Мы следом. А там такая прохлада! Свечки в круглом помещении налеплены везде где только можно. Врески на потолке. Скамеечки по стеночкам. Мило все.

Старик в нишу удалился. Принес лист, зачитал перед нами что – то неразборчивое. Смотрю на лорда, своего муженька. Кивает постоянно. Ну а что делать, тоже начала кивать. Священник на меня косится: то в текст, то на меня, причем с каждым новым разом более хмуро, будто не то делаю. Ну и закивала.

Минут десять читал, потом развернулся и ушел в свою нишу. Даже шторку завесил демонстративно.

Старик Долтан посмотрел на меня сияющим взглядом, развернул обратно мягко, в то же время настойчиво. А в церквушке уже ни

пройти, ни проехать. Все набились, я даже не заметила, когда вошли.

Прошмыгнули наружу. А там вся деревня собралась! Человек пятьдесят!

– И не шутил лорд, – ахнули бабки.

– Женился – таки!

Стою, готовая сквозь землю провалиться. Главное, чтобы штампа в паспорте не было. А все это фикция, временная мера. Я свободна, как ветер, совесть моя чиста, душа невинна…

– Пир! – восклицает мой муженек.

– Мяса нет, – выдает одна из собравшихся.

– И вино кончилось с месяц как.

– Лорд, молоко есть, – говорит еще одна.

– Ай, ну вас, – махает Долтан рукой на собравшихся.

Ведет к своему дому. А где тут поместье родовое? Ничего подобного не увидела. Зашли во двор, оставляя за забором люд простой. Повылазили из всех щелей, чтобы на меня посмотреть! Ну, бездельники.

А что им еще делать? Интернета нет, телевидения и радио вещания тоже. Даже газет, похоже, не возят. Только сплетни.

Поднимаемся по скрипучим ступенькам. На крыльце встречает старичок, невысокий, худой, прилично одетый, по сравнению с деревенскими. Дресс код прослеживается: рубашка, жилетка.

– Варлам! – восклицает барон. – Встречай хозяйку!

Дворецкий, не иначе. Улыбнулся доброй беззубой улыбкой, поклонился, дверь отворил. Прохожу вовнутрь первая. Свечки горят на настенных подсвечниках, люстра тоже со свечками, но не горит ничего, воск десятым слоем высох в процессе стекания с декоративных форм. Красиво, но староватo, ветхо все.

Впереди лестница на второй этаж. Холл относительно просторный. Пахнет стариной и воском. А еще веет институтской библиотекой. Делаю первые неуверенные шаги. Пол скрипит под ковриком.

Пылью пахнуло, не буди лихо, называется. Не тревожь дыханием слои пыли.

Лорд следом, подталкивает за попу. Хочу возмутиться, но впечатления перебарывают все. Как никак дом из другого мира, устои, быт тут свой. Люди живут, как могут. Древность некая воочию.

– Маргарита! Готовь стол и опочивальню! – кричит.

– Да какую тебе опочивальню, старый! – отзывается через стенку старческий голос.

– Женился!

За стенкой что – то упало и разбилось. А я взбодрилась.

– У меня обет! Пост! – возмущаюсь. – Брачная ночь откладывается! Все после Семистрелья. Барон, вы меня поняли?

Поворачиваюсь к старику. Глазки у него горят, хищно так.

– Месячные у меня, – выдаю. – Красные дни календаря, менструация. После города, мооожет быть возляжем. Понятно?

Кивает, а вид ошалелый, глаза бешеные. Обниматься лезет. Отпихиваю. Сбоку дворецкий пытается проскочить в другую комнату, перетекая вдоль стенки. Хватаю его за руку.

– Варлам, мне бы комнату отдельную, – говорю жалобно. – Чтоб закрывалась на замок, засов или ключ. Если нет такого, чтобы шкаф был двигающийся.

– Так покойной баронессы комнаты, – пожимает плечами дворецкий. – Все ваши теперь.

Меня передернуло. Я тут не намерена надолго оставаться!

Барон за руку хватает и на второй этаж тянет. Иду и думаю, не дамся, полезет, прибью. Вроде утихомирился, пыл свой унял. Пол на втором этаже не внушает никакого доверия, ощущаю, как половицы прогибаются и что – то Маргарите на голову сыплется. Ругается тихонька бабушка.

Коридор, по бокам двери. Барон с подсвечником в руках, путь освещает. Впереди комната. Дверь двойная. Отворяет со скрипом.

– Твоя комната, баронесса, прошу, – говорит мягко. Но я – то знаю, какая у него внутренняя борьба сейчас идет.

Прохожу в комнату. Большая. Сразу в глаза бросается кровать двуспальная с балдахином из тюли. Из окон вечерний свет озаряет трельяж с зеркалом из сказки «Спящая красавица», только большим. Стол со стульями гармонируют с общей атмосферой древнего времени. Оценила, мебель – то коллекционная, резьба по красному дереву как минимум. Шкаф стоит убийственный величины слева от двери. Сдвину? Нет. Завалю, как раз двери вовнутрь открываются. Противопожарная безопасность тут не соблюдена. И хорошо.

На полу ковер. Стоило наступить, сразу пылью запахло. На мебели тоже слои поблескивают.

– Маргарита приберет, – говорит виновато. – Не готовились мы к новой хозяйке. Комната жены покойной, теперь твоя и все имущество ее, платья, украшения – все – все не тронутое здесь. Владей, сердце мое, душа моя…

Полез обниматься.

– Ужин! – кричит снизу спасительное.

Проскакиваю мимо его лап и мчусь на первый этаж. Как бы не провалиться Маргарите на голову по дороге. Скрипит все так непривычно звонко.

Обеденный зал занимает половину всей площади первого этажа. Стол длинный, от того количество еды выглядит скудновато. Огурчики, помидорчики, картошечка, зелень и похлебка в большом закопченном котелке на железной подставке. Сервировка стола тоже не на высоте. Ложки и посуда из потемневшего серебра. О ножах и вилках вообще молчу.

Да… Барон бедноват, какие там кареты золотые, платья бальные и драгоценности.

Маргарита, как и дворецкий старенькая. Но с задорной улыбкой. Живчик, судя по всему когда – то была любовницей этого барона. Меня обхаживает с особой тщательностью.

– Хозяйка, тебе и ванну приготовила. Девки воды нанесли. Печку растопили. Скоро и вода поспеет.

– Зачем?!

– Дочь, ну дни же эти, как же без воды – то?

Сглотнула. Все ведь подмечает бабулька.

Поужинали. Лорд старый не отходит, до ванной комнаты довел. А там уже пары водные витают, печка углями тлеет. Камин самый настоящий! Посреди комнаты бочка стоит широкая, железом обитая. Пытались видимо, ванну изобразить. Уже и белье сложено на табуретку, и полотенца. Благовонья в баночках, все вперемешку пахнет отвратно.

Деда выпроводила. Лицо морщинистое пришлось ладонью выпихивать. В замке дверном ключ. Ну слава Богу! Закрылась, к ванной подошла. Водица хороша. Скинула тунику грязную и туда без промедления. Тело постепенно погружается, вызывая неистовое удовольствие.

Как я давно не мылась!

Высота бочки небольшая, до табуретки дотянуться можно, не вставая. А там как раз кусок мыла, с сильным запахом дегтя. Мочалка через бортик перекинута. Из чего сделана, я не поняла. Но ворс жесткий, а кожа моя нежная и распаренная стала. Начала мыться усиленного. Под тремя свечами особо и не разберешь, но вода значительно потемнела.

Все – таки надраила спину, не щадясь. Волосы помыла, выбрав флакончик по запаху. Видимо, от прежней жены осталось сие чудо. Закончив с помывкой, потонула в блаженстве. Лежу в воде мыльной и засыпаю… Ни о чем думать не хочу. Будто страшный сон в омуте белом растворяется.

Очнулась, от прикосновений. Коленка почувствовала присутствие! Открываю глаза, и не верю в происходящее: дедуля, муж мой, в ванной сидит, напротив меня!

Вскочить хочу. Да голая! Прикрываюсь как могу. Сжалась, сон как рукой сняло.

– Русалка моя, ты прекрасна, – хрипит старый извращенец и тянется ко мне. – Жена моя, душа моя, не откажи старому рыцарю,

ты все для меня, жизнь, мечта, грезы мои, позволь быть с тобой, любовь моя, радость, свет…

Отбрыкиваюсь. Визжу хрипло. Кричать хочется, да горло мое бедное не готово к такой усиленной работе. Страх липкий в живот проникает и тысячами игл ерзает там. Я ж беззащитная! Уязвимая! Никогда еще такого не было, чтоб вот так. Мерзость какая.

Барон снова лезет, еще толкаю. Прямо пяткой в грудь угодила. И тут смотрю, он тонуть начинает. Глаза закрыл, руки уже не тянутся. Ко дну идет.

В груди холодеет. Забыла про честь свою девичью. К старику подаюсь, подхватываю. А он вообще не реагирует. Дряхлое обмякшее тело. Пульс щупаю. Сердце мое проваливается в черную бездонную яму. Мертв… Убила деда.

Отшатнулась в ужасе. Из ванны выскочила, как ошпаренная.

Что делать?! Надеваю свою же тунику. Ничего от них не нужно. Барона их прикончила, а теперь бежать надо! Пока не повесили! Мамочки, ну я и встряла!

Маргарита без зазрения совести заходит, в руках, видимо, одежда для барона, царство ему… Смотрю на замок дверной. Ключ в нем. Да только рама дверная с дыркой, проходной двор какой – то!

Глядит на меня бабуля. А я на нее. Шок накрывает, слабею в своих порывах уйти. Осознала в полной мере, что натворила.

– Что стряслось, хозяюшка? – Озадаченно спрашивает.

– Барон умер, – шепчу, ком в горле стал. – Убила.

Реветь начинаю. Никого ж кроме орков еще не убивала. Там война, а тут муж. Грех на душу взяла. Пусть судят.

Маргарита бросилась к ванной, пульс щупать. Жду в надежде, что ошиблась. Но нет.

– Скончался барон, – выдыхает бабуля.

– Я убила, – шепчу. – Моя вина. Он, он полез, ну а я…

– Не хнычь! – Рявкнула строго, немного помедлила и ко мне подошла, обняла, гладит по спинке. – Ты не убила, сам умер. Старый, от того в первую брачную и скончался.

– Что мне делать? – сиплю, и носом шмыгаю. К бабке прижалась, страшно и горько. И этого старого жалко, он же в любви признался.

Уууу. Навзрыд начала. Маргаритина рука по мокрым волосам гладит.

– Что делать, что делать, – ворчит. – Хозяйство принимать.

– То есть как?! – отпряла от бабушки. Выть перестала.

Смотрит наставнически и с грустью.

– Баронесса ты теперь, законная наследница тут, хозяйство принимай, иначе конец нам. У барона нет родни. Прознает граф, что земли без владельца, отдаст вассалу своему, а мы старики по миру пойдем. Нам этого не надо. А посему всем говорить будем, что барон скончался в первую брачную ночь. А ты жена законная, баронесса Валерия Балейская.

Киваю, не в силах противиться. Что теперь делать? Бежать… первая мысль. Вторая – не могу этих стариков бросить. Лишились работодателя, выгонят их, если уйду. Так ведь и сказала бабуля.

Я ж добрая. Всегда была такой. И ответственная.

В обеденный зал вышла спустя полчаса. Маргарита там уже всех домашних работников построила. Я думала, два старика и обчелся: Маргарита и Варлам. А тут еще три девушки нарисовалось!

– Дочка моя, Серафима. А это внучки, Мира и Поля, – представила бабуля девушек.

Вот как оказывается. И все они по миру пойдут, если уйду.

Серафима с первого впечатления кажется матерой. По виду бойкая, лет под тридцать ей. А дочки слегка пухленькие, косы русые толстенные, щелчки свеженькие, глазки с густыми ресничками такие красивые! Девочки возраста сестры моей, не старше. Вот за них я уж вдвойне в ответе!

Пришлось хозяйство принимать. Не знаю, как вообще решилась выйти к людям после того, что сделала. Но бабуля настояла, что надо народу представить единоличную хозяйку и объявление сделать.

Вышла ночью. Собрали всех во дворе. Под светом двух факелов стоят, ждут новостей. Внучки Маргариты всех на уши подняли.

Шустрые оказались девочки.

– Лорд наш в первую же брачную ночь скончался от старческого недуга! – Начала Маргарита.

Народ ахнул. Никто и шутить не смел.

– Пропали мы, – начали шептаться.

– К Шоберту пойдем.

– Пахать будешь, спины не разгибая. Привыкла к лорду нашему доброму.

Пошептались. Я на свет факелов вышла. С крыльца смотрю, а глаза мои режет ни то от совести, ни то от горечи. Не могу смотреть на людей. Лорда их убила, хозяина, кормильца, работодателя, защитника. Слезы глаза застилают.

Одни женщины вокруг. Кто их теперь защитит от напастей?!

– Баронесса Валерия, теперь лорд этих земель и наша покровительница, – заявила Маргарита. – Свадьбу все свидетельствовали, вот теперь жена барона унаследовала его земли.

Загалдели недовольно. Варлам меня в дом потащил. Буркнул, мол нечего мне грязь слушать. Люди хоть и необразованные, но не глупые. Проходимка я, которой все это свалилось на голову.

* * *

Похоронили барона. Три дня я убивалась и корила себя. Но собравшись с мыслями, решила, что надо в скором времени в город ехать. Пусть в качестве дворянки, или как тут у них. Бросать их не стану, просто прошвырнусь туда – обратно. Но вот незадача. Никаких карет у барона не оказалось. Лошадь вообще одна, и та старая. Облом…

Сижу в комнате у трельяжа. В руке теребля фамильное кольцо лорда. На среднем – жены его покойной, драгоценное, тоже камень красный в золотом обрамлении. Только работа чуть тоньше, и все равно цыганское. Гравировка на них есть, что написано, не разберу,

язык незнакомый. Рыться в сундучках не стала. Права не имею. А фамильные кольца бабуля надеть заставила.

На мне платье средневековое. Серафима подобрала из гардероба бывшей хозяйки. Фиолетовое с красной расшивкой и золотыми окантовками на вороте и рукавах. Корсет сидит хорошо. Внучки Маргариты быстро зашнуровали. Подол пышный. Не бальный наряд, но на грани... Это бабуля настояла, чтобы примерила. И самой стало интересно, как оно будет выглядеть на мне. Что – то в этом есть. Еще решила волосы завить. Средства допотопные – деревяшки с веревочками. На ночь в мокрые волосы вплела, по совету бабули и с помощью ее внучек, утром эффект получила. Теперь хочу кудрявая.

Думала отсидеться. Да на попутке какой съездить. Маячила во дворе, поручила одной из внучек Маргариты следить за дорогой. Но так день прошел, второй... На третий люд весь вышел на улицы. Шум подняли, ахают, охают и в небо смотрят.

Я тоже выскочила. На небосводе самолет синий летает. Высоко – высоко, у самых облаков.

– Второй раз за неделю, – говорит Варлам. – Владыка наш беспокойный стал.

В груди защемило. Эрей Авель это, даже не сомневаюсь, что он. Чувствует меня, мечется... Знаю, солнце ты мое. Ощущаем друг друга. Чувствуешь, что плохо мне. Знаю, верю, надеюсь... Вот только как к тебе достучаться – то... больно на сердце, словно и твою боль чувствую.

Покружил немного и улетел куда – то к звездам.

Задумалась о своей миссии. Сижу тут, прохлаждаюсь, а сестра моя где – то страдает, может какой старый извращенец ее домогается.

Стою на крыльце, вся такая красивая и грустная. Платье бальное сняла, в повседневное переоделась. А оно тоже блестит и переливается. Красное, все таких тонов у баронессы.

Ко мне бабулька незнакомая подходит.

– Хозяйка, произвол на твоих землях, – бормочет. – Совсем сосед охамел. Прознал, что лорд Долтан скончался. Теперь мост на твоей

земле строит. С твоей дальней деревни баб согнал работать. У него наемники есть. Ими и грозит. Что мы женщины можем? До коли это будет продолжаться?

– А это точно наша деревня? – Опешила я.

– А как же! – подхватили другие женщины. – Ты, госпожа хозяйство приняла. А величину его не вразумишь!

Озадачилась. Что и сказать не знаю.

– Что за сосед? Шоберт? – уточняю.

– А кто ж еще! Сколько крови попил у нашего славного лорда. Это он его извел до смерти! Было пять деревень с землями. Теперь три. А скоро вообще одна останется, вот эта.

И понеслось… косточки этому лорду промывать по нарастающей начали. Я и сама его недолюбливаю. Он меня вместо благодарности на каторгу отправил. Оказывается, он сосед, что границ своих не знает.

Дело вроде и не мое. А с другой стороны! Я за справедливость, пусть проходимка. Но так же нельзя!

Так, надо кое в чем разобраться, прежде чем меры принимать, раз такой произвол.

Вернулась в дом, Варлама зову.

– Свидетельство о собственности где? – спрашиваю и за голову берусь от его реакции. – Бумаги на земли? Грамота? Карта, утвержденная вышестоящим руководством или начальником?

– Грамота герцога нашего была! И карта есть! – восклицает дворецкий. Наконец, дошло до старого.

– А ну тащи, – потираю ладоши.

– Хозяйка, только за карту знаю, – говорит виновато.

– А грамота от герцога? – Хмурюсь. Самого важного нет, как же предъявишь соседу, если документы отсутствуют?

– Грамота в тайнике, госпожа хозяйка, – говорит и пятится. – Я за картой, на чердаке она.

– Тайник где?

– Не сердись, хозяйка, на то и тайник, что кроме лорда никто не знает...

Принес рулон. На кухонном столе раскатал. Два на три метра вышло. Художество блеснуло масляными красками.

– Барон сам рисовал, – хвалится Варлам покойным Долтаном, погрустнела сразу. – Он художник был известный. Только после кончины первой жены картины под чистую продал и рисовать перестал. А карта знатная. Ни у кого такой нету, только если у герцога.

Смотрю на эту мазню, пытаюсь сообразить где что. Дворецкий начинает комментировать, границы вычерчивать пальцем. Спустя минут двадцать начинаю понимать. Все относительно Поляны миров.

Юг – линия Поляны. Не прямая, конечно, волнистая. Обозначены старые месторождения красного Ириса, что пыльцу нужную дает. Часть территории моего баронства в Поляну врезается. Немного, но есть. Севернее – дорога идет, еще севернее – поле обширное, леса и речка в которой искупалась, ответвления у той речки есть, по ним и границы с запада и востока. Пять деревень, четко помечены красными ромбиками с трилистником внутри.

Дворецкий сказал – это герб родовой. Надо быть совсем глупой, чтобы не понять – по земле баронства моего торговые пути хорошие идут. И мост тот сломанный очень выгодно стоит.

Варам показывает где барон соседний мост решил возвести. С краю вроде, но уже на нашей территории. И деревня там моя! Взыграла досада. Нет уж, дорогой, наглеть не дам. Я девочка из семьи бедной, за свое горло перегрызу. Хоть и не мое, но мое, пусть и временно.

– А доходы какие – нибудь есть? За проезд по мосту плату не брали?

О деньгах подумала, потому что увидела всю эту разруху и не по себе стало. Люди ничем не занимаются, только кур растят. Ни огородов толком, ни полей с пшеницей. Я далеко не ходила. И так видно, что шатаются без дела.

– Кто ж за сломанный берет?

– А починить?

– Плотников надобно, своих нет. Чужих нанимать денег не имеем.

– Мужиков в нашем баронстве нет?! – возмущаюсь. Сама их научу колотить доски. Тоже мне наука! Мы с папой сарай на даче делали. Я тогда его и раскусила, что мальчика хотел мой папочка. А доказывала, что я мальчик еще тот с молотком в руках.

– Мужиков у нас ты не сыщешь, хозяйка. Граф всех увел в замок во служение. Некоторые на разбой подались и в наемники вольные. У нас одно бабье. Есть три мальчонки на деревню, но и их в скором времени отдать нужно. Наказ графа.

– А почему такой гнет моего баронства? А у Шоберта, значит, войско есть. А у нас нет? Всех мужиков забирают! – Возмущаюсь.

Мужиков нет, бабы ленивые. Во дела…

– Не знаю, хозяйка, так заведено. Мы не добываем пыльцу и не воюем с соседним королевством. Вот и военная обязанность у нас такая.

– А почему мы пыльцу не добываем? – интересуюсь. Сама думаю запоздало, снова о Поляне мысли. Нужна она мне больно!

– Было давно это, хозяйка. Свернули добычу, Ирис глубоко в дебрях, а там и зверье бесновалось.

– Линия километра три, и нигде Ириса не растет? – Опять понесло.

– Кое – где рос. Но паучьи гнезда везде. Когда лорд всех воинов потерял, отступил за реку. Полянские звери с Поляны никуда, они без нее дышать не могут.

Вот, значит, как.

Так… Звери зверьми. Я про экономику подумала. Наемники – это деньги. Были б деньги, появились бы и свои наемники. Там и за деревню спрошу у нахальной морды.

Вот только денег нет. Что же делать? Замкнутый круг.

Выходит, таит родовое гнездо Балейских. Последнее поколение стариков держится еще. А дальше Шоберт все к рукам приберет.

– И все же, с доходами что? Казна баронская есть? – Решила уточнить этот момент.

– Ничего такого нет, хозяйка, – поник Варлам. – Налоги можно назначить, но люд, он привередливый, может взбунтоваться.

Интересно получается. Тупичок такой банкротством называется. Налоги… Чем их брать? Продуктами, потом везти на рынок или где у них рынок? В городе Семистрелья? Но какими еще продуктами, если кроме картошки и помидоров ничего у них нет?! Да, барон… передал ты мне хозяйство. Полная разруха.

Решила продумать первые шаги. Не зря по макроэкономике блистала в институте. Все равно деваться некуда. Через деревню никто не едет. Что ждать без дела?

Внучка Маргариты Мира показалась на кухне с корзиной грибов.

– Насобирала, – торжественно заявляет. – Сегодня будет картошка с грибами! Леди Валерия, а можно и пленника угостить?

Я в некотором удивлении, а то и шоке.

– Какого пленника?!

Варлам в лоб себя бьет.

– Забыл старый, совсем забыл. Вор у нас в погребе, в темнице уже месяц сидит. Кровушки попил не одного лорда. Поймали в сарае спящего. Обнаглел, меры нет. Девка из наших выдала. Должны были забрать его люди графа. Да только все нет их и нет.

– И что мне с ним делать? – Я в полном замешательстве. Этого еще мне не хватало. Отвечать за какого – то разбойника.

Смотрю на Миру, глазки опустила, щеки красные. С чего это?!

– Можем не кормить, сам помрет, – пожимает плечами дворецкий.

– Как не кормить?! – вскрикивает Мира. Вижу по глазам, что не равнодушна к нему.

– Веди, показывай, – командую.

Погреб оказался во дворе. Вонь от испражнений ударила, как только крышку дворецкий открыл. Уже и всякое желание отпало погружаться в эти канализации.

Пересилила себя. Стали спускаться. Сырой, тесный подвал, мыши пищат, будто возмущаются, мол что пришли. Но я девушка отважная за Варламом следом иду. И Мира за нами. Прошмандовка, видимо, роман с ним крутит. Мне – то дела нет. Но раз он преступник, значит, должен быть наказан. Я не судья. Пусть граф судит. Как поняла, это вышестоящий руководитель барона.

Гнилые доски едва держат земляные стены. Кое – где уже осыпалось. Пару дохлых кротов на пути встретилось. Уже довольно давно умерших. Судя по пустым полкам, дела у баронства плохи. Запасов никаких нет. Хотя, банки с помидорами и огурцами тут вряд ли научились закатывать. Но картошкой той же чего б не запастись? Фу, что я плету, вонь такая.

Уткнулись в тупик. Слева и справа показались клетки. Друг на против друга. Варлам подсвечник поставил на полочку, зажег свечку, что тут была.

Прутья на совесть вбиты, видимо, когда погреб рыли, сразу их вколотили и засыпали основательно.

Из темноты высунулось лицо. Отшатнулась в ужасе. Грязное, заросшее, да еще и щурится от света некрасиво. Господи, да он худой, что без слез не взглянешь. Лохмотья на нем уже сопрели. Как так можно?!

– А ну назад морда! – Рыкнул дедуля. – Пакши свои убери! Хозяйка новая пришла на тебя смотреть!

Молчит. Отодвинулся назад. Смотрит на меня большими глазенками. Одни глазенки и остались. Жалко его.

– А может в сарай его поселим? – предлагаю.

– Сбежит, – отвечает дворецкий деловито.

– Сбежит и ладно, – говорю. – В сарай его и быстро. Нечего ему тут в подвале сидеть. Мира, одежду ему подбери. Опекай, откармливай, отпаивай. Сил наберется, пусть сбегает.

Вылетела с погреба пулей, да еще и злая. Права человека никто не отменял. Вор – не убийца. Мало ли какая судьба у человека.

Время к вечеру близится. Позвала Серафиму и с ней к мосту пошла, осмотр проводить.

До моста плелись не меньше километра. Иду в платье красивом, сияющая и кудрявая, а от меня разит вонью из подвала. Мост оказался на грани. Впечатление сложилось, что сваи подрублены слегка. Тут далеко ходить не надо: видимо, сосед постарался. На мост пиломатериалы нужны и гвозди. О мужских руках вообще молчу.

Дальше пошли деревни осматривать. Энтузиазм пропал, как только до второй дошли. Далековато. Но я девочка упорная. Доковыляли по заросшей дороге, путаясь в сорняках и колючках.

Вторая деревенька поменьше. Всего шесть домов. Никто не встретил. Серафима покричала старосту, пока горло не сорвала. Я ей сочувствую… Вышел дедуля старый престарый. Еле – еле идет.

– Что дочки?

– А где все? – Спрашивает Серафима, руки в боки.

– Барон угнал, на работы в поле. К ночи воротятся.

Я чуть от собственного яда не захлебнулась, услышав такую новость. Вот уже и до второй деревни дошел, морда нахальная!

Вернулась. Сбор вечером объявила. Уже привычнее себя хозяйкой чувствовать. Досада берет. Нас поглощают, а мы ничего сделать не можем. Пять деревень! Две уже забрал, с двух других народ на работы гоняет! Судя по карте, баронство мое километров на пять квадратных. Как тут границы контролировать?!

Пеший патруль женский устроить? Или всадников – глашатаев, чтобы орали и на испуг брали, чуть что… Вот только лошадь одна, и та, уже полудохлая. Дворецкий обмолвился, что это рыцарский конь моего покойного муженька. Если учесть, что рыцарствовал барон в лучшем случае лет двадцать назад … Хм.

Собралось народа маловато. Большая часть меня проигнорировала. От чего закрался червячок сомнений в собственном авторитете среди местных.

Два мальчонки лет по семь стоят за юбкой бабушкиной прячутся, мордахи грязные. Этих – то как жалко!

– Люди добрые, – начала своим нормальным голосом. Хрипотца осталась, но ничего, так даже величественнее. – Хозяйство, вверенное мужем моим, в упадке. И виной всему лень наша с вами. Поэтому с завтрашнего дня начинаем работать.

Недовольно загалдели.

– Нашлась тут, командует.

– Проходимка, а амбиции графьи.

– Жили спокойно, нечего порядки нам тут свои…

– А ну цыц! – рыкнул Варлам. Горло продирает и дальше:

– На вас управу найдем! Ишь распоясались бездельники! Кнута не найду?! Завтра гонца до графа и сюда живо отряд прискачет за честь баронессы пороть ленивые задницы!

– Ага, графу дела нет до нас, – бросают в ответ ворчливые бабки.

– Чего ты разорался, Варлам? Голос на старости прорезался? – Выдали женщины.

– А ну прекратить споры! – рыкнула. Чувствую снова горло пострадало. – Скоро вы пахать на лорда соседнего будете. А раз чужие, так с вас три шкуры драть будут. Нам мост починить надо, а на это деньги нужны. А деньги откуда взять?! Надо сельское хозяйство на ноги ставить. Вам скоро самим есть нечего будет.

– Мы на себя еду найдем, – продолжают ворчать бабки.

– Точно, а когда пашешь, на шею садятся еще больше. Мы самодостаточные.

– Чтобы, ты знала проходимка, лорд на то и лорд, что защиту дает, а народ на земле его за это кормит. А с тебя какая защита. Тьфу.

Стали расходится, продолжая поливать грязью и возмущаться. Досадно. Хочу все бросить и уехать на той кляче, хоть верхом. Еще засада – через наш мост, сломанный, никто не ездит, и попутки я не дождусь.

Застряла в этом богом забытом месте!

* * *

Пошла с горяча в вещах лорда рыться. С чистой совестью причем. Мысль одна появилась. Надо к соседу наведаться, познакомиться. Вряд ли он меня узнает. Сдружусь, глазками стрельну. Авось даст плотников, я ему, конечно, не скажу зачем. Или солгу. Но нужно что – то делать.

А пока роюсь в ящиках и сундучках. Ищу что – нибудь ценное. Пока только хлам. Комнату с дворецким вскрыли, которую барон строго настрого запретил открывать в свое время. А там вместо сокровищ кисти, мольберты да холсты всякие. Целая комната принадлежностями художника заставлена. Слой пыли толщиной с палец.

Варлам помог разгрести. И в самом конце, под старой простыней, почерневшей, что рассыпалась от одного только прикосновения, рыцарские причиндалы обнаружились! Прямо в фигуру человеческую собранные, как в музее. Даже успела испугаться, когда увидела статую такую.

Доспехи, почерневшие, в некоторых местах красным металлом поблескивает. Гравировкой украшенные. Щит стоит неподъемный. Варлам закряхтел, пытаясь поднять. Я остановила дедулю от греха подальше. Хватит на моей совести и одного ветерана славных времен. Меч приподняла. Тяжелый, зараза! Эпичный на вид. Камней на рукояти нет. Но видно, что металл плотный, качественный. Рубцы и зазубрены на лезвии. Ручка тоже побитая. С нагрудника труху от простыни стряхиваю. Палец за рубцы цепляется.

Гордость за Долтана взяла. А он, оказывается, боевой был офицер, в смысле рыцарь. А я – то думаю, пока он один тут был, сосед и не лез. Уважал и боялся. Помню того Шоберта, толстый, женоподобный слизняк. Даже дочь свою отбить толком не смог. Так и полегли бы его бойцы, если б не я.

Думала продать доспехи. Да не имею права – это реликвия. Пусть стоят, как стояли. Решила дальше ящики раскапывать. Меня волнуют две вещи: документ на землю и ценности, что можно продать.

Море снастей для рыбалки, гребней да расчесок, заколок старых со стекляшками. Что камни на украшениях не настоящие, поняла, когда в руках все стало осыпаться и трещинами исходить. В доме шаром покати. Зато в пристройке, похожей на сарай нашла инструменты! Молотки, топоры, пилы, гвозди кованные, длиной сантиметров по пятнадцать. Ржавые, но для дела пойдет.

Дня четыре рылась, имущество раскладывала. Что на хозяйство пойдет, а что на продажу. Варлам с внучками Маргариты оказались лучшими помощниками. А мать их Серафима на пару с Маргаритой с особым энтузиазмом дом баронский прибрали.

Посветлело в особняке, посвежело.

Наконец, и до гардероба баронессы руки дошли. Если к барону идти, то надо бы приодеться хорошо.

Помещение гардеробное отдельное. Из двух узеньких окон свет бьет. Но света все равно мало, закрытый светильник со свечкой приволокла. Очень удобная штука, свечку не сдуть так просто, под стеклышком она. Небольшая комната, чисто под платья и обувь оборудована. Помощниц мне не надо, сама выберу. Стала уже привыкать к этой моде. Туфли бы еще на каблуке. А то балетки да тапочки. Интересно, каблук тут придумали? А чулки?

– А каблук – это мысль, – иногда говорю сама с собой, с умным – то человеком, что не пообщаться?

Под платьями полочки с обувью. Если одежда в нормальном состоянии, не вся, но добрая половина, то с обувью беда. И пахнет от нее не очень. Жена барона была моих габаритов, подозреваю, что немного ниже ростом, но в остальном…

– Помнит? – раздается низенький голосок. Будто карлик сказал.

У меня сердце ахает. Замерла, отшатнулась. Голос с конца гардероба раздался. Как раз за последним платьем. Стоит ли его двигать?

– Ты кто? – неуверенно спрашиваю.

– И не боится ведь. А помнит. А не должна. А помнит, – голос будто сам с собой говорит.

Быстро перестраиваюсь. Самообладание возвращается. Частые стрессы – хорошая тренировка.

– Помню, помню, – рычу. – Выходи уже, домовой. Я на уродцев насмотрелась, не удивишь.

– Альбус говорит, – произносит ровным голосом. – Хочет увидеть, пусть смотрит. А помнит, а не должна.

Сглатываю. Из – за платья говорит. Но где там спрячешься? У меня вариантов не много. Узнать, что за деятель пугает. Или больше тут не появляться, страх он, как снежный ком, нарастает со временем на тот же повод. А платьев я лишится не могу!

Подходу к последнему наряду. Бальное, пышное платье, самое, на мой взгляд, представительное. Как раз к королю на поклон. Дрожащая рука тянется к нему, дыхание замерло, сердце выстукивает бешеным ритмом.

Отодвигаю!

Стена из досок.

– Э – эй? – выдаю со страхом и одновременным разочарованием.

– Да здесь я, – раздается сверху. Мороз по коже пробежал. Голову поднимаю медленно. Смотрят на меня два красных глаза, узенькие такие щелочки. Сантиметрах в двадцати от моего носа. И ничего больше нет. Будто невидимка. Давлю визг.

Моргнуло! Глазенки закрылись, открылись.

– Видит, а не должна, – раздается оттуда, где рот по идее должен быть, а не потолок.

– Вижу, – хриплю. – Альбус, ты что за чудо невиданное?

Голос мой дрожит предательски.

– Видит, а не должна, помнит, а не должна. Альбус ушел считать.

Легкий хлопок, марево серое возникло и тут же растворилось в воздухе. А я запах табачный почувствовала. Минуту стояла, боялась пошевелиться даже.

Вздрогнула от голоса Миры.

– Хозяйка, там рыцарь к нам пожаловал! Скорее! Вам бы волосы расчесать и платье краше одеть!

– Какой рыцарь?! – Вымученно отвечаю, со лба холодный пот вытираю.

– Да какая разница! Рыцарь! Хозяюшка, ну скорее. Варлам его в столовую пустил. А он вас требует! Нельзя заставлять ждать рыцаря! Он такой… такой красивый!

В подтверждение ее слов конское ржание раздалось. Явно не нашей хриплой клячи.

Мира чуть ли не силой меня хватает к трельяжу ведет с зашарпанным зеркалом, которое, похоже, ни одну мировую войну пережило.

Ее суета и мне стала передаваться. Слышу отдаленный бас, доносящийся с первого этажа. Рыцарь старушке Маргарите что – то рассказывает. У меня в груди екнуло. Я ж вся потная, грязная!

– Ой, хозяюшка, что с прической сделать?! – Ужаснулась Мира.

– Да расплети косички, волнами тоже нормально, – предлагаю. Я брюнетка еще та, волосы у меня блестящие, сестра всегда завидовала, хоть и блондинка.

Стала косы мне расплетать.

– Ой, ой, паутина в волосах! – Взвизгнула та, выронив гребень.

– Да снимай уже! – Рычу.

– А если паук, я их до смерти…

– Ты настоящих пауков не видела! А я их величиной с корову на Поляне расстреливала! – Выпалила. Как же не похвастать!

Повернулась к Мире. А та рот открыла, глаза по пять копеек. Белеет девка…

– Эй, я вменяемая, ты поняла? Ау? Прием?

В комнату вбежала Серафима с явными претензиями.

– А ну девка стол накрывать! – Рявкнула на дочку. – Хозяюшка, давай корсет уже заплетем, негоже рыцаря ждать заставлять.

Мира, пребывая в прострации, пулей вылетела из комнаты. Серафима без зазрения совести стянула с меня легкое платье, оставив в одних панталонах. Посмотрела оценивающе. Я невольно прикрылась.

Корсет стала выбирать из сундука, прям на пол все разбросала.

Одела, зашнуровала ловко. Живот сдавила, грудь. У меня сразу два шарика у самой шеи образовались. Да такие большие. Смотрюсь в зеркало… Парижская проститутка! Мамочки!

По столу щелкнула коробка. Серафима ее принесла, из подола вынула.

– Пыльца разная, глаза подкрасить, – пояснила. – Ее немного, обычно я для баронессы покойной собирала. Ягодный налет дольше держится, есть и черничные тени. А вот с синими беда, цветов не нашла.

– Я совсем страшная? – Это сарказм. Если подкраситься, стану проституткой на два уровня выше… тверской.

– Что ты, хозяюшка! Но рыцарь же! Ты должна лучшее впечатление произвести! Так! Платье!

И понеслась в гардероб.

– Альбус, Альбус, не кусай, – приговаривает и платье мне выбирает.

– А ты тоже его видела? – Спрашиваю деловито.

Слышу, что Серафима замерла.

– Кто тебе про него сказал? – Хрипло отозвалась из гардероба.

– Так видела ж, – ответила без тени насмешки.

Гардероб пронзил визг. Едва ли пыль там не поднялась. Серафима выскочила из помещения, к двери, не оглядываясь и дальше.

Сижу и понять не могу, в чем собственно дело?

Ощущаю вибрацию. Коробка на трельяже начинает подскакивать. Что – то приближается! Пол в коридоре будто молотом разбивается. Вскакиваю. Сердце бьется, как у зайца.

– Баронесса! – Рев на весь дом, а то и на всю деревню.

Двойная дверь разлетается в стороны, хоть и была приоткрыта. Одна дверь слетает с петель и падает с грохотом, другая бьется о стену. Висящий на стене светильник падает и разбивается вдребезги.

В комнату влетает здоровенный мужчина в сверкающих доспехах, с голубым отблеском. Меч наголо, волосы каштановые распущенные (хотела сказать дыбом), глаза обезумевшие, почерневшие, готовые окунуться в агонию битвы.

И вот я стою в корсете и панталонах, пара кос нелепо свисает, Мира недорасплела. Грудь на выкате, сама испуганная, как лань лесная.

Рыцарь несколько секунд смотрит на мои… хм, поднимает взгляд на лицо, с трудом причем.

– Демон… Где? – Сбивчиво спрашивает мужественным голосом. Меч широченный в руке поблескивает.

Опомнилась, прикрылась. И головой отрицательно мотаю, слов у меня нет. Рыцарь взгляд потупил, отвернулся резко.

– Простите леди, ваша служанка сказала, демон в комнате.

Продираю горло.

– Нет никого, – пискнула. Тоненько – тоненько так. Сама от себя не ожидала.

– Простите леди, ваша красота ослепила меня с первой же секунды, я не… Еще раз простите, что ворвался в ваши покои. Я оставлю вас. И буду ждать сколь угодно долго в вашей трапезной.

Вышел. Удаляющийся скрип половиц немного успокоил мое сердце.

Пребывая, будто во сне, я расплела оставшиеся косы, накинула платье средней паршивости и вышла в столовую.

А там… пир на весь мир! Стол ломится от яств. В окно мельком увидела, как с соседних домов женщины еду несут. Народ весь активировался, из окон глазеют на коня рыцарского, огромного, мощного, красивого, серебром поблескивающего. Шустрая девочка его из ведра деревянного поит, другая чешет. Кому тут больше повезло, коню или рыцарю?

Вошла с гордо поднятым подбородком. Знакомство дубль два.

– Баронесса Валерия Балейская! – Объявляет Маргарита торжественно старческим голосом. Краснею…

– Вдова, – елейно добавляет старая стерва.

Мощный мужчина с плечами шириной, как я ростом, вскакивает из – за стола и падает на одно колено передо мной. Хватает руку, чуть ли не силой и к губам своим прислоняет влажным не то от супа, не то от чего – то другого.

Ритуал выдержала стойко.

– Я баронет Марсель Стамбрийский, рыцарь и верный соратник графа Арлена Инрнского, – начал не вставая с колена, но подняв голову.

Обаятелен, ничего не скажешь, глаза синие выразительные, черты лица само олицетворение мужества. Как бы в обморок не упасть от потери себя, да не растаять бы на месте. Вот только беда, воняет от него стойким потом. А я к запахам такая привереда!

– Ваша красота затмила мой разум, а сердце заскулило от тоски…

– Что вы, будьте так любезны, не смущайте меня больше, – давлю улыбку и прерываю его комплементы.

Поднимается, уводя взгляд, что успевает зацепиться за мою грудь. Все вы мужики одинаковые.

Расселись. Я с одной стороны во главе шикарного стола, рыцарь Марсель с другой. Мои девчонки его обхаживают вместе с мамой. Серафима, что визжала полчаса назад, как ни в чем не бывало. И дочки ее красные, застенчивые, виляют перед ним своими попами, соревнуясь в этом с мамой.

Рыцарь меня не сильно впечатлил. Огромный, сильный, красивый, вопросов нет. Но что – то в нем не то. Слишком самолюбив? Или все дело в том, что он и на внучек Маргариты посматривает.

Нет, все дело в манерах. Они отсутствуют! Ест, как свинья, чавкает, хлебает. Ему мои «курочки» все подряд в тарелку суют, а он и поглощает, не глядя.

– Скоро битва, – говорит с набитым ртом.

Мои девочки так и ахнули. Я тоже хотела сказать гнусаво «уау», но сдержалась.

– Как интересно, – решила поддержать. – И где у нас битва намечается?

– О! Миледи интересны ратные дела? – Подхватил рыцарь, поднимая на меня свой пытливый взгляд.

Красив зараза, ой… млею. Но улыбаюсь сдержанно, опуская глазки в тарелку. Начинаю шаркать ложкой по пустой посуде. Из еды ничего не положила, аппетита нет. Хотя запахи витают соблазнительные. Никогда столько еды еще не видела в этом Богом забытом, никчемном баронстве.

Собралась, сердце успокоила. Рыцарь из фильма. Мы актеры, все хорошо.

– Расскажите о политике, кто с кем воюет, стоит ли эвакуироваться в ближайшее время? – Решила поиздеваться.

Рыцарь рассмеялся раскатисто и громко. Крошки еды из его рта полетели по столу. Девки тоже стали хихикать. А я сижу и думаю. Что за колхоз?

Марсель унял свой смех и посмотрел строго на девочек моих, что уши развесили, те сразу из столовой выскочили, как ошпаренные. Затем на меня взглянул заинтересованно.

– Ваш острый ум меня покорил, – произнес галантно. Взгляд задорный, снова млею…

Так! Надо скорее найти очередной недостаток и возвысится над этим гостем, пока не подавил мою волю.

– Что до политики, – с усмешкой произнес. – Я не силен в этом. Но знаю, что наших на востоке разбили, крепость неприступная в осаде была три года. Додавил нас Карл. Армию стотысячную к границам подвел. Теперь наш король к нему на поклон едет. Часть земель отдадим и мирный договор подпишем. А вот с западными границами туго. Туда и направлюсь в скором времени. Полчища орков скапливается у тройных границ. Союз трех королевств их держит. Обязанность наша. Если с горными эльфами договоримся,

они нам могут здорово помочь. Тяжелая война с орками предстоит. Если бы не она, дали бы Карлу по шапке. Но нет нам благосклонности владык. Разделили войска, оказавшись меж двух огней. И лесные эльфы, что на наших землях совсем от рук отбились, ведут свои дела, им до войн на границах дела нет, знают, что ни один ратник в их гущи не сунется…

Скучно. Только я стала клевать в тарелку, рыцарь прервал рассказ.

– Утомил политикой, миледи? – Встревожился. – Простите, это не дело красивой молодой леди вникать в стратегические маневры.

– Да какие у вас тут маневры? – Возмутилась. Рыцарь брови аж вздернул. А я продолжила: – Видов войск не много, только сухопутные. Тем более в обороне. Сиди за стенами, стрелами засыпай врага, смолу на голову лей.

Осеклась. Рыцарь глаза вытаращил, жевать перестал. Ну да, играла я в компьютерные игры некоторые. В онлайн рубилась от безделья. Там же можно и героиню красивую выбрать и имя соответствующее. Я ж комплексами полноты страдала долго, было дело и в мир вирта окуналась с головой.

– Есть еще баллисты и катапульты, – выдал рыцарь и сглотнул. Неуверенность?

– Ну, артиллерия во все времена решала, – выпалила. – С орками вам обязательно биться? Тройные границы – это как? Не совсем поняла.

– Площадь фронта обширная, трем королевствам принадлежит по частям, – ответил. – Мы самые южные. Орки прямо пойдут, на наших союзников, может кого и южнее зацепят. Но наш договор – это дело чести.

– А этот тройной ваш союз против Карла помог?

– Их границ с Карлом никаких нет. Там гряда горная, непроходимая.

– Ясно. А Карл этот что? Куда ему столько войск? Их же кормить надо.

– О! Великий полководец он. Десяток королевств уже им завоевано. Всю жизнь воюет. Таков надел их династии – завоевывать и покорять.

Похоже, рыцарь от него в восторге. М – да…

– Получается, если мы обязательства союза выполняем, а союзники нет, – фыркнула. – Надо было нейтралитет сохранить. Войска перетянуть к восточным границам, укрепить ту крепость, что три года держалась. Политика сдерживания – самая успешная политика. А что до союзов. Никогда они пользы не приносили. Каждый хочет другого подставить. Людей – то терять, это себя ослаблять. Лучше нейтралитет держать и войско побольше. Чтоб неповадно было.

Остановилась. Рыцарь уже рот раскрыл, что гланды видно. А меня и понесло на радостях, красавчика удивить познаниями.

– Миледи, я могу с уверенностью сказать, что вы умны не по годам. Кто был ваш отец и наставник, позвольте полюбопытствовать и выразить ему восхищение?

– Карл! – Выдала. Рыцарь напитком поперхнулся, побелел. Шутка не удалась.

Улыбнулась, исправляя положение. Рыцарь неуверенно стал заводить смех, видно, что искусственный. Тоже подхватила.

– Леди с чувством юмора, – говорит. Из анекдота про боксера «А еще я туда ем».

Невольно скривилась, но успела заметить в его выражении, что делаю что – то не так.

– Что еще интересного в королевстве? В графстве? – Интересуюсь. Тему сменила, про отца сочинять не хочу ничего.

– В последнее время из Поляны Миров много людей без памяти выходит, – начал деловито, закусывая куриную ножку.

Походу, последнюю наседку зарубили бабки.

– По наказу герцога всех к нему ведут, а тот к королю прямиком переправляет, – продолжает. А я понимаю, что речь – то о таких, как я.

Что они, при перемещении память теряют?! Это объясняет некоторые неясные ранее моменты. Всплыли в голове слова гардеробного Альбуса «Помнит, а не должна». Вот! Значит, без памяти все. А те, кто помнят, они сразу на Поляну и бегут, вопреки паукам и белозубкам. К слову, о сумасшедших, которых на Поляну тянет…

– Миледи? – Спохватился рыцарь, прерывая мои мыслительные процессы. – Вы чем – то озадачены? Я могу помочь? Повелевайте мною. Мой меч к вашим услугам!

Снова млею, но пересиливаю себя, стряхиваю наваждение. Мысли в кучу собираю. Спросить про сестру, не спросить? Масштабы – то мира мне все большими кажутся. Если всех к королю ведут. Значит, и моя дорога туда.

– Мне б до города добраться, дела там, – выдаю. – Вы не домчите на своем коне?

– Это вам карету надобно. Нет кареты?

– Нет. Бедствуем после смерти мужа. Вот такие дела, я хоть верхом согласна.

– Бедствуете? А стол, как у герцога, – укорил Марсель. – И не скажешь, что в упадке поместье.

– Ну, ну. Так что?

– Мне к графу надобно воротиться. Дальше к герцогу с ратью помчу, а оттуда на передовую. Кстати! У нашего герцога бал скоро. Может, экипаж какой и вам сыщу и приглашение обеспечу. Но до Семистрелья никак, уж простите, миледи, что не оправдал надежд.

– Эм… – Опешила. – Вы к нам проездом?

– Не совсем, по наказу графа Арлена висельника доставить.

– Висельника? От слова висеть? – Уточнила, а в груди уже холодеет.

– От слова виселица, повешение… Миледи? Я за разбойником Гордоном прибыл. На казнь повезу…

– Так, а что он такого сделал, этот Гордон?

– А вы не знаете? – Усмехнулся. – Он писарем у графа был, а потом сбежал с драгоценностями его жены. Барон, ваш покойный муж, весть отправил графу, что поймали его. Гордон во всем графстве известен, как неуловимый вор. А тут вы с весточкой. Вот и прибыл забрать, так сказать, висельника.

Поперхнулась слюной. Он о нашем пленнике?! Не, не... Какая виселица. За что?! Вспомнила те глазенки, бедненького... Какая ему казнь! Не отдам! С ума, что ли, сошли.

– Мне б повязать... – начал. Я горло продрала, прерывая.

– Нет у меня никого, – выдавила.

– Как же ж, – раздался голос Варлама из – за спины. – Хозяюшка, что вы такое говорите.

Обернулась резко. Старый пень стоит в проходе.

– Я сказала, сбежал! – Рыкнула на дворецкого не своим голосом.

Сама знаки подаю, чтоб уходил, подмигиваю. Дед, опешил, снова рот открыть хочет, чтоб сдать всю контору.

– Маргарита! – Кричу грозно. – Обеспечьте нам интим! Я с рыцарем с глазу на глаз говорю. А тут без спроса ходят всякие!

Варлам отшатнулся. Никогда меня такой злой не видел. Позади него Мира промелькнула. Схватила дворецкого за шею и увела.

Выдохнула с облегчением. К рыцарю развернулась. Смотрит на меня пытливо.

– У меня сосед распоясался, – брякнула, что в голову пришло, сменить тему срочно надо. – Барон Шоберт житья не дает. Вы про меч сказали. Сослужите вдове службу?

Рыцарь подорвался со стола, я чуть было не пискнула от неожиданности.

– Повелевайте! – Рявкнул.

– Дело – то в чем, – говорю голоском, что вдруг истончился. – Воспользовавшись кончиной моего уважаемого мужа, он две мои деревни прикарманил, другие две гоняет на работы. Вы не могли бы обозначить мое недовольство. Как – нибудь мягко, без насилия? Политикой сдерживания, как я говорила. М?

– Знаю Шоберта! – Гаркнул рыцарь. – Нет в нем чести! Немедленно отправлюсь и разберусь с ним!

Выскочил, будто ветром сдуло. Благо рама дверная не пострадала. Конь ржанул, девки на улице ахнули. Слышу, как топот конских копыт стал удаляться.

Волнение накатило. Как бы беды не случилось. Всего – то от Гордона хотела отвлечь.

Глава 8
Решаю проблемы сама

Вернулся мой рыцарь к вечеру с угрюмым лицом. Лошадка его так неуверенно подошла, когда увидела меня встречающую.

Спрыгнул, железками гремя. Смотрю на него. Не вспотел, следов крови на броне не видно. Выдохнула с облегчением.

– Миледи, прошу простить, что не оправдал ваших надежд, – начал грустным голосом, подойдя ближе. – Но барон Шоберт представил бумаги на земли с двумя дальними деревнями. А те, что ближе, там вольнонаемный труд оплачивается. Они сами к нему ходят на заработки. Я опросил крестьян, подтвердили его слова…

– Так, а что там написано в бумагах? – Опешила. – Обременение? Принудительное отчуждение? Долговая расписка? Дарственная?

Марсель посмотрел недоумевающим взглядом.

– Грамота, – выдал.

– Написано там что? – Настаиваю.

– Почем мне знать? – Говорит с выражением, будто я с другой планеты прилетела. – Я грамоте не обучен…

– В смысле?! Откуда тогда утверждение, что бумаги у него есть на мои деревни?!

– Там печать же герцога, красная. Барон зачитал с грамоты.

Плечами пожимает, наплечники скрипнули. Взялась за голову, вспомнила анекдот про боксера «… Зачем тебе голова – Я туда ем».

– Миледи, что еще могу сделать для вас? – Беспокоится.

У меня слов нет. Подошел, наклонился, руку мою поцеловал сухо, улыбку выдавил… Стоит. Взглянула на него строго. Он шаг назад сделал, на коня прыгнул и с высоты уже:

– Спасибо за гостеприимство и увлекательные беседы, баронесса! – Воскликнул на всю деревню. – За карету я похлопочу. Готовьтесь к балу!

Ой – ей – ей. Какой бал?!

Развернулся, и, не оборачиваясь, рванул галопом, пыль столбом. Вижу, что специально, передо мной решил выпендриться. Думаю, за первым же поворотом коня усмирит и не спеша дальше. Куда ему торопиться?

Начинаю закипать от злости. Послала Полю с Мирой деревенских собирать. Решила действовать. Целину пора поднимать. Будет экономика, будут наемники, а там и грамоту Шоберта гляну липовую.

Собрались все. На удивление! И быстро. Никто слова не пикнул, когда рассказывала, что снастей у нас море, надо удочки делать и рыбу идти ловить. Вызвались две молодые умелицы и один семилетний мальчишка.

– С утра в заводь пойдете, – инструктирую. – Ведро под рыбу Варлам даст. Остальные по овощам, что с картошкой?

– Да есть, хозяюшка в закромах еще, – отвечают бодро.

– Надо на глазки рубить. В поле сажать. Пока поближе, чтобы враги не унесли. Что еще можно на посадку?

Полчаса дискуссии, и я утомилась. Оказывается, у них тут вечное лето. Про зиму обмолвилась, меня чуть дурой не посчитали. Это был единственный плюс, природа располагает к посадкам… А вот проблем – вагон и маленькая тележка. В основном с почвой, чтобы сажать, надо почву взрыхлять. А еще с поливом не все просто. Колодец один, уже высыхает, а от речки путь не близкий, для женщин с ведрами полными воды… Обещали кое – как у домов подсуетиться с рассадой. Странное дело – люди после рыцаря зашевелились и энтузиазмом загорелись, слушаются.

На следующий день вспомнила, что рыцарь говорил о весточке, в которой барон про разбойника Гордона графу сообщил. Не гонца же отправлял на кляче? Тогда как? Может, зеркало какое магическое или руны? Мне это должно пригодиться. Разошлю описание сестры, напишу, что потеряла та память, просьбу о помощи изложу красноречиво, мол, помогите вдове в ее горе.

Вызвала Варлама, загораясь хорошим подспорьем в поисках.

– Как с графом связывались?

Варлам себя в лоб бьет.

– Забыл совсем старый! – Восклицает. – Голуби почтовые на чердаке!

– И?

– Так померли с голоду, небось, уже. Я ж забыл. Их барон наш покойный кормил. Та часть чердака под замком была, наказывал не ходить. Померли птички.

А я и думаю, что у меня в спальне дохлятиной попахивает…

– Веди, показывай, – командую. Мало ли тайник там найдем с документами.

Поднялись на чердак по шаткой сколоченной лесенке пожарного типа. Варлама жалко стало, еле – еле по ней взобрался.

На чердаке еще не была. Свет бьет через щели в крыше, щедро довольно – таки. Просто дождя еще не было, вот и удивляюсь. Бардак на чердаке: пыльные ящички, тюки, сушеные травы развешаны, аромат источают. Впереди перегородка, площадь этажа на две половины разделяет.

Варлам туда поковылял. В руках ключи на кольце размером с ладонь. Ключей штук двадцать, у нас столько дверей и нет. Методом подбора замок открыл. Дверь со скрипом подалась, вошли. Слева три клеточки с беленькими трупиками. Бедненькие гульки… Пахнуло соответствующе. По правую руку стол с письменными принадлежностями и стул. Подсвечник стоит красивый (прицениласьна продажу), чернила в баночках расставлены. Подошла ближе: рулоны бумаги разные лежат, ленточки сложенные аккуратно, и воск есть. Или это не воск? Щупаю. Красноватый, твердый… сургуч? Или что – то подобное.

Интересно, интересно.

Сундук у каминной трубы увидела. К нему, как ворона на блестящее, подскочила. Крышка легко поддалась. А там. Одежда!

Стала выгребать, пылью, затхлостью несет. Развернула. Штаны, рубахи, жилетки.

– Походное, покойной баронессы, – комментирует Варлам. – Она по молодости с бароном по гарнизонам и замкам. Неразлучные они были.

Прихватила с собой, пошла вниз. Миру озадачила стирать. Мне такой прикид удобнее будет, в сельской местности в платье умаялась совсем.

Ближе к вечеру деревня зашумела. Через окно все слышу. Каждый чих. Никакой шума – изоляции. Девчонка Поля на плече тащит двух жирных зайцев! Из тушек стрелы торчат с синим оперением. А за спиной лук красуется.

По зазубринам поняла, что мой лук!

– Хозяюшка! – Визжит радостная. – Я нам мяса настреляла.

Кроликов скидывает на землю. А они бедные все стрелами истыканные, будто ежики. И лапки, и попки. Фантазия моя богатая картинки в голове рисует, как зайчик уползал раненный, подстреленный. И долго еще мучился. Жалко же…

– Что ж ты! – Рычу на Полю, та глаза округляет.

– Что, что! – Возмущается. – Раньше на охоту барон ходил. А сейчас некому. Мяса нет. Кур всех на рыцаря порубили, о яйцах теперь тоже можно забыть. А овощами сыт не будешь.

– Ой! Да иди рыбу лови! Что не мясо! А так над животинками издеваться, это не по – человечески! Я тебя в гринпис сдам!

– Наши клуши три карася поймали! Какая рыба. Хозяюшка, что я не так делаю?

Чуть не плачет. А меня слезами не проймешь. Лук свой выхватываю эльфийкий.

– Не умеешь, не берись! – Рычу, выбирая дерево, чтобы вокруг никого и позади.

Кладу стрелу в желобок. Прицеливаюсь. Шагов двадцать дистанция. С такой муравейчиков поражала на ходу.

Выстрел. Стук вбивающегося в ствол наконечника раздается. Есть прямое попадание!

Сбоку Мира, откуда ни возьмись, стоит. Обе ахают. Я под действием самолюбования еще две выпускаю более уверенно, выхватывая стрелы из колчана со скоростью моргания глаза. Те прямо куда метила, туда и летят. Щелк… щелк…

То – то же!

Из окон бабульки смотрят, что – то себе под нос бормочут.

– Это мой лук, – добавляю с укором.

– Я под мостом нашла, – бурчит Поля, глазки уводя.

– А я говорила, – ехидствует Мира. – Она лучница.

– Стрелочница, – смеюсь. – Кроликами займитесь. Стрелы все мне. И под мостом еще поищите. Маловато что – то в колчане.

Решила Гордона проведать. В сарае разбойника разместили. После того, как Варлам его чуть не сдал, Мира должна была догадаться спрятать его там получше. Мало ли на обыск нарвались бы. Кто эту детину остановит?

Открыла дверь в сарай. В этом еще не была. Пока тут Гордон, не совалась, стеснять и смущать не хотелось своим присутствием. Самолюбие мужское и так подорвано, после первой встречи. Я в этом планет чуткая.

Не навещала, а теперь думаю, что зря. Додумались где пленника держать! Вокруг лопаты, вилы, колья разной формации. Плетенки навалены, видимо, под ними и прятался от Марселя. Назад подалась опасливо. Гордона нигде не видно. Светильник у меня не такой уж и мощный, полутьма зловещая навивает страха. Если вдруг решит сбежать, мало ли, что на уме.

Не хочу лопатой по хребту получить. Поэтому окликаю, упреждая:

– Гордон? Рыцарь ушел. Я сказала, что ты сбежал. Можешь выходить! И вообще не держим, если что…

Минуту ждала.

Сверху зашевелилось! Отшатнулась еще дальше. Спрыгнул. Выпрямился, тело худющее, даже через рубаху видно. Морда

заросшая. Вспомнился фильм про изгоя на острове. Вылитый!

Стоит в пол – оборота, смотрит своими большими черными глазенками.

Сглотнула. Зомби то еще, стоит, не шевелится. Готовится к прыжку?

– Эй, я к твоему пленению не причастна, не надо на меня так смотреть.

Сгорбился вдруг, на корзинку присел вальяжно.

– Думаешь, легко меня взять? – Произнес хрипло. – Думаешь Гордон простак? За мной все графство гонялось. А я на бабу повелся. В любовь поверил, вот и опоила плутовка травами сонными. Теперь не верю я вам, бабам. Змеиные ваши души.

– Не я ж…

– Мира твоя, – перебил и усмехнулся.

– Так! Ты мне тут даром не нужен! Можешь катиться, понял? – фыркаю.

– Дай три дня оправиться, сил набраться. Или уже гонишь? Рот лишний?

Внутри меня происходит взрыв. Что ядом собственным поперхнулась, это само собой. Возмущена, не то слово!

– Да ты! Как у тебя язык поворачивается в хлебе попрекать! Что бы мне, да жалко еды?! Вот рыцарю последнее отдали! Там да! Жалко, что свои без штанов! Мальченочки наши без белка и витаминов теперь! А этот ничего не сделал по поручению! Кабан здоровый, тупой как валенок! А ты… ты не смей тут обиженного строить! Я, между прочим, тебя от виселицы отмазала! Хлебом он меня попрекает. Ладно… Мира!

Девка из – за угла дома показалась. Чуяла я ее слежку. Носик в пушку, сдала любимого, теперь мается и мнется вокруг да около.

– Хозяйка, не гневайся! – пищит.

– Молчи! Корми его с общей пайки, со стола, поняла? Чтобы все поровну, корми, как меня и себя. Дичью жареной тоже угости. Пусть вкусно кушает и не жалуется на жизнь. А ты, Гордон, разбойник великий и неуловимый, знай. Я никогда еду не жалела, в нищете

будем, ничего. Ровно на заднице сидеть не стану! Сама все! Завтра же в лес отправлюсь, настреляю мяса на всю деревню. Это я тебе говорю, чтобы тебе за мужскую половину стыдно стало!

Замолчала, дух перевести. Вылила все, что накопилось за эти непростые дни. Гордон смотрит нечитаемым выражением, толи смеется, толи обижен.

Развернулась и пошла к себе. Проoралась, полегчало. Жалко его, этого разбойника. Все мы кушать хотим. И я не исключение… в животе урчит, овощи достали, рыба и та не ловится. Ароматы жареного мяса в воздухе витают. Скорее бы ужин…

* * *

На следующий день никуда я не пошла. Постиранные походные шмотки еще не высохли. Гоняла женщин на работы. Вроде и делают что – то, но ничего не движется. Сажают лениво, только изображают бурную деятельность. Рыцаря на них не хватает.

Утром отправились с Полей на охоту. Я в образе аля разбойница: сапожки шнурованные, штанишки бардовые, рубаха бежевая (когда – то была белой), жилетка коричневая. Поля – проводник, я – охотник с твердым мнением, что все пушистые попки будут порваны.

Двинулись на восток, в противоположную сторону от Шоберта и моих отчужденных деревень. Прошли заросшее всем подряд поле, обогнули чащу, где мне предложение делал барон. Вышли на цветочную полянку. Мошки, шмели, пчелки, ути пути… Странно, что ни одной бабочки еще не увидела.

Запахи сухой травы и земляники навивают воспоминаний о беззаботном детстве. Я полна сил. Энергия переполняет. Видимо, из – за насыщенного кислородом воздуха, хочется думать, двигаться, решать проблемы, идти, бежать и кричать от радости.

Впереди лес, темной шапкой надвигается, будто волной штормовой накрывает. Вошли. Сразу окунулись в звуки птиц, полное

«в мире животных». Стоило продвинуться немного и стройные тоненькие дубки сменились уродливыми широкими деревьями. Стволы разветвляются в фигуры невиданные, словно змеи окаменевшие. Мелькают и образы подобные человеческим, будто ноги, руки. Моя бурная фантазия дорисовывает и парочки, сплетенные… Вот мне и лес. Все дремучее и беспросветнее. Заросли колючие пошли… если бы не штаны, ой визжала бы!

Когда на пути папоротник возник, уверенность идти дальше пропала. Мало ли что там засело. А Поля все вперед тащит.

Белка спрыгнула в пяти шагах! Рыжая! Хвостик пушистый, ушки с кисточками, глазки – бусины смотрят, изучают. А я хлеба не взяла! Или что они едят? А! Орехи! Вот и орешник видно. Чуть правее целый сад отдельный.

– Стреляй, – шипит Поля.

– Такую красоту убивать?! – Возмущаюсь. Тут же еще одна по стволу спускается, тоже рыжая, но такая малюсенькая.

– Звери все красивые, – пробубнила Поля и пошла дальше. – Что ж теперь. Голодать?

Иду за ней. Заблудиться боюсь. Левее орешника дерево поваленное показалось. Большое, ветки на нем еще зеленые. Со стороны корня обходим. Яма приличная, да и корни огромные, мощные. Не похоже, что само упало. Страшно стало… Полю догоняю. А та уже грибы в подол собирает.

Подалась за ней, мне что – то по лбу стукнуло. Смотрю, яблоко красное! Да это же дикая яблоня, прямо на небольшом просвете стоит, под солнышком греется. Не чудо ли?! Срываю яблоко. Кусаю… а сладкое! Ммм…

Куст черной смородины на меня смотрит! Ветки с гроздями мясистыми провисают бедные. Накидываюсь на смородину, яблоком прикусываю.

– Хозяюшка, много не ешь, живот заболит, – бурчит Поля со знанием дела. – Дальше еще малина и груши.

Вышли на проталину. Лужайка зеленая, ручеек журчит. Будто в сказочный мирок окунулась. Восторг, да и только! А Поле хоть бы что, присела у ручейка, водичку хлебает. Я и сама захотела попить. Только наклониться собралась, слышу, ветки затрещали. Лай собачий ворвался в нашу гармонию с природой, разрывая ее в клочья.

Чувствую, в нашу сторону что – то огромное бежит. Земля под ногами дрожит. Птицы растревоженные загорланили. Собаки где – то далеко еще. А то, что лес тревожит уже совсем близко!

Душа уходит в пятки, с замиранием в сердце лук вскидываю. Стрелу молниеносным движением достаю, накладываю, не глядя.

– Черный клык! – Визжит Поля, оборачиваюсь, та на дуб полезла. – Валерия, на дерево лезь! Ой, загнанный он злой! Ой, злой!!

На лужайку вместе с вырванными кустами выскакивает кабан черный – пречерный! Размером с носорога, не меньше! Клыки, как бивни мамонта, один сбитый, глаза кроваво – красные. Меня увидел, замешкался, рванул в сторону, углубляясь в заросли.

Миновало…

Вот такого не жалко. Стрелу натягиваю. Черное тело мелькает среди деревьев, уходит стороной. Слышу его хриплый сап. Прицеливаюсь… Мяса на всю деревню хватит. Свининки захотелось. Стреляю…

Стрела улетает в его сторону и теряется в шерсти. Монстр даже не отреагировал, скрылся в гуще. Звуки его шествия стали удаляться.

М – да… Такой и медведя перекусит пополам без труда. О чем я думала? Он же мог напасть! Страх запоздало наплыл на живот. Все эта Поляна миров! Инстинкт самосохранения напрочь отсутствует.

Лай стал приближаться. А собак я боюсь. К Поле поворачиваюсь. Смотрит на меня выпученными глазищами. Лук перекидываю за спину. Лезу к ней, на ветку соседнюю примоститься.

Плоские собаки с удлиненными мордами выскочили на лужайку и помчались дальше. За ними повыпрыгивали мелкие шавки, те сразу

к дереву ринулись, чтобы нас облаять.

Ветки зашелестели, конское ржание раздалось хоровое. Бородатые мужчины в рубахах с луками за спинами и на лошадях показались на лужайке, а за ними и более приличные в жилетках и с бритыми лицами аристократической наружности.

Сижу на дереве, смотрю на них с высоты второго этажа.

– Фу! – Гаркнул бородач, мельком на нас взглянув, и в гущу нырнул. Собаки нехотя за ним пошли, погавкивая себе под нос, будто кашляя. Влепила бы стрелу в эти собачьи задницы. Ненавижу мелких шавок. В детстве облаяла меня неадекватная собачонка, до сих пор фобия.

Всадники в камзолах и рубахах стали по лужайке расползаться. Двое спешились, к ручьи подошли, воды набрать во фляги, лица обмыть. Слышу, зафыркали.

Один к нам на лошади подъехал. В черном модном камзоле, усеянном золотыми пуговицами. Волосы черные, глаза тоже, мужчина лет сорока пяти, лицо вытянутое, бородка гармонирует со смуглой кожей и выраженным рельефом скул. Эдакий мушкетер, только вместо шпаги меч на пояс прикреплен.

Улыбку растянул, брови вздернул, сама снисходительность.

– Леди? Вам там удобно? – Блеснул находчивым подкатом.

Молчу. Улыбнулась ехидно. К всаднику двое плетутся. За спинами луки, на поясах ножны. Эти молодые, черты лица схожи. Отец их, не иначе.

– Догоняйте секача, – кивнул обоим.

Те меня недоверчивым взглядом окинули и неспешно последовали за шавками. Лай уже порядком поутих. Далеко, видимо, убежал кабан.

– И долго там сидеть будете, леди?

– Пока не представитесь, – фыркаю. – Мало ли тут в лесу маньяк какой орудует.

– О! – Восклицает. – Простите за невежество. Барон Ролан Норельский лорд здешних земель, к вашим услугам.

– Леди Валерия, к вашим, – хмыкаю и начинаю слезать.

Стало быть сосед с востока.

Поля в платье, на ветке крутанулась без зазрения совести, демонстрируя, что под ним. Барон из вежливости взгляд увел. Вот дала бы этой мелкой пинка. Найдет на попу приключений, мы одни в лесу с незнакомыми мужчинами, накинутся же. После плантации у меня о них мнение только такое.

Неуверенно спускаюсь. Вижу и он с коня слез. Бородатый мужичок лошадь сразу и подхватил. За ветку хватаюсь, в преддверье прыжка на землю. Руки сильные за бедра хватают, к талии сползают. Не успела среагировать, уже ссаживает меня барон. Причем с легкостью.

Встала перед ним, возмущаться не к месту, вроде просто помог. На голову выше меня. Крепкий, поджарый, улыбка задорная. На полшага отступил, руку мою ухватил и поцеловал галантно.

– Вижу, не одни мы на охоте, – усмехнулся, поглядывая на мой лук за спиной. – И много белок настреляли?

– Да так, – замялась.

Неподалеку огромный мужчина с коня спрыгивает, в плечах широченный, черты лица тоже от Ролана.

– Она их пожалела, – выдала Поля спустившись.

– Хм, – демонстративно продрал горло барон, девка сразу осеклась. Поняла, что лезет в разговор «знатных», забылась на радостях перед мужчинами.

– И как вас в этот опасный лес занесло? – Вмешался гигант.

По лицу вижу, лет двадцать ему. Ну, детина!

– Аврам, – строго произнес барон, не оборачиваясь. – Догоняй братьев, без тебя Черного клыка им не взять.

– Слушаюсь, бать! – Гаркнул, на меня счастливым взглядом посмотрел, на коня запрыгнул, будто перышко, в чем конь сильно усомнился.

Стою, как дура.

– Вы от лагеря далеко? – Интересуется и жестом пройтись предлагает.

Зашагала. Он сбоку, руки за спину. Думаю, говорить ли ему, что я жена покойного барона Долтана. Или не стоит? Хватит мне на голову Шоберта. Они же, как стервятники. Этот тоже начнет поглощать земли и крестьян воровать.

– Да так, – отвечаю неопределенно, сама на Полю поглядываю, околачивается неподалеку. Как бы не начала болтать.

– Умеете пользовать? – Уточняет барон, кивая на лук.

– Да так, – скромничаю.

– Можно? – Останавливается. Пожимаю плечами, лук передаю. – Эльфийский. Ну – ка посмотрим.

Берет стрелу из моего колчана за спиной. Натягивает тетиву. Стреляет в дерево, что шагах в тридцати. Щелк! Попадание! Метко… ничего не скажешь.

– Хорош, – комментирует с неподдельной завистью. – Только женский он. Не для мужских рук. Тетива слабовата, верхнее и нижнее плечи одинаковы, да и маловаты для натяжения на дальность. Для охоты разве что на белок и кроликов.

Пожимаю плечами, принимая свое оружие.

– И все же, вы тут проездом? – Снова за свое.

– Не совсем, – отвечаю, как политик. – А это ваши сыновья?

Решила сменить тему. Идем вдоль ручья. Водичка нервы мои успокаивает, журча и давая наши мимолетные отражения.

– А вы наблюдательны, леди Валерия. У меня их четверо. Трое погодки, младший погодя, долго не решался вновь…

– Бедная жена, годами не вылезая из беременности, – выдаю без лишней скромности.

– Пять жен, – грустно отвечает. – У меня родовое проклятье, каждая при родах умирает, являя на свет мальчишку. Новая тоже беременна. Надеемся, что обойдется. Долго не решался, но любовь непредсказуема.

Интересно, а они тут все первой встречной о своих личных проблемах рассказывают? Убеждаюсь все больше, народ бесхитростный.

– Говорите об этом, как о кошках, – укорила.

– Да уж сколько слез вылито, горечи распробовано, перегорел, – говорит спокойно. – Зато сыновья здоровые, как могли заметить. О! Простите за невежество, ваша красота в сочетании с боевым оружием взыграла во мне интересом, и я забылся. Позвольте пригласить вас в свой родовой замок?

– Я думала у баронов только особняки. А большой замок – то?

– Во всем графстве только у меня и графа Арлена имеются замки. Мой – родовой, ему сотни лет, еще со времен войны магов устоял. Судите сами. Так что, могу ли я удостоиться чести…

– Подождите, – перебила, не могу пропустить тему о его проклятье, зацепило. – Это всех поколений женщины при родах умирают?

– Ну да, – говорит грустно. Уже и не рада, что вернула тему. – Что мы только не делали, священники замок освещали, бабки заговаривали, даже эльфов лесных я просил помочь. У них магия древняя, лесная…

– Так они все в замке рожали? Может там в стенах плутоний, или еще какой радиоактивный элемент, излучений море особенно от пород каменных. На каком месяце ваша супруга?

– О! Вы акушерскими навыками владеете? – Восклицает, вижу по лицу, что не понял меня.

– Месяц спрашиваю какой? Ее надо на природу, чтобы воздухом дышала. От замка подальше. И когда рожать соберется, пусть прям в лесу.

– Что вы, леди, так ведь не принято, – улыбается, будто я тут дура.

– А вы барон не занимайтесь ерундой, – остановилась и посмотрела на него пристально. – Коль женой дорожите больше чем традициями, то сделаете все, чтобы мать у детей была. Ясно выразилась?

Сглатывает. Чувствую себя взрослее его.

– Леди, вы… – начал строго, вижу, что злится. Но конское ржание прерывает наш разговор. Толпа лошадей на лужайку выскочила. Собаки лаять перестали.

Обернулись мы оба. На веревке туша кабана размером с быка волочится.

– А! Ха – ха – ха! – Хлопает в ладоши барон и спешит к добыче. – Ай молодцы! Год за ним гонялись! И сейчас бы упустили за оврагом! Ай мальчишки мои, мужики!

Смотрю на грустные лица мальчишек. С чего бы это?

– Издыхающим нашли, – бурчит обиженно один из старших сыновей.

– Стрела с синим оперением его сразила, – говорит младший здоровяк и на меня смотрит, в руке стрела моя зажата.

Барон на меня оборачивается. Все сыновья тоже глаза вылупили, будто я преступница. Не ловко стало. Они его загоняли, у них тут спорт, процесс может соревновательный. А я мужское эго одним выстрелом.

– Леди? – Раздалось из губ барона.

Мольба? Чтобы не признавалась. Или как это понимать? Пожимаю плечами.

– Хозяюшка стреляла, – выдает Поля. – Она у нас стрелочница названная. Кабана не испугалась, он бежал уже стороной, а она с упреждением с тридцати шагов, мимо частых деревьев с одного выстрела, и даже не мешкая и не целясь.

Краснею. Рты у всех открыты.

– Да повезло просто, – говорю тихо.

– Ага, – гнусавит Поля. – В тоненькое дерево с пятидесяти шагов, не целясь…

– Да хватит! – Фыркаю на девку. И так мужское самолюбие ниже травы уже. – Я случайно попала. Новичкам везет. На белках натренировалась.

– Ну что ж, – выдыхает барон с поникшей головой. – Случайно, аль нет. Мастерство познается в случайностях, добыча ваша, леди Валерия.

Всеобщий выдох горечи ощутила. Мужики поникли. Бородачи к туше подошли, стали возиться.

– Загоняли вы, зверя вымотали, – начала более уверенно. – Он еле плелся. Заслуга по большому счету ваша, господа. Поэтому забирайте это чудовище. Шкуру на стену вешайте, или чучело делайте. Не знаю, как у вас принято.

– Давайте делить тогда, – предлагает младший.

Всеобщее «Пфф» раздается. Им на мясо певать, похоже. Баронство их не бедствует.

– Добыча целиком леди Валерии, – строго обрывает барон. – А вам сыновья мои, еще поучиться охоте надо, раз не можете дичь загнать на своей земле. А на чужой оно вон как оборачивается. Леди, вам в помощь людей даю, чтобы дичь тащили до лагеря, если вы не возражаете.

– Спасибо, – говорю и улыбаюсь виновато.

– Вот те и по белкам стрелять, знай наших, – бурчит Поля.

Я ей подзатыльник отвешиваю. Верно нарывается на насилие, мелкота.

Всадники с нотками истерии в гущу ныряют.

– Свидимся! – Кричит барон, козыряя. – Рад был познакомиться, леди Валерия.

– Взаимно, барон Ролан, – машу ему ручкой. Сразу смягчился.

Трое бородатых крестьян осталось. Мужики крепкие, посмотрела на них недоверчиво.

– Госпожа, указывайте дорогу, нам бы до ночи воротиться. А то волки с оврага повадились…

* * *

Деревня была в шоке, когда кабана приволокли. Вот теперь – то почувствовала себя настоящей добытчицей и покровительницей. Вся деревня собралась во дворе на чудо посмотреть. А когда речь зашла о разделке туши, все, как один замялись.

– Это ж Черный клык! – Воскликнула Маргарита, из дома выбегая.

Народ чуть ли не в рассыпную ринулся. Откуда страх такой, понять не могу. Он же мертв. Присмотрелась. Морда размером с две моих головы, вся в шрамах, видимо боевой кабан попался. Два нижних клыка, как рога у буйвола, расцарапанные. Пятак свинной черный ого – ого – го!

– Он сыну старшему Долтана живот на охоте вспорол, – продолжает бабуля. – Помню времена, гонялись за ним долго, да так и не поймали. И с соседом соревновались. У них даже спор был, кто убьет, получит весь лес целиком в владения.

Вечереет. Смотрю на мужчин, беспокоятся об обратном пути. Долго тащили стокилограммовую тушу, устали.

– Вам обязательно сегодня назад, господа? – Уточняю.

– Хозяйка, да какие мы господа, крестьяне на службе, только и делов. На ночь глядя идти рискованно…

– Маргарита, суетись давай с гостями, ужин, ночлег организуй, – командую.

Мужики обрадовались, заодно тушу нам разделали. Все это кровавое действо я пропустила. Дальше над деревней ажиотаж навис. Пошла раздача добычи. Угостила всех, куда нам столько. Холодильника нет. А погреб до сих пор воняет Гордоном…

Жаренная свинина оказалась просто изумительной. Лучшие куски мяса Маргарита оставила на наш особняк. Крестьян бородатых за наш стол пригласила. Скромные оказались, глазки пустили, будто я их съесть собираюсь. Видимо, думают, я об их поведении лорду ихнему доложу.

В деревне пир. Позвали и с соседних угоститься легендарным Черным клыком.

Восхваляли меня дня три, за которые перестали работать вообще. Только ели. Гонять устала. Как было по три грядки посадок, так и осталось, земля сухая, о поливе никто и не думает. О рыбалке и не вспомнили. Начинаю орать, как зав кафедры, разбрызгивая слюной и выпучивая черные глаза.

Решилась на авантюру.

Пришла к Гордону с конкретным предложением. А у него в сарае свой пир вместе Мирой. Сидят полулежа в обнимку, рядом столик самодельный с кушаньем с нашего стола, как я и наказывала ранее.

Девка меня увидела вскочила и бежать из сарая. Щеки красные. А Гордон с улыбкой хитрой смотрит, задницу свою поднять не удосуживается.

– Все, гонишь? – Говорит с наглым выражением.

Убила б морду эту нахальную. Но нужна мне от него услуга, скрипя зубами, не ответила резко.

– Я слова на ветер не бросаю, Гордон, – начала важно. – Сказала – сделала.

– Согласен, – приподнимается, принимая нормальную сидячую позу. – Стреляешь хорошо, напели в левое ухо. Не благородное это дело, скажу. Не из разбойничьих ли случайно? Обо мне заботишься, как о своем. Давай на чистоту. Я секреты хранить умею. Разбойница, охмурившая барона и прикончившая его за титул?

Хмурюсь. Затыкается.

– Ты за языком следи, Гордон, – рычу. – Я порядков не знаю ваших. Но есть одна истина простая: слово не воробей, вылетит, не поймаешь.

– Во – во, из кодекса чести разбойников, – подхватывает. – За словами следи, за них отвечай. Аль угадал я!?

Хлопает в ладоши радостный.

– Не угадал, – кривлюсь. – Я не разбойница, но за себя постоять смогу.

– О как. Ну раз так. Прошу прощения, леди Валерия. Чем мог служить, если не гнать, значит озадачивать будешь.

– Не озадачивать, – говорю мягко, присаживаясь на плетенку рядом с ним. – Нужна помощь от души, то есть та, которую ты и сам будешь рад оказать, она ведь будет лучше, чем другая, за услуги и тому подобное.

– А знаешь, – усмехнулся. – Ты очень хитрая. На совесть брать пытаешься. Разбойника на мораль не бери, он с ней давно распрощался, лучше на долг. А долг ведь не малый. Жизнью обязан. Потому говори прямо, что нужно.

– Тебя если побрить, в порядок привести, деревенские узнают? – Начала издалека.

Глаза выпучил, недоумевая.

– Да кто ж меня узнает. Даже Мира твоя вряд ли. А это мысль…

– В общем, – выдыхаю и продолжаю неуверенно. – Надо чтобы ты рыцаря сыграл. Доспехи мужа наденешь, представишься рыцарем и поживешь у меня недельку, другую…

– Чего?! – Хмурится.

– Гордон, только рыцарь может на этих лентяев повлиять, у нас хозяйство в упадке. Помаячишь немного, и все. Я сама их гонять буду, нам бы и мост починить. Я бы и женщин научила доски колотить. Но за него никто браться не хочет. А Шоберт со своими наемниками скоро и сюда придет. Нам средства нужны, чтобы дружину нанять, а без экономики никак.

Замолчала. Разбойник и половины слов, похоже, не понял.

Понялся, волосы на затылке почесал.

– Хитра, хозяйка, – усмехнулся и головой замотал. – Что ж, помогу тебе с твоим хозяйством справиться. А что барон соседний распоясался? Знаю Шоберта, трус тот еще. Прознал о кончине мужа твоего?

– Угу, – выдохнула, поднимаясь. – Я рыцаря графского на него насылала, а тот бумаги ему якобы на мои деревни тыкнул. А я тайник баронский со своими грамотами на земли найти не могу…

Хлопает в ладоши.

– Я это дело люблю, – произнес певучим голосом. – Признаться, и так почти весь баронский дом обыскал до пленения. Тайник с грамотами, говоришь. Давай поищем.

– Давай сперва тебя в порядок приведем. Гостем в доме искать проще. Там ведь днем спокойно ищи – не хочу. А ночью, оно не то.

– Раздери меня владыки, – гогочет. – Да ты точно из наших!

– Да хватит уже, – фыркаю. – Пришлю Миру, пусть тебя побреет, из обезьяны человека сделает.

– Чего?!

Процесс создания рыцаря начался! Гордон придумал себе имя эпической наклонности – Асприн!

Проблема номер один. Доспехи покойного барона оказались велики!

– Давай я поздно ночью приду под дом, – предлагает. – Никто и не заметит фарса. А потом переоденусь в камзол, его – то швея твоя ушьет.

Гордон без бороды и постриженный, оказался привлекательным молодым человеком. Черноглазым, как и я. Брови в стиле «Песика», внешность милого авантюриста.

Проблема номер два. Нет коня.

Решили ночью деревню взбаламутить. Гордон шума наделал прилично.

– Я рыцарь Асприн прямиков от герцога! Конь мой издох по дороге, загнал в спешке! – Кричит, доспехи скрипят, гремят при каждом шаге, словно детская погремушка, очень большая погремушка…

– Асприн! – подыгрываю. – В дом скорее!

– Через неделю войско мое подоспеет! – Переигрывает. – Герцог за хозяйство посмотреть хочет, как дела у вас! Прислан проконтролировать! Ежели все в упадке, на Поляну миров красный ирис добывать всех погонит!

Сама выбежала, за ним. Под светом факела доспехи красные блеснули. Мира с Полей их наскоро хорошо отполировали,

заметила, что им это в удовольствие было. Тащу за собой это пугало огородное, из – под забрала смеющееся.

В домах свечи зажглись, зеваки смотрят. Умиляясь подумала, завтра сороки разнесут весь на все деревни.

Так и вышло. Но нам сейчас было не до этого. Прошлась по деревне, всех активировала, зашевелились. Тем временем Гордон переворачивал весь дом в поисках документов. Мира с Полей ему в этом помогали с особым удовольствием.

Тайник нашли! Он оказался на чердаке под кирпичиком, из которых дымовая труба состоит.

Завернутый в ткань рулон и оказался грамотой. А еще мешочек камней разноцветных Гордон передо мной поставил на трельяж.

– Честь по чести, – говорит. – Каменья ценные, казна баронская небось. Вот и решение твоих проблем.

– В грамоте что написано? Скажи, миленький, что читать умеешь! – Встрепенулась, мешочек в сторону откладывая. Мне все это стекляшки, на сокровища не падкая.

– Что ж, не уметь, у графа писарем был, грамоту знаю, – важно отвечает.

Из – за плеча Мира выглядывает.

– Мать зови сюда, – рычу на нее. – Уши развесила.

Выскочила с обиженным видом. Гордон прочел рулон ветхий заинтересованно.

– Все верно, – произнес заключением. И я снова задышала…

– Давай к Шоберту собираться, – поднялась, ладоши потираю деловито.

Посмотрел на меня скептически.

– Знаешь, почему барон грамоту прятал? – Говорит с укором. – Чтобы никто ее не увидел из спорщиков. Потому что ее только графу предъявить можно, или герцогу при споре. Увидела правоту на бумаге, убери, за свое стой словами. А не бумагой. Пойдем туда вдвоем. Шоберт грамоту отберет, сил у него много. И сожжет, считай

все. А архивы графа в упадке. За это знаю, нет у него документов дубликатов. И Шоберт в курсе сего.

– Как все сложно…

– Барон твой глуп, – продолжает поклеп. – Особняк сгорит и бумаги туда же. Зря в доме хранил. Я на глупость и рассчитывал, все знатные так хоронят. Умные, да горя знавшие – в земле тайник держат, в самом непримечательном месте.

– И что теперь делать? – Плакать хочется.

Гордон на меня жалостливо посмотрел.

– Не унывай баронесса. Давай твой мост чинить. Торговый путь будет, деньги польются рекой.

– Поможешь? – Вскочила радостная.

Кивнул. Серафима пришла.

Вытащила горсть каменей из мешочка, все разноцветные, размером с горошину. У обоих глаза горят.

– Мы сможем за это лошадей купить? – Уточняю.

Разбойник берет один из моей ладошки. На свет поставил, смотрит. Затем на зуб пробует.

– Табун, – смеется Гордон. – На лошадь изумруда хватит, самого мелкого.

Серафима на него посмотрела ехидно. Недолюбливает его из – за Миры. Чует материнское сердце неладное.

– Бери помощниц любых, – инструктирую. – Пару камней. Чешите в село пригородное, или что есть поблизости, где лошадей можно купить и скот?

– Полдня пути пешком до селения с рынком, там кур продавали и поросят, – говорит Серафима. – За лошадей не знаю.

– Дашь два камня зеленых за двух лошадей, у местных выкупишь, – предложил Гордон. – Все продается и покупается, можно по дворам поспрашивать. Старых не бери, по зубам смотри и копытам. И чтобы подкованы нормально…

– Да знаю я, – обрывает Серафима. – Если лошадей, то и телегу?

– И телегу, – соглашаюсь и еще пару камней даю. – Сдачу вернешь.

– Пусть на золотые и серебряные монеты часть разменяет, – подхватил Гордон. – Однако страшно посылать баб одних с таким состоянием.

– Я с тобой не пойду, разбойник, – фыркает Серафима.

– Вариантов нет, – пожимаю плечами. – Идите уверенно просто, камни в обувь спрячьте. А на обратном пути на лошадях вас уже не перехватят.

– Ну это не факт, – выдал Гордон. – Но маловероятно. Так, может я с ней?

– Нет, – настаиваю. – Во – первых, ты рыцарь, увидят деревенские, что посылаю за покупками, расслабятся. Лучше мы с тобой мост начнем колотить. Во – вторых, моюсь тебя могут узнать.

– Там могут, – согласился Гордон. – Серафима, я тебе покажу куда лучше камни спрятать. И не смотри на меня так!

Собрались на мост.

Обмолвилась я о материале. Пилу нашли, топор тоже.

Варлам себя по лбу бьет. У меняв груди холодеет.

– Только не говори, что где – то кто – то еще скопытился, дедуля, – рычу.

– Забыл старый, совсем забыл. В чаще барон покойный пилораму организовал, чтобы мост чинить. Дело давно было, но бревна там есть.

Взяли женщин крепкий. Те на «рыцаря» посматривают, глазками стреляют. А мне смешно. Гордон грудь выпятил, улыбается курочкам моим.

Дошли до пилорамы, Варлам еле плелся. Пилорамой обозвать три сваленных деревца – это уже слишком. Но плюс был в том, что валить их уже не надо. Кое – где подсохли, но выбраны были со знанием дела.

Вытащить смогли лишь общими усилиями и волоком. Хоть и тонкие, но тяжелые. Гордон предложил часть забора разобрать, я с радостью согласилась.

Поздней ночью прибыла Серафима с двумя лошадьми, на телеге, с курами, гулями, цыплятами, картошки несколько мешков на посадку, других овощей. Еще и зерна набрала умница моя.

Дело пошло в гору. Лошадей запрягли на бревна большие и приволокли оставшиеся. Мост колотили неделю еще. Одновременно шли работы по вспахиванию земли. Плуг ржавый нашелся! Вот что главное.

Люди заработали с особым рвением. Деревня ожила, закукарекала, загоготала. Еще бы захрюкала, но, к сожалению, поросят Серафима не купила.

– Гордон, ты ж писарем работал, – говорю на торжественном открытии моста. – Надо плакат нарисовать с надписью, тьфу, со значком поворота, стрелки…

– Да лучше гонца отправить по плантациям, – предложил Гордон. – Он оповестит, что мост исправен.

– Я туда девочку не пошлю, там и пауки, и белозубки всякие, – фыркнула.

– Если плакат делать, тогда надо понятный знак рисовать. А письмо, его никто не прочитает, грамотных мало.

Стали рисовать плакат. Художественные принадлежности имелись, холстов немерено. Парочку запороли. Но вышел вылитый дорожный указатель. Второй плакат Гордон посоветовал нарисовать и поместить у моста с монетой и обозначением ее достоинства, чтобы вопросов не было, сколько за проезд платить. Тариф установили три медяка. У Шоберта десять, птички шпионские с соседних деревень напели.

Жизнь наладилась, когда первые потоки транспорта пошли груженые пыльцой. Никто лишних вопросов не задавал, платили дежурной девочке у сколоченной будочки. За исключением самых первых заезжих, что пытались возмутиться. Но я вышла в платье, вся такая красивая, наорала на них. Сбоку еще Гордон встал с мечом барона и моим луком на всякий случай.

Деревня ожила, понимая, что теперь на виду, и бездельничать нельзя. Дворы в порядок приводились, цветов насажали, дорогу центральную в чистоте стали держать. Я старосту назначила, чтобы следил. Выбрала самую матерую бабку, что мне громче всех раньше высказывала, а другие ее слушали. Неформальный лидер теперь будет работать на меня.

В двух других деревнях тоже старост назначила выборным путем.

Все шло хорошо, и я уже готовилась отправляться в город на разведку. Пока ночью не сгорел наш источник основного дохода – мост, а под утро не прибежали жители третьей деревни и не объявили, что и они погорельцы теперь.

* * *

Дым витал всюду и вкус его ощущала мерзкий. Будто специально расшатывая мои нервы и дальше, ветер принес все запахи с реки и с деревни сгоревшей.

Первое желание – взять лук, запрыгнуть на лошадь, доскакать до этого урода и всадить ему стрелу куда – нибудь, чтобы дольше мучился. Я о Шоберте. Это ведь с его распоряжения было сделано. Не сомневаюсь. Но проблема в том, что на лошади я верхом не умею, и это еще не все.

– Недоказуемо, – выдал Гордон, вместо того чтобы поддержать!

Стоим у моста сгоревшего, речка будто взбесилась, последние куски бревен недогоревших уносит, как меня когда – то. О сестре думаю, что я тут забыла? Взялась целину поднимать вместо того, чтобы Алинку искать. Бросить все и ехать в город, повозка есть, лошади тоже. Но почему – то держит меня тут что – то сильное. Ответственность?!

...И понимание того, что я – никто. Пусть даже баронесса. Это низшая ступень практически, как выяснилось. До короля не допустят, тут какой – то граф паршивый руководитель еще тот. А до

герцога так вообще ров до самого ядра земли. Сестра у короля, может и не у нашего. А у Карла какого – нибудь или у тех с тройного союза. Во власть бы пробиться, в верхушку. А без благосостояния как это сделать? Величие и знать свою показывать надо со свитой и в крутой тачке по модели «карета». Это показатель, а не кудри и мои бальные платья. Три жалкие деревни, вернее уже две и куча ленивых женщин.

– И что делать?! – Реветь хочется, но держусь. – Мы теперь не восстановим мост. А этих куда селить?! Они на улице спят!

– Что ты ему предъявишь? – Гордон проникся, чувствую, тоже злится. – У тебя войска нет. Было бы пара десятков бойцов, дело другое. Он бы всерьез воспринял претензию. А если к графу пойдешь, тот без прямых доказательств жалобу не примет.

– И что ты предлагаешь? – Киплю, готовая на все от злости.

– Не силой, а хитростью брать, – отвечает. – Я слышал у него жена проблемная, дочь родовитая графа соседского, довольно некрасивая, поэтому за него и пошла, с понижением, так сказать. Еще истеричная и ревнивая. Я бывал у них в доме по роду профессии. Поместье большое, есть где затеряться и чем поживиться. Так вот, барон по девкам бегал, мне одна дурнушка рассказывала, правда, иль вымысел, тут не знаю, но если сумеем его за этим делом застать, можно и на шантаж.

– Хм, – заинтересовалась. – Это надо на вражеской территории лазутчика отправить сплетни собирать?

– Не совсем лазутчика, – интригует. – С официальным визитом пойти тебе надо. Познакомиться с семьей его. Злобы не показывать, а наоборот. С женой найти общий язык, да так, чтобы при встрече обнимались и целовались, любезностями обменивались. С детишками его тоже нянькайся. В полное доверие войти.

– Это ж сколько мне работы…

– Дня три, не больше. Ты обладаешь качествами нужными, я в людях разбираюсь по роду профессии. И получится, после официоза тебя барон обидеть не сможет. Ты ему главное не предъявляй

ничего. На своих наговаривай, мол разбойники подожгли, помощи попроси в расследованиях…

Инструктировал меня Гордон. А я на ус мотала. Дело ведь предложил!

Стала к барону собираться.

Глава 9
В гостях у барона Шоберта

Сценарий продуман. Платье выбрано. Прихорошилась, кудри завила. Утром на коня взобралась, в скромные объятия Гордона закуталась, и поскакали к границам. Вспомнился мотоцикл Макса…

Высадил на безопасном расстоянии.

– Главное не волнуйся или не показывай этого, – продолжает инструктаж с высоты лошади. – Я буду рядом.

– Ты ж на хозяйстве, – хмурюсь, руки в боки.

– А я и там, и тут. На коне – то, оно скорее выходит.

Козыряю ему. Волнение в животе уже крутит. Разворачиваюсь. На горизонте виднеется особняк Шоберта. Ближе на коне нельзя, по сценарию будет нестыковка. Узнать меня не должны. Тогда я была чумазая и плохо пахла. Теперь иду по луговой траве, задрав повыше пышный подол вместе с платьем, вею и порхаю. Само очарование, вылитая анимешка, в зеркало любовалась собой долго, грешила этим делом.

Настроение улучшилось, словно с выпускного бала шествую. А еще подумалось… Напасти на голову свалились, и мы стали сплоченные. Погорельцы работают не жалея спин, другие, глядя на них, стараются не меньше.

Чувствую себя Скарлетт из «Унесенных ветром». Сильная, целеустремленная, самодостаточная. И ответственная за своих крестьян.

Ковыляла долго, устала. Мимо деревни прошла. Зеваки вышли, стояли, как сурикаты, смотрели на пригорке, как баронесса в бальном платье широкими шагами… Ближе к особняку людей прибавилось.

Сам особняк отдельно от деревни стоит, на возвышенности. А вокруг луг зеленый простирается холмиками, будто море застывшее.

Издалека вижу, что домина у Шоберта большой, забором высоким обнесен, территория дворовая огромна. Видны верхушки деревьев. Видимо, сад есть или парк. Хорошо устроился олигарх. Приблизившись, заметила и вышки караульные, и людей на стенах. Да тут целая крепость!

Ворота отворились, когда метров триста не дошла. Всадники навстречу выехали.

Остановилась. Важный вид сделала, немного недовольный, как Гордон сказал.

– Леди! – Крикнул еще на подходе один из них. – Вам нужна помощь?! Что стряслось?!

Белобрысенький, молодой. Улыбнулась ему застенчиво, глазки опустив. Я же очаровашка.

– Экипаж сломался, – выдаю. – Чинят. Решила заскочить к соседу пешком, не люблю сидеть на месте. Барон Шоберт дома?

– О! Леди! – Восклицает, с коня прыгает, ко мне идет и вижу, как начинает краснеть. – Я...эм... его сын Сталий...эм... баронет Ирнский, рыцарь графа Арлена.

Сглотнул. Остановился, видно, что затупил малость. Пресный, глазки зелененькие, маленькие. Улыбнулась ему шире, тот вообще съежился. Ручку подала. Тот резко наклонился, зубами стукнул о мою ладошку. Еле стерпела.

– Простите, леди, – спохватился, снова за руку берет. Еле отобрала.

– Леди Валерия Балейская, ваша соседка, – представляюсь милым голоском.

Юноше лет двадцать. Смущен, меры нет, видно по нему. Сперва бежал бодро, а как рассмотрел меня, начал тормозить по страшному. От мужчин такого эффекта еще не добивалась. Начинаю наполняться уверенностью.

– Прошу в дом, – выдал, что далось ему без запинки с особым усилием.

Жест у него вышел тоже дерганный. Ростом не высок, едва выше меня. Иду впереди. Другие всадники тоже спешились, по бокам идут. Один коня Сталия подхватил. Обслуживающий персонал, не иначе.

Особняк. Вот это настоящий коттедж, не то, что у меня развалина под снос. Три бодреньких этажа в кирпиче и облицовке под беж, крыльцо красивое с колоннами бежевыми, окошки со ставнями резными, дом из сегментов состоит, даже пристройки гармонично пришлись. Всюду газончики разноцветные, кустики подстриженные. Веет розами. Садовник приличный маячит. Прислуга в белых фартучках промелькнула.

Усадьба Екатерины Великой воочию.

Пока рот разевала на все подряд, на крыльце барышни появились посерьезнее прислуги. Управляющая дома с помощницами, которых Сталий истерично вызывал, объявляя о гостье. Дом засуетился, чувствуется.

Вошла вовнутрь. Ковровая дорожка, мраморный пол. Внутри светло, лампы масляные, из окон свет бьет щедро. После моей полутьмы домашней, тут кажется вообще светлее некуда. Впереди лестница и балкончик, оборудованный на лестничном пролете. Потолки высокие, беленые, от того свет отражается хорошо и гуляет по помещению. Надо будет и у нас побелить. Знала бы чем...

Стены усеяны картинами и декором в виде резных планок на уровне глаз. Сделано все со вкусом. Зал приемов у Шоберта хорош, завидую черной завистью. Рот раскрыла, иду за сыном его в другую комнату.

Гостиная с камином. Стол стоит мощный, судя по ножкам изогнутым. Из панорамных окон свет бьет. Они в сторону двора смотрят, глянула мельком. А там сад простирается, конца и края не видно. Вот тебе и барон.

Усадил на широкий, мягкий диван и побежал за родней. Несмотря на букеты цветов в вазочках, пахло воском и паленым маслом. Немного отдавало дегтем, с чего это, так и не поняла.

Подскочила молоденькая девочка в фартучке и с волосами под шапочкой специальной.

– Леди, не желаете прохладительного напитка? Вина? Есть пунш, – пропищала блаженным голоском, сразу сказка про Морозку вспомнилась.

Шейка такая тоненькая беленькая. Видно, что домашняя девица, на улицу не ходит, не загорает. Я та еще мулатка, постоянно на солнце. А эта самая, что ни на есть аристократка.

– Воды, – говорю и улыбаюсь ей. Витает атмосфера кафешки, официантка пришла.

Вода возникла через секунд тридцать и столик два молодых парня принесли, удобно под правую руку поставили. Следом предстал передо мной светловолосый мальчишка лет восьми в рубашке и камзольчике, эдакий мажорчик средневековья. Посмотрел подозрительным зеленоглазым взглядом и выдал:

– Ты плинцесса?

– Да, – ответила и улыбнулась ему. – Принцесса Валерия Византийская. Слышал про такую?

– Неа, – мотнул головой и глазки сузил. – Тебя никто не обижал?

– А защитишь, если обидят? – Подыгрываю.

– Я Лыцаль, конечно защищю, защитю…

– Иди знакомиться, – говорю ласково и по коленкам хлопаю.

Давно с детьми не общалась, это отвлекает от проблем, милый мальчик. И пошел ведь, не испугался, уселся деловито на мое платье и коленки. Довольный, ручки скромно сложил.

– Как тебя зовут, рыцарь?

– Ленал, а ты точно плинцесса?

– Ленар! – Визгнула бабулька, показавшаяся из дверного проема. – А уселся наш рыцарь, прям сразу быка за рога, невесту за юбку! А ну иди сюда!

– Нянька, – выдает и спрыгивает. – Злобная, – это уже шепот.

Не успела бабулька и шаг сделать, тот шмыгнул в другую комнату.

– Госпожа, простите за несносного, – взмолилась бабулька и поковыляла за мальчишкой.

Минут сорок ждала хозяев. Запахи вылавливала вкусные. За это время слуги еще раза четыре подошли. Решила вина хлопнуть, чисто ради интереса. Пол бокальчика, чтобы напряжение снять. Это был один из советов Гордона.

Баронесса под руку с сыном возникла, как гром среди ясного неба. Я даже вскочила и неуверенно улыбнулась. Вид у нее был строгий. Действительно некрасивая дама, как разбойник сказал, лет сорока пяти, высокая, не стройная и перекрашенная. Но впечатление взяло на себя шикарное голубое платье и шедевральная прическа. Целый муравейник на голове и куча брошек сияющих драгоценностями.

И сынок ее, что меня встречал переоделся в камзол зеленый, серебром декорированный, шпагу или меч на пояс нацепил. Будто при параде. Честь великую я оценила. Стою, ручки сложила.

– Я хозяйка этого дома, баронесса Ирэн Ирнская, – произнесла грубым голосом, будто пьет каждый день.

– Баронесса Валерия Балейская, – говорю тоненьким голоском.

– Столь неожиданный визит застал нас врасплох, – смягчилась. – Присядем, прошу.

Хозяйка присела во главе. Меня с другой стороны усадили. Сразу возник вопрос. А где Шоберт?! Судя по всему, отсутствовал, и мне сразу полегчало.

Стол, будто скатерть самобранка стал рождать блюда с пылу, с жару. Слуги, как электровеники создавали магию на глазах. Пока накрывали стол, хозяйка молчала, стреляя взглядом по служанкам. Те краснели, бледнели, лапки их дрожали.

Первый вопрос прозвучал, когда налили вино.

– Как вам наша скромная обитель, леди Валерия?

– Уютненько, – говорю и улыбаюсь. А мне в ответ. Мельком посмотрела на Сталия, какой – то завороженный сидит около мамочки.

– Ваших слуг накормили? – Вдруг спрашивает и к сыну поворачивается.

– Мам, она одна…

– Не называй меня так в присутствии гостей! – Рявкнула на сына.

Тот голову опустил. И у меня душа в пятки ушла.

– Кстати о гостях. Всех разбудили?

– Да, госпожа, – отозвалась управляющая, стоящая в проходе.

– Леди Валерия, вы как раз кстати, у нас гости с моего графства приехали. Сваты к доченьке моей. А вы к нам по какому вопросу или проездом?

– Соседи ж, – сглатываю. – Решила познакомиться. Ехала, карета сломалась, колесо отвалилось.

– Нужна помощь? – Настороженно спрашивает.

– Справимся, – махаю рукой. Вокруг столько вкусностей, за что бы взяться, да поскорее, чтобы допрос поутих…

– Муж будет завтра, или послезавтра, – говорит. – Он у меня занятой, на добычах и строительстве.

– Какой молодец, – выдаю. Потому что бесит он меня, не сдержалась.

– Согласна, – подхватывает и глазками сверкать начинает. – Деятельный у меня муж, скоро графом будет. Ходатайство на герцога отправили. Столько земель бесхозных в порядок привел. А по добычам мы на третьем месте в герцогстве. Пора бы и престиж наш вознаградить. А вы с какой стороны соседка?

Вот, значит, как, Шоберт готовится стать графом, земли хапает смело.

– Ма… леди Ирэн, она баронесса Балейская, – встревает Сталий, воспользовавшись моей заминкой и улыбаясь мне уголком рта. Видела, как он три стакана опрокинул, осмелел.

– То есть как? – Фыркает хозяйка. – Соседа нашего жена. Старый пень перед смертью женился – таки. А дети у вас есть?

– Неа. В первую брачную скончался.

– Соболезную, – выдыхает с неким облегчением. – Долтан уважаемый был рыцарь. Они с моим отцом плечом к плечу стояли на рубежах. Эх, Долтан… Владыки к нему неблагосклонны были. Первого сына секач в лесу вспорол. Второго на Поляне миров съели. Жена его не вынесла удара судьбы, скончалась от приступа. А вы стало быть удачно подвернулись. А с каких краев? Где он вас нашел? Вроде чах в своих чащах, никуда не совался.

– Сама пришла, – говорю. – С другого графства, вернее даже королевства.

– О! А род знатный? – Интересуется.

Так… Начинаю загонять себя в тупик. Усиленно соображаю, что сказать. На ум ничего не идет. Этот вопрос мы с Гордоном не прорабатывали.

– Леди Валерия? – Наседает Ирэн. – У вас все хорошо? Мой вопрос доставляет вам неудобства?

– Знатный род, – выдавила. – Внебрачная дочь одного знатного лорда. Но я не хотела бы об этом.

– Хм, – встрепенулась баронесса.

Я сглотнула. М – да… какой там общий язык с этой стервой? Сожрет ведь за одно неверное слово.

– Вы сейчас вдова? – Выпалил Сталий. Мать посмотрела на него хмуро. Как я ему сочувствую…

Киваю. Ирэн сверлит меня взглядом.

– У герцога Ирна скоро бал, – воодушевленно начал сын Шоберта. – А следом и рыцарский турнир. Не желаете быть на скамье претенденток на королеву турнира?

– Мы уже говорили об этом, – рычит его мать. – Ты не будешь участвовать в этой головотряске. Мне нужен здоровый сын. Пусть рыцари с бедных семей бьются за милых дам. А ты выберешь себе и так. Когда отец станет графом, пути будут открыты в сотни знатных династий.

– Я буду участвовать, – прошипел осмелевший Сталий.

– И я! – раздался задорный девичий голос.

У стола возникла расфуфыренная русоволосая девочка. Я узнала эту сучку. Это ее спасал от пауков. А она меня на каторгу сдала папочке.

– Ты моя принцесса! – Воскликнула баронесса и подалась к дочери.

Засюсюкались, обнимаясь. Вот где любимица. Сын с завистью смотрит. Отпряла и представилась:

– Меня зовут Лия, а вы леди Валерия?

Киваю. К столу подошли еще люди. Три мужчины лет под тридцать и две женщины, одна возраста хозяйки, другая моего примерно. Все пресные мышки, хоть и расфуфыренные чрезмерно.

Все по очереди представились. Оказались родственниками Ирэн с соседнего графства. За исключением одного из мужчин. На вид самого скромного и от того обаятельного. Сероглазый, худощавый и загорелый, рыцарь по имени Милан. Представился баронетом и порученцем какого – то маркиза соседнего герцогства. Он единственный, кто не проявил ко мне интереса. Остальные пожирали глазами, даже девушки.

Я – центр их внимания. Буженина в кисло – сладком соусе в горло не лезет. На меня смотрят, вилками ложками стучат, ножами скребут по тарелкам. Я еще тише орудую своими приборами, чтобы не привлекать внимание, глазки опустила. Ну спасибо, Гордон, в гадюшник меня сподобил. Уже и пожалела о затее.

– На днях приезжал свататься лорд Форнель, – начала Лия. – Мам, ну, сколько можно его приглашать? Он мне в деды годится!

– Родная, ну он же богат и знатен, – прочирикала «мама», доченьке можно ее называть так.

– Я на бал поеду, а потом и на турнир! – Восклицает девка.

– Там бьются рыцари из бедных сословий, – гнусавит Ирэн. – Леди, Валерия. Вы на бал к герцогу приглашены?

– Хм, рыцарь недавно приезжал один, Марсель. Сказал, что приглашение мне достанет…

– Ну это вряд ли, – обрывает надменно. – А почему у вас смуглая кожа? От рождения или от солнца?

– От солнца, – смущаюсь.

Ощущаю, как девушки шепчутся и посмеиваются. Это у меня чутье с института осталось. Все замечаю. Белая кожа – признак аристократии. Я тут одна такая загорелая. Даже мужчины все белые. Ну кроме Милана, порученца маркиза.

– Я слышала, что ваше баронство в упадке. Вы сами на поле пашите? – Клюет Ирэн.

Мужчины молчат. Видно, что хозяйка тут доминирует. Никто и слова вставить не может. Сижу, как на допросе. Посмешище. Хоть и самое тут красивое, сложно не заметить, как на меня жадно смотрят мужчины и завистливо женщины. Все, даже баронесса. Она и бесится из – за этого.

– Да, – киваю. – Сама все делаю, и в поле, и на охоте. Недавно прикончила Черного клыка.

Стол ахает. Это мое единственное достижение в этом мире. Гордон молил меня не плести подобного. Но не сдержалась!

– Вы верно шутите, – прыскает баронесса.

– А я вполне допускаю, что женщины могут больше мужчин, – выдает Милан ровным голосом. – Леди Ирэн, а вы на турнире будете присутствовать?

– Что вы, сэр, – усмехнулась. – Разве что сына караулить.

– А что? Вы не допускаете, что он может стать мужчиной? – Продолжает наседать.

Чувствую, что баронесса раздражается, но держится, от того гость на моих глазах в значимости растет.

– Стать мужчиной можно и на охоте, – промямлила хозяйка, запивая вином свои неуверенные речи.

– По мне так на войне. Ее кое – как заменяет турнир, прообраз боевых действий, – ожил Милан. – Вы же понимаете, что рано или поздно ваш сын станет защитником баронства, и ему нужно знать, как брать меч, как атаковать или обороняться.

– Я знаю, – фыркает Сталий. – И вас еще поучу. Ма, подтверди?

Ирэн нахмурилась. Но сбоку прильнула дочка, растапливая лед на сердце своей мамы. Мне показалось, или она защищает брата?

– А вы, леди Валерия, что об этом думаете? – Милан решил стрелы на меня перевести, разряжая тем самым обстановку.

– В мире, где правит сила – это самое важное, – выпалила.

Смотрят на меня, ждут продолжения.

– Мужчина должен быть защитником, – решила кинуть камень в огород Шоберта. – Честным, сильным, всегда в физической форме, защищать свою даму сердца от всех посягательств. Женщина – это самое важное в жизни мужчины. И мужчин ведь много, побеждает сильнейший, забирая лучшую. Что до войн… они все из – за женщин.

– О! – Воскликнула баронесса. – А тут поподробнее.

Воодушевилась, рассказала про Елену Троянскую, из – за которой по моему мнению Греки на Трою пошли, собрав флот огромный. Вряд ли в этом мире о той истории знают. Слушали, раскрыв рты.

– А что вы думаете о Карле третьем? – Заинтересовался Милан. – Из – за какой дамы сердца он создал такую армию и завоевывает королевства?

– Если у него жены нет, которая бы говорила капризно «хочу вот это королевство, а теперь возьми и это», тогда он готовится завоевать весь мир, который потом выстроит для него всех женщин, а он выберет лучшую, – выдала под хмелем.

Пока рассказывала про Трою, влила в себя, как воду бокала три.

Наступила мертвая тишина. Готовая сквозь землю провалится, я немного протрезвела. Милан вдруг растянулся в улыбке и захлопал в ладоши. Остальные мужчины подхватили и засмеялись.

– Вы очень искусно обращаетесь со столовыми приборами, – произнес едва слышно Милан. – И мыслите глобально. Из какого вы знатного рода, леди Валерия?

– Это ее секрет! – Воскликнула пьяная баронесса. – Я уже пытала. Хи – хи – хи.

– Как интересно! – Воскликнул Милан и посмотрел на двух мужчин.

Эти совсем поникли, отдав инициативу на поклеп другим.

– А вы не торопитесь? – Вмешалась Лия. – Мы хотим устроить ночные прятки в саду! Мужчины будут искать нас. Нашедший целует свою находку!

– Как вульгарно! – Фыркнула баронесса. – Позвольте, мне надо отлучиться.

И поднялась, у меня камень с души, как только она вышла из – за стола. Напряжение схлынуло со стола. Люди оживились.

Лия пересела ближе. Стала лезть с расспросами про Трою. Рассказала еще про Жанну Д'Арк и Клеопатру. Вокруг меня целый полукруг образовался. Вот только Милан не проявил особого интереса, сидел задумчивый на своем месте. Вскоре вообще ушел.

И так провели время до самого вечера. Пока не появилась управляющая.

– Леди Валерия, ваш гардероб привезли, – шепнула на ухо. – Слуг я разместила. И покои ваши готовы, хозяйка их определила. Если желаете переодеться, мы к вашим услугам.

Какой гардероб?! Кто привез?! А в дамскую комнату так хочется!

– Отлучусь, – брякнула в стиле хозяйки. Собеседники мои хором выдохнули тоскливо. Только Милан невозмутимо поднялся и помог со стулом, обгоняя шатающегося Сталия.

Поднялась и сразу двое других мужчин подорвались. Вот он элемент этикета! А с баронессой Ирэн так не делали. Хм...

Поковыляла за управляющей, меня шатает. Перепила. Дороги не разбираю, порожки, тапочки да пяточки. Смотрю исключительно на ноги проводницы. Вот оно какое, состояние измененного сознания. Уборная в доме! Вот оно достижение чуда техники средневековья. В бальном платье эти дела делать, да еще и на ногах не стоять... Но я справилась и с чувством выполненного долга вышла. Бабуля управляющая тут как тут. Повела меня куда – то.

Дошла до покоев, что оказались на втором этаже. А там Поля с Серафимой! Смотрят на меня щенячьими глазами. Неподалеку Гордон с сундуком возится.

Разбойник меня увидел и ахнул.

– Хозяюшка, да как можно было так нахлестаться?! – Ругает меня и в сторону отводит. – Я кое – что разузнал. Но об этом завтра. Шоберт со дня на день прибудет, поэтому не ударь в грязь лицом и не пей больше.

Киваю, обнимаю моего наставника разбойного. Вот умница, поддержать меня пришел. И девчонки молодцы.

– Дай я вас расцелую, – оборачиваюсь к ним.

Выгнали Гордона, стали меня переодевать. В Покои ломится Лия.

– Валерия! Идем в прятки! Ты обещала! – Кричит через дверь.

– Да, да, – выдала бодро. А мысли – то пьяные, да что ж я так. Никогда в жизни пить больше не буду. Плывет мое сознание.

Переодели во что – то попроще, по ощущениям поняла, тянет меньше, но грудь все также давит. Вышла вопреки уговорам помощниц. Коль сказала, слово держу, прятки так прятки. У самой азарт разгорается.

Около двери караулит Сталий. Под руку подхватил и во двор. Там уже собрались. Кустики пострижены, вырисовывают лабиринт целый вперемешку с посадками деревьев. Дорожки камнем выложены, это чтоб убиться было проще при желании.

Только дошла, девушки визжа стали разбегаться. Стою, опешила. На меня смотрят мужчины.

– Леди Валерия…

– Миледи, прячьтесь.

Пожала плечами, пошла, пошла, пошла…

И вот иду, иду, иду. Никого не трогаю. Темень наплывает кромешная. А у меня еще платье красное, можно не переживать. Это у девочек светлые тона, их быстрее найдут.

Впереди свет. Не сразу догадалась, что это не факела, и не лампы. А уж тем более не солнце. Фигура стоит большая, три метра в высоту,

плащ до пят красный, узорами исписан.

Спиной ко мне повернут, а вокруг что – то неведомое его подсвечивает. А теперь и меня. Я смелая, мне море по колено и всякие там инопланетяне по плечу. Бежать не собираюсь.

Визг слышу позади себя удаляющийся, его другая визжалка подхватывает, получается уже хоровой визг. Потом вдруг тишина настала. Собаки где – то лаяли, и те замолчали. Дышу, и дыхание свое слышу.

Оборачивается чудо небесное. А что еще думать? Бабочка прилетела, таких здесь владыками кличут и до смерти боятся. А я не боюсь. У меня вопросов к таким море.

Стоит гигант в пол – оборота и смотрит на меня большими красными глазами. Нет, только зрачки красные, радужка фиолетовая, а белки белые. Вампир вылитый. Вот только улыбка его меня смутила. Коварная такая. Смотрит, изучает. А я трезвею…

Развернулся полностью, присел на корточки, плащ расправляя.

– Подойди ближе, человечка, – прогремел высокий голос.

Смотрю на него. Волосы длинные золотом отливают, лицо мужественное и в то же время молодцеватое. Красивый мужчина. Слишком даже, рот раскрыла очарованная. Шаг делаю, еще… еще. Подхожу, ощущая жар внутри.

Останавливает жестом в шаге от себя. Изучает, глаза сузил, голову на бок склонил. Жутко так… Зловеще.

– И не боишься меня? – Интересуется. Удивление на лице читаю.

– Вы скалапендру убили на Поляне? – Осмелела. Там красная бабочка. И тут тоже красный гигант. Мало ли – он. Так и разговор завяжется.

Улыбнулся, глаза заблестели. Еще страшнее сделалось. Как бы не задрожать. Если бы не корсет, сердце давно бы выскочило.

– Человечка задает вопросы, – комментирует и начинает смеяться.

А меня обида взяла.

– Что в этом такого? – Рычу на свой страх и риск.

Уставился, глаза округлил.

– И смерти не боится, а спрашивает. Каково это, когда тебя мошка спрашивает? Стоит ли ей отвечать? Или сразу раздавить?

Сглатываю.

– Узнать, что ей нужно, – пискляво отвечаю.

– Понять не могу, почему ты еще не сгорела, – шипит и поднимается.

Жутко… возвышается надо мной такой огромный, раздавит ведь. Молчу, бежать бы прочь, злой какой – то владыка. Но не решаюсь. Он же по мою душу пришел, сомнений нет.

Крылья начинают вырастать из – за спины, одновременно плащ укорачиваться стал. Вокруг светлее делается. Сам смотрит на меня, реакцию ловит. А крылья все растут и растут. Расправляются будто веер. Красные крылья аэроплана, не, хвост индюка скорее. Деревья, что по бокам стояли, стали трещать и прогибаться. Вскоре не выдержали и завалились, обнажая корни.

Принял форму бабочки. Сейчас как взмахнет крылом и унесет меня далеко – далеко. Больно стукнусь или косточки мои переломаются.

– Знаешь, кто я? – Вдруг спрашивает. Вздрогнула.

– Слуга Клесаны, – отвечаю. – Простите, имени не знаю, клана тоже.

Свет меркнет, становясь прежним, легким, белым. Крылья врастают обратно в мгновение ока. Опять человек в плаще передо мной стоит и смотрит со вздернутым бровями. Эрей Авель вспомнился. Тоскливо на бабочку смотрю.

– Кай Даниэль, – представляется звонко с выражением в голосе, будто проверяет.

Замер, глаза его шире делаются, с каждой секундой. Вот уже лицо вытянулось от удивления, ни то что брови. Весь уже само удивление.

– Леди Валерия, – хрипло говорю, горлышко продираю и добавляю: – Приятно познакомиться, Кай Даниэль, спасибо, что убили ту Скалапендру. Я очень перепугалась за вас тогда, честно.

Отшатнулся гигант. Вид озадаченный.

– А вы с кланом Эрей дружите? – Спрашиваю на всякий случай. – Эрей Авель мой друг, он тут недавно пролетал, но меня не узнал. Не могли бы вы…

Гул ударил в барабанные перепонки вместе с порывом ветра. Протяжный гул, исходящий от этой человекообразной бабочки. Каждая клеточка моего тела вибрировала, едва выдерживая этот звук. Ноги мои подкосились. Упала.

Гигант навис надо мной, вознеся руку в кулаке. Дрожу от ужаса, теряя всякое самообладание. Жить – то хочется! Дышать, ощущать все вокруг, быть, мыслить. Не хочу умирать. Начинаю истерить…

– Почему? – Гремит надо мной, слово, как сильнейший порыв ветра по моей прическе прошелся. – Почему я не могу убить тебя? Даже прикоснуться не могу! Почему?! Кто ты?!

Тень отступает. Поднимаю глаза. Стоит спиной. Хочу спросить про сестру, но слова в горле встали. Рот открываю, а будто говорить разучилась. Шок, посттравматический синдром? Психологическая травма?

Фигура начинает удаляться и вскоре пропадает среди деревьев. Не знаю, сколько так просидела в полутьме. Но опомнилась от порывов ветра. Не сильных, но ощутимых. Бабочка взмыла в воздух где – то далеко впереди.

Поднялась, вижу откуда свет идет. Оба поваленных ствола углями дотлевают. От них и жар ощущается. Огненный он? Почему я не сгорела, спросил… А должна? Почему они так неадекватно реагируют? Сумасшествие какое – то.

Вернулась к дому, на звуки суеты ориентируясь. Она началась, когда бабочка улетела.

– Миледи! – Воскликнул Сталий и побежал ко мне. И вот тут – то я и ощутила, что ноги уже не держат. На руки подхватил, едва успел.

– Чем мы владык прогневали, – плачет управляющая.

– Владыки пожалейте рабов своих… – причитает баронесса.

– Сие знак, не сгорели, а значит, сие благо, – бормочет какой – то старик.

Устала думать и воспринимать. Сознание проваливается в сладкую черноту.

* * *

Утро наступило с чашечки бодрящего напитка в постель. Над кроватью нависли баронесса, дедуля, которого впервые вижу, сын с дочкой Шоберта и мои трое деятелей, чуть в сторонке.

– Доброе утро, – хриплым голоском, хотела подняться, обнаруживаю, что в ночнушке и одеяло мягкое пуховое до подбородка задираю.

– Как себя чувствуешь, дитя? – Интересуется дедушка. Брови с седыми завитушками, глазки мудрые.

– Все хорошо, спасибо, – отвечаю с хрипотцой. – Не стоит хлопот. Я здорова.

– Видим, – выдыхает с облегчением и уходит.

– Леди Валерия, если все хорошо, ждем вас в обеденном зале через час, – выдает баронесса и выходит.

Только она за порог, сын ее Сталий на колено передо мной падает, за руку хватает, начинает лобызать.

– Миледи, я так переживал, я места себе не находил, вы… вы стали дороги мне.

Стало неловко. Все ж смотрят. Лия без тени стервозности с любовью на нашу парочку смотрит. Э, нет! Никаких свадеб, помолвок и тому подобного!

Вырываю руку мягко, но настойчиво.

– Мне нужно готовиться к обеду, сэр Сталий, – говорю строго.

Вскакивает, уходит. Смотрю на Лию, она на меня, в глазах укор. Будто я спасена была им, тонула посреди океана, а теперь жизнью обязана. Ага, щас.

– У меня траур по мужу еще не окончился, – выдаю ей. – Что не так?!

Лия в ответ фыркнула и выскочила из комнаты. Дальше пошли: теперь смотрю на своих троих. Вот чего от Серафимы и Поли не ожидала, так это слез.

Сама проморгала слезу предательскую. Один только Гордон самообладание не потерял, подмигнул мне и вышел.

Обеденный зал. Мои меня причесали, подкрасили, зашнуровали и надушили. Сервис полный. Сидим за столом в том же составе все, за исключением Милана, видимо, умчался по своим делам.

Никто не разговаривает. Только столовое серебро позвякивает. Кушаю, и чувствую, будто громче всех приборами гремлю. Я ведь ничего не сделала, и ни в чем не виновата! Волком посматривают, все кроме сынка, который в меня явно влюбился.

После обеда Сталий скромно предложил прогуляться. Никто и не задерживал. А я ощущала всеобщую скорбь. Ни смеха, ни веселия или шуток. Будто на поминки пришли.

В парк не отправились. За ворота на лужайку повел.

– Миледи, вы видели его? – Шепчет, несмотря на то, что никого рядом нет.

Идем по травке зеленой ковровой, солнышко полуденное за облака спряталось. Пахнет конским навозом. Свежачек. В стороне табун лошадей бегает в загоне. Да, Шоберт, дела у тебя хороши. Все больше и больше убеждаюсь, что я ему не противник.

– Нет, – отвечаю кратко.

Вышла с ним только чтоб развеяться. Разговор не заладился. Он из тех мужчин, что не умеют быть обаятельными и тупят при виде красавиц. А его утренний порыв, это эмоции по большому счету.

Мысли собираю в кучу. Третий клан нарисовался под названием Кай. И убить меня хотел зараза, вот только не смог почему – то. Мошка я значит, так да? Бабочка паршивая. Это они так к людям относятся. Этот огненный. Эрей не жег ничего. А этот деревья подпалил. У них разные навыки и свойства? Каждый в чем – то

силен. Это из серии стихий? Огонь, вода, земля и воздух? Красный – огонь. Зеленый тогда что? Земля? А Синий – вода?

Упустила момент, когда Сталий упал передо мной на колено, я чуть об него не спотыкаюсь. Хочется взвыть.

– М…миледи, – блеет, опустив глазки. – Я… не мастак на речи, н… не умею делать предложение. Но, но…

Земля задрожала, конский топот услышала. Впереди, оббегая зеленый холмик, показались всадники, человек двадцать. Мчатся в нашу сторону. Сталий вскакивает. Машет рукой в их сторону.

Конный отряд поворачивает к нему. Впереди всех мчится Шоберт. Эту свинную неблагодарную мордашку я запомнила на всю жизнь.

Отряд останавливается перед нами, кое – кто притормозил так, что куски дерна у наших ног упали. Барон выпрямился, увидев меня.

– Отец! Доброго здравия! – Визжит Сталий.

– Барон Шоберт Ирнский, – представился тот, игнорируя сына.

– Баронесса Валерия Балейская, – ответила гордо.

– Рад с вами познакомиться, – ответил скользкий лицемер. – Соболезную по случаю кончины мужа. И по поводу того, что вам досталось такое упадочное хозяйство. Но не переживайте, вскоре это все перейдет в мои заботливые руки.

Опешила на мгновение от такой наглости.

– И не надейтесь! – Фыркаю.

– Отец, о чем ты? – Встревает Сталий.

– У старика детей не осталось. И леди Валерия скорее всего не забеременела. А по законам герцогства, что утверждены герцогом Нестором Ирнским, все наследуется по мужской линии. Отсюда выводы, сын. Земли ничьи. Но переживать не стоит, ходатайство уже отправлено. Славный граф Арлен с удовольствием поддержит меня в моих начинаниях.

– А если я беременна? Не рано ли вы зуб наточили на мое хозяйство? М?

Убью гада.

– Ну тогда милочка, подождем, а пока ваша фигура говорит об обратном. Но не будем забегать так далеко. Тут орки нарисовались. С Поляны миров идут на наши земли. К сожалению, ваш мост случайно сгорел, и они ринутся сюда. А может, и к вам пойдут проверить путь по любезно выставленному вами указателю. Там и в брод не поленятся, завидев крыши домов крестьянских. Но я любезно предоставлю лично вам убежище, если вы того желаете, леди Валерия.

Закипаю... Но слов нет. Орки!

– Отец! – Восклицает Сталий, но Шоберт уже уходит в сторону особняка со всем конным отрядом. – Я сделал предложение леди Валерии!

– Нет, – обрезал барон. – На балу у герцога будет множество титулованных особ, зачем тебе безземельная проходимка?

Хочу гадость сказать. Но волнует другое.

– Сколько у нас времени?!

– Полтора дня, если сжалятся владыки! – Гаркнул барон и погнал лошадь быстрее.

Не обращая внимания на Сталия, начинаю ускоряться в сторону особняка. Там Гордон и лошади с повозкой, на которой привезли мой гардероб. Рванем и будем эвакуировать население. Нужно что – то срочно придумать. Чертов указатель!

Добежала до особняка, ухажер едва угнался. Ворота открыли со скрипом. Внутри горластый хриплый мужик задачи раздает, караульных выставляет дополнительных. Суета, мечи звенят, топот по дереву, беготня.

– Крестьян не пускать! – Услышала от барона, высунувшегося из окна.

Шоберт, ну ты и урод. Бегу в дом за своими. В коридоре второго этажа снова встречаю барона. Преградил путь, ухмыляется.

– Оставайся, у нас безопасно, будешь содержанкой, – говорит сопя. – Такую содержать каждый лорд согласится за определенные услуги.

– Ты явно попутал полюса, барон, – рычу, перейдя на «ты».

– Да, как сказать, – ухмыляется, не давая пройти. – В деревнях языков много, за медяк любой развязывается. Тебя Долтан из рощи вынес. Там и нашел, похоже. Ты либо беглая любовница лорда соседского, а может и с королевства другого сбежала. Видать, неприятности у тебя серьезные имеются. О родне слова не говоришь, значит, одна ты. И идти тебе некуда, раз за помойку Долтана взялась. Выхода у тебя нет. На улице окажешься рано или поздно. Хорошее предложение от будущего графа…

Отталкиваю его, пихая в толстый живот с желанием коленом съездить, да платье мешает… Достал. Любовницей предлагает стать. Мерзость какая! Спешу в покои за своими девочками.

– Оставайтесь, леди Валерия, мы поладим, – кричит в спину. – Все равно наши деревни разграбят и сожгут орки. А тут мы в безопасности.

– У вас же войско! – Обернулась у двери. – Идите и отбейте деревни от орков! Хотя бы свои. А отсиживаться тут и крестьян не пускать? Верх низости. А как же покровительство? Если вы такой лорд, нет к вам доверия. Тьфу.

– У меня отряд, а не войско! Мы будем сидеть, пока граф войско не пришлет.

Зашла в комнату, не став дальше слушать. Серафима спит в кресле, тихо посапывая. Бужу ее, сбор объявляю. Некогда мне всех по дому собирать.

Вышла на улицу. Подозвала горластого воеводу, что задачи раздавал. Взмылился весь, бедолага.

– Сколько орков? Когда будут тут? – Трясу его за грудки, у того глаза ошалелые.

– Полсотни, госпожа, – опомнился. – Мы их от плантаций отвели, по наказу барона отвлекли на себя конницей. Идут пешими в сторону селений. Вы ж баронесса Балейская? Не возвращайтесь в свои владения. Бревен натаскали к броду у моста сгоревшего, к вам орки и пойдут.

Хотела пощечину ему залепить. Да он – то человек подневольный. Шоберт тварь такая все организовал, в том числе и брод для орков, чтобы мое баронство додушить.

– Когда?! – Визжу, ярость переполняет.

– Сутки от силы, заночуют в поле, утром к реке выйдут.

Отпустила его. Смотрит округлившимися глазами. А я вот думаю, успеем ли эвакуироваться? А сердце кровью обливается, дома сожгут? Хозяйство мое. Куда потом? К Шоберту на поклон?! Ну, уж нет!

Выть хочется. Глазки слезливые вспомнила Серафимины. Вот уж не думала, что обо мне так переживать станут посторонние люди. Да какие они посторонние! Грудь моя мужеством наполняется. Я в обиду своих не дам!

– Какая экипировка? – Выдаю вопрос. Воевода опешил.

– Легкая пехота, – ответил и сглотнул.

– Что это значит? Доспехи какие, стрелки есть? Лучники?

– Кожаные доспехи в основном, оружие – мечи, крюки, секиры.

– Бегите в леса, леди Валерия, – кричит Шоберт с балкона на втором этаже. – Или же оставайтесь у меня!

– Никуда бежать и прятаться не собираюсь. Я за своих горой! – Визжу.

На крыльце баронесса стоит, глаза по пять копеек и сынок с видом обгадившегося школьника. Видно, ему мамаша устроила трепку за предложение мне. Со двора еще нянька с мальчонкой Ленаром на руках показалась. А я дальше горланю:

– Трус несчастный!

– Да что вы себе позволяете! – Возмущается баронесса, вступаясь за мужа.

– Честь отстаиваю! – Фыркаю на нее. – И вашу в том числе!

Через десять минут на двух лошадях, оставив телегу и гардероб, умчались прочь от этого гнилого места.

Не знаю, как я это сделаю, но орков надо остановить!

Глава 10
Ну, держитесь земноводные!

Злая, перехожу в «боевую трансформацию», в этом помогает тряска и неудобное положение на коне, а еще заботливые лапы разбойника, что придерживают и обвивают вокруг талии.

Прискакали в деревню. Гордон ссадил, улыбку растянул. Довольный, отчего спрашивается?

– Поживился? – Фыркаю.

– И еще как, – протягивает довольно.

Влепила бы. У нас беда, а он лыбится. Сверток достает из – за пазухи.

– Я такое нашел! – Восклицает.

– Хозяюшка! – Показалась Маргарита. – Что стряслось? Где телега?

Иду вперед, потом с находкой Гордона разберемся. Сейчас не до Шоберта. Поля уже сбор объявила. Собрались быстро, потому что девочка кричала истерично.

Народ перед домом. Смотрят мои хорошие. Глаза по пять копеек, никто не гудит даже. Тишина мертвая. Горло продрала, вдохнула побольше воздуха.

– Орки будут завтра на том берегу реки, – начала.

Ахнули, паника прокатилась.

– Пропали мы, – запричитали.

– В прошлый раз орки сожгли все, – произнесла староста. – У реки дома стояли. Если бы не соседи, прорвались. А так прогнали.

– У меня бабка старая, я ее не понесу, – брякнула молодая девушка.

– Да пол деревни стариков, что едва ходят. Мы далеко не уйдем, нагонят.

Слушала и катилась моя самоуверенность все ниже и ниже, в черное – черное болото. План – то у меня был. Но с новыми

обстоятельствами несколько усложнился. Знала, что некоторые не смогут быстро эвакуироваться. Но не думала, что все так плохо. Сожгут… ладно бы ограбили, пусть подавятся. А сжечь. Мы все в чистом поле окажемся.

Гордон руку поднял. Все замолчали. Он же побритый, аккуратно постриженный «рыцарь».

– Чтобы не терять свои дома, перед тем как уйти в лес, нужно замаскировать крыши. – Начинаю излагать свою задумку. – Нарубить веток и навалить сверху, сколько возможно. Самые старые с опекающими уходите сейчас. Поля?

– Да, хозяюшка!

– Отвечаешь за стариков. Пусть идут к ручью, где Черного Клыка… хм, ну ты поняла. Мира? Соседа с востока знаешь? Барона Ролана? Замок его видела?

– Знаю!

– На лошади доскачешь? – Спрашиваю, кивает. – Домчишь до замка, попросишь помощи. Скажи орки, пятьдесят легких пехотинцев. От моего имени проси. Поняла?

…Раздала задачи. Гордона отправила знак на развилке снимать, на коне должен успеть. Сама к мосту сбегала и ужаснулась. Разбойник как чувствовал, прямо и поскакал. Шоберт мне бревен и вдоль, и поперек накидал, добрая душа. На месте моста теперь брод шириной в три метра, и умно зараза набросал, сперва поперек, затем вдоль, чтобы вода не смыла.

Хочется кричать от злости. Это ж надо быть таким уродом. Зла не хватает. Греет одно – Гордон что – то нашел у барона. Надеюсь, компромат.

Возвращаюсь бегом. Взмыленная, надо бы переодеться. Лук эльфийский проверить, стрелы посчитать. Надежда только на Ролана. Только бы он не сильно обиделся из – за кабана. Чую, расстались плохо.

Время к вечеру. Люди работают усердно, веток натаскали столько… похоже всю рощу вырубили. Там деревья пониже, ветки

тоньше.

Казалось бы, все идет по плану, вот только люди стали вещи с собой брать, да побольше! Баулы неподъемные насобирали, как цыгане еле плетутся.

Выругалась и в дом. Последняя надежда в сердце закралась. Иду в спальню, ныряю в гардероб.

– Альбус? – Зову домового. За окном суета, а тут хоть бы что.

Внизу загремела посуда. От неожиданности вздрогнула. Маргарита решила кухонную тару с собой взять. Вот же хомяки! Помню Поляну миров, как бегала и ела что попало. Жизнь дороже всего этого хлама.

– Альбус! – Срываюсь на крик. – Дом наш спалят орки. Ты как на это смотришь?!

Молчит. Он моя надежда. Существо магическое, даст может амулет какой, согласна даже на супероружие.

Жду. Чувствую энергетику, колебания полей. Да что я? Просто дышит в затылок мне Альбус. Поворачиваюсь. Глазки красные между мной и выходом.

– Зовет, а не должна, – выдает домовой.

– Пришел, а не должен, – передразниваю. – Ты в доме живешь? На крыше или в подвале?

Моргнул, затем еще раз пять. Вожусь тут с этим пустым местом, сама, как на иголках. Помочь бы своим.

– Спрашивает, а не должна, – проговорил неуверенно.

– Давай сделку? – Говорю быстро. – Я тебе что – то и ты мне помощь. Прости все, кроме души и тела. В остальном я твоя.

Задумалось существо. Моргнуло раз двадцать, затем выдало:

– Альбус ушел считать, – брякнул, глазки закрыл, и они просто исчезли.

– Сволочь! – Рявкнула. – Я этот дом сама спалю, ты понял?! А ну – ка вернулся, быстро!

Передо мной, на уровне глаз возникают луки, мечи, колчаны со стрелами. Все это обваливается с грохотом на пол. Внизу слышу, как

взвизгнула Маргарита, что – то упало и разбилось глиняное.

Оружие продолжает возникать и сыпаться у меня перед ногами. Некоторым вещам даже названия не знаю. Через полминуты начали сыпаться доспехи, щиты, я уже к стене попятилась, чтобы не зашибло.

– Альбус! Хватит! – Визжу, как резаная. Сыпаться перестало. – Зачарованные предметы есть? Оружие массового поражения? Может армия призраков? Куда мне столько добра? Альбус? Ау? Счетовод ты мой.

– Альбус любит покой, – прорычало надо головой. – Альбус слышит, а не должен. А она говорит и не дает считать.

– Так ответь на вопрос!

– Все магическое, – говорит вымученно. – Все с Друма. Ушел считать!

Хм… Стою и думаю, как мне через эту гору перебраться.

Весь хлам зачарован. Замечательно. Что мне нужно? Лук! Желательно габаритов эльфийских. Стрел тоже, да побольше. Правило снайпера: один выстрел – один труп, мне не подходит. Поэтому стрел надо набрать много – много.

Экипируюсь, сортируя хлам. Вскоре беру свои слова назад. Это не хлам, а музейные экспонаты, которые с руками и ногами заберут в лучшие галереи мира! Некоторые мечи блестят, видимо нержавейка, рукояти в камнях… если поковырять, можно сундук сокровищами засыпать и закопать. Обязательно все закопать!

Так… у меня легкая эйфория. Ищу лук поудобнее, раскапывая эти острые предметы с особой осторожностью, попутно сортирую стрелы…

Не знаю почему, но лук выбрала самый простой, не эльфийский на вид. Более грубый, но ощущалась от него сила неведомая. Притянул к себе мою лапу, схватила, а отпускать уже не хочу. Древко в кулаке комфортно легло, через ладонь легкое покалывание ощутила, которое вскоре прошло.

Тетива, как струна. Натянула слегка, чтобы проверить, хватит ли сил вообще ее натягивать. Полупрозрачная стрела вдруг возникла на взводе. Испугалась, тетиву отпускаю, пропадает, только легкое белое марево, будто дым возникает и растворяется.

Попробовала еще раз. Снова стрела возникла! Сильнее натягиваю, а она цвет обретает! Настоящей становится. Перья чувствую пальцами! Тяжесть нарастает.

В груди торжество. Визжать хочется.

Ну не вау ли, а?! Надо испытать. Стрелы собранные в сторону отложила, нужны ли они?! Тут, конечно, всякие, наконечников каких только нет. Была бы на земле, подумала, что некоторые с разрывными снарядами, слишком массивные носы.

Лук побольше моего эльфийского. За спиной топорщится будет. Верчу, чтобы в дверной проем пролез, а он вдруг складывается, будто на пиксели рассыпается и вообще исчезает! Не поняла, смотрю на запястье левой руки браслет образовался: пять рядов серебряной цепи. Хм...

Вышла.

– Эй? Альбус? Что с этими вещами? Они зачарованные, в смысле иллюзия? – С обидой произнесла в воздух.

– Человечка! Ты достала! А не должна доставать! – Рычит над головой. – Браслет и есть лук! Возжелай, и станет как был! Все, ушел считать!

Возжелала. Вырос лук, прямо в руке моей левой, собрался по пиклесям не успела и вякнуть!

Визжу от восторга. Оружие секретное!

Лук убрать! Оп... браслет. Лук достать! Бац, готов к бою! Натягиваю тетиву. Стрела появляется. Щелк! Стреляю в стену. Натягиваю. Щелк!

И так десяток пустила за три секунды. Истыкала все бревно. Лес целый торчит. Лук убираю в браслет и назад к куче этого добра – добрища! Чем бы еще поживиться.

Решила Гордону подыскать, меч полегче, да лук какой – нибудь тоже. Раскопала шашку турецкую, кривую, не сильно навороченную,

чтобы вопросов не задавал. По весу легкая, острая, испробовала на половице. Как по маслу, чуть ли окно в Европу не прорубила нечаянно. Лук помощнее, он все – таки мужчина.

Свалила все в спальню. Жадность мне не присущая вдруг возникла и посоветовала гардеробчик – то прикрыть. Там какие – то мелкие побрякушки мелькали, надо будет изучить. Попробовала другой лук так же убрать в браслет, в итоге только мой реагировал. Со стрелами тоже беда, не появляются. А к хорошему быстро привыкаешь!

Посмотрела на стену, где стрелы торчать должны… А их уже и нет. Подхожу, затаив дыхание. И с облегчением выдыхаю, когда дыры от стрел вижу. Ну, слаба Богу, настоящий ущерб.

Разбойник прискакал с выпученными глазами ближе к вечеру.

– Что там?! – Кричу с порога. Уже экипированная, переодетая в облегающие штаны, высокие сапожки и приталенный жилет. В руках презент для Гордона.

– Лагерь орков у указателя, вот что! У них и палатки есть. А еще не полсотни там. А в два раза больше! Шоберт дорогу к себе замаскировал. Они сюда пойдут. Я едва не выдал себя, коня успел отвести, подползал для обзора к кустам. В общем, надо уходить. У нас ночь. Утром они двинутся сюда. И мы их не остановим.

– Держи, – говорю бодро, протягивая саблю и лук. – План есть. Отвлечем на себя и на Поляну миров заманим.

Посмотрел на меня ошалело.

– Я не участвую в этом, – фыркнул. – И ты тоже. Забирай ценное и поскачем в мое убежище.

– Даже не подумаю, – выдаю, бросая у его ног оружие. – Я сама тогда! Коль мужики пошли трусливые!

– А как же ты без коня? Ты и верхом не умеешь, – издевается.

– Ножками, ножками! – Огрызаюсь. – Вали, но без коня. Он мой. Спасибо за помощь и все такое. Теперь наши пути расходятся, Гордон. Давай, пока.

Стоит, смотрит. Взгляд неуверенный. Сказать что – то хочет, явно обидное.

– Мы издалека постреляем, поняла? – Рычит. – Никаких мне клинков не суй!

– Да это подарок, – пожимаю плечами. – Вещи зачарованные, ценные, наверное.

Сразу схватил. Вертит саблю, остроту пробует. Глазки – то заблестели разбойничьи.

– А барон твой не промах, – комментирует. – Как я мог такой тайник пропустить, не пойму.

– Ага, – гнусавлю. – Все твое, если таксистом поработаешь.

– Чего?! Знаешь, ты слишком смелая для баронессы. Орков вообще не страшишься?!

– Страшусь, боюсь и трясусь, – говорю с сарказмом. – Вот только злость, она сильнее. Когда за родину бьешься, за тех, кто смотрит с доверием и за тебя переживает, не за твои деньги или положение, а за тебя, как человека… тогда сила духа появляется. Ты понимаешь, Гордон? Родина у тебя есть?

Опешил. Тираду выдала, понесло меня. Актриса еще та.

– Моя родина меня повесить решила! – Заявляет с обидой. – Отца моего со свету сжила. А меня заставила улыбаться всем тем, кто виновен в его смерти. Вот моя родина, мир лицемерия и тихой злобы.

– А тут?

– Что тут? Я у вас в яме сколько просидел? А? Родину мне нашла. Я сегодня с тобой, завтра свалю восвояси. У меня дела еще незаконченные есть. Поняла?!

– Да, пожалуйста, – пожимаю плечами. – На рассвете двинем?

– Двинем, – вроде успокоился. – Вот только затея мне твоя не нравится.

* * *

Рано утром, когда еще даже петухи спят, мы вышли в сторону моста. Еду и трясусь от страха. Ночь не спала, все думала...

Скакали часа два. Рассвет нас у лагеря орчьего и застал. Три палатки и пара дотлевающих костров. Спят прямо на траве. Вот тут – то страх и наплыл. Вся решительность пропала. Много их. Слишком. И местность открытая.

Стали обходить кругом, чтобы со стороны Поляны миров зайти. Лошадь, стерва такая, ржанула не к месту. Всполошила орков. Стали подниматься, хрюкая.

Скачу, и думаю. Накрутила сама себя, что я горой и все такое. А душа в пятки уходит!

Гордон лошадь развернул. Поляна миров за спиной, метров двести до нее. Ощущаю ароматы чудесные. Тянет туда. Хочется на цветок залезть, окунуться в атмосферу сказки. Дикость рвется изнутри.

Орки стоят, бурчат на своем, на русском. Недовольные. С утра бежать ни за кем не хотят. Сняла лук из – за спины. Взяла на всякий случай эльфийский свой. Мало ли, Альбус надул, или радиус действия зачарованного небольшой. Кто его знает. На черта надейся, сам не плошай.

– Ты что делаешь? – Возмущается Гордон.

Но стрела уже улетает в сторону орчьей толпы... Кто – то заорал истошно. Нормально пустила!

– Горак убит! – Ревут.

– Ловите гадину!

– Сожрать ее живьем!

– Ах, ты ж тварь уродливая! – Кричат орки. Ну – ну

– Кто этих человечков придумал?! Создатель над вами поиздевался.

– Хватайте их! Это шпионы!

Сердце бьется истерично. Лошадь пятится. А уроды в коричневых кожаных нагрудниках начинают ускоряться в нашу сторону и заводить боевой клич. Толпа в сто солдат! Мамочки!

Гордон пытается развернуть лошадь, но она не слушается! Отчаянно ржет. Резко поднимается на дыбы, и я вместе с Горданом падаю на твердую землю! Разбойник пытается ухватить за уздечку, но животное уносится прочь от орущих тварей, что вот – вот расправятся с нами.

Пока падала, выронила эльфийский лук. Гордон поднимает меня и тащит за собой. А в моей левой руке зачарованный лук появляется! Вырываюсь из рук настойчивого напарника! Только в руке древко почувствовала, сразу боевой дух возобладал. Не пойму, что за эффект такой. Внутреннее спокойствие утихомирило дрожащие руки.

– Что ж ты делаешь, сумасшедшая! – Ревет разбойник. – Бежим!

И помчался прочь.

А я уже стрелу пускаю в первого бегущего. Сраженный прямым попаданием падает и кубарем по инерции катится.

В меня полетели копья и брань. Родной, трехэтажный русский матерный.

Ловко ухожу от атак. Выпускаю еще с десяток стрел и бегу следом за разбойником. Уходим левее, вдоль Поляны мчимся. Орки за нами!

Оглядываюсь, отстают, ленивые какие – то попались. Останавливаюсь с желанием придавать им новый стимул.

Пятясь, начинаю расстрел, будто на однострунном инструменте играю. Валятся орки штабелями. Десятка два стрел выпустила, прежде чем орки поняли с чем имеют дело и не замешкались. А я дальше стреляю. Все выстрелы в цель попадают, куда целюсь туда и летят. Причем ощущаю, что скорость полета довольно высокая. Не успевают орки уходить от выстрелов. Парочка особо шустрых была, но стрелы находили свои цели за ними.

Когда метров двадцать между нами осталось, поняла, что увлеклась. Орков уже в половину меньше. Топоры полетели в меня! Один едва не зацепил. Хочу в ответ кидавшему залепить!

И тут вдруг, как с цепи срываются. Будто с низкого старта! Как драпанули на меня!

Свист!! Не знаю от чего я визжать начала. Из – за орков или…

Из – за спины что – то синее проносится! Луч лазерный врезается в ближайшего орка, превращая его в ледышку, которая на скорости в застывшем состоянии фигурки падает и рассыпается. Оглядываюсь. Гордон стоит с луком. Глаза звериные, вытаращенные. Удивлен не меньше самих орков, что ему в руки попало.

Это ведь он стрелял! Не теряя ни секунды, берет еще стрелу. Натягивает… стреляет! Налету стрела превращается в длинную голубую сосульку и пронзает очередного орка. Те уже не наступают. Разбегаются!

Я тоже своего не упустила. Начала осыпать их дождем из магических стрел. Орки удирают обратно!

– Маги! – Визжат.

– Отступаем!

Я за ними. Азарт накрыл. Всех надо прикончить! Нечего на мои деревни покушаться всякой нечисти!

– Валерия! – Вскрикнул позади Гордон. Обернулась и в ужасе отшатнулась. Моего разбойника паук гигантский к себе тащит. Достал – таки паутиной. На самом краю Поляны стоит зверь лохматый. А за ним еще три образины лапки потирают.

Орки тоже не дураки. Они не от нас шарахнулись по большому – то счету. Мчусь вперед, выцеливая деятельного паука размером с корову.

Гордон свой лук, стреляющий ледяными стрелами, выронил в панике. Краем глаза увидела, что саблю пытается использовать, что на пояс зацепил. Но еще немного и в лапах монстра окажется.

Стреляю. Мешкать нельзя, паук ведь пятится, перед ним стеблей все больше и больше. Но я меткая! Попадаю прямо в голову. Монстр валится, как подкошенный. Но его товарищи, видимо не ощутившие особой опасности, перехватывают инициативу. Все новые и новые

белые струйки впиваются в Гордона. Теперь уже и руки в паутине настойчивой и липкой.

Меня не трогают, видимо, концентрируются на одной добычи.

Прихожу в бешенство. Иду спокойно, зная, что с двадцати шагов попаду даже в глаз белке. А тут этих глаз сотни. И смотрят наглые насекомые, как на добычу. Предвижу опасность, жвала вывернулись, вот – вот плюнут и в меня… Выпускаю стрелы чуть ли не со скоростью биения сердца, расправляясь с созданиями Поляны миров с особым ценизмом.

В трех метрах от меня в стебель врезается что – то синее, превращая его в ледышку. Цветок трещит, замороженная часть начинает рассыпаться, а ствол склоняется на меня. Отпрыгиваю в сторону, обе руки свободны, лук, будто чувствуя ситуацию, превратился в браслет. Разворачиваюсь. Тут же цветок рядом падает, цепляя другие и отчаянно треща.

В меня летит очередная ледяная стрела! Орки подобрали магический лук Гордона! Вот сволочи!

Лук возникает в моей руке в мгновение ока. Стреляю в ответ. Метров сорок – расстояние не малое, для меткого выстрела. Но стрела моя улетает туда, куда целилась. Стрелок повержен. Начинаю засыпать толпу, что осталась у трупа своего товарища. Орки пытаются схватить лук и броситься наутек. Два десятка свиноподобных уродцев, копошащихся у убитого товарища. Как нелепо.

Успеваю зацепить еще пятерых. Уцелевшие улепетыеваю. Пустила вслед еще пять штук, все попали в цель.

Развернулась к Гордону. Нашла его среди травы, утащили бы подальше, уже и не нашла так легко. Паутина липкая. А кинжала у меня нет. Зато сабля прилипшая рукоятью болталась на обрывке паутины. А вот лезвие не прилипло, это хорошо!

Высвободила бедолагу, едва сама не угодила в сети.

Разбойник, как лань пугливая на меня смотрит.

– Да что не так?! – Визжу, едва отдышавшись.

– Ты кто?!

– Валькирия! – Выдала. – Уходим скорее!

Вышли на поле боя. Орки вдалеке мелкими группами разбегаются кто куда. От организованного войска нет и следа.

Во мне разгорается жажда стрелять и стрелять. Что со мной? Откуда такая злость к тем, кто еще ничего не сделал?! Борюсь сама с собой, пока Гордон не приводит в чувства:

– Они к нашим деревням бегут!

Отманили называется… Спешим назад. Прямиком через их лагерь. Стараюсь не смотреть на результат своей деятельности по дороге. Лишаю жизни направо налево, а ведь твари – то все мы Божьи. Другое мое Я говорит: это война, детка… не ты, так тебя.

– Стойте! – Пропищало женским голоском где – то недалеко.

Пытаюсь найти среди орчьего добра источник голоса. Орки, конечно, барахла где – то наворовали, или провизия это у них? Вижу двух эльфов лесных, привязанных по рукам и ногам среди мешков и перевязей. Лежат, вытаращились на меня своими большущими голубыми глазищами. Эльфийка и эльф. Мальчик и девочка.

– Освободи, – командую Гордону.

Опешил разбойник.

– Это ж эльфы! – Рычит.

Посмотрела на него строго. Подошел молча, срезал веревки.

– Спасибо человечки! – Пищит мне в след эльфийка, а мы дальше бежим. – Вы куда?!

– Деревню спасать! – Кричу и ускоряюсь. Ноги несут.

Марафонский бег по пересеченной местности, вот чего так не хватало в этой жизни. Орки, как назло, разделились на группы и разбежались по разным направлениям. Но меня волнует лишь та группа, что вдалеке бежит прямиком по дороге в сторону нашей деревни…

До реки добежала взмыленная. Шла на рекорд… Гордон еле плелся где – то далеко позади.

Спустилась к бревнам. Река бушует. Потоки мчатся поверх бревен. Платина Шоберта постепенно размывается. В самый неподходящий момент! Ступаю на бревно, на грани потери равновесия. Каких – то десяток метров пробежать. Ринулась решительно. Но перед самым берегом поскользнулась. Задницей о бревно и в воду.

Но теряться не стала. Зацепилась за поперечный ствол, впереди был и другой. И по ним, как по лестнице до берега. Вышла, мокрая и раздосадованная. Обернулась. А на том берегу Гордон с двумя эльфами. У эльфийки лук мой эльфийский. Они нашли друг друга…

– Мы поможем! – Пискнула эльфийка.

– Ага, спасибо, – брякнула себе под нос и пошла к дороге, дыхание затаив. Лишь бы не трогали дома!

Слышу женский визг со стороны деревни. Неужели кого – то забыли эвакуировать?! Рука почувствовала твердое древко, возникшего лука. Разгоняюсь, второе дыхание открытое уже, внутри разгорается что – то звериное.

Орки в ближайшем доме! Потасовка на «бытовой почве», бьется что – то, ломается мебель. Бабуля причитает, что житья твари не дают. А у меня сердце обрывается. Как бы беды не случилось!

Морда уродливая из окна высовывается и на меня кривится. Недолго думая, стрелу в ее пускаю. Завизжали поросячьим хором.

– Бросайте оружие! Выходите по одному! – Реву. – Сдавайтесь, или дом спалю! Я невменяемая, вам не жить, если ослушаетесь!

– Магичка! Обещай! – Визг орчий раздался.

– Да, магичка! Обещай, что отпустишь!

– Мы хоть в леса, или на Поляну! Только не убивай нас!

– Обещаю! – Гаркнула мощно. Чуть горло не сорвала.

Наблюдаю картину: из трех ближайших домов орки толпами высыпаются, у входа оружие скидывая. Пятнадцать существ набралось. В глазенках желтых страх, хоть и уроды, но такие сейчас жалкие. Вышли на дорогу с поднятыми руками. Ростом метр пятьдесят, не выше.

Стою и думаю. Сожрут ведь, если накинутся разом. Озираюсь, пятясь. Гордон в трехстах плетется. Видимо орков увидел и оторопел. А эльфы мчатся со всех ног, вот – вот подскочат. Слышу, как тетива натягивается.

– Магичка, отпусти, ты обещала, – проскрипел один из них, похрюкивая.

Внезапно возникший конский топот заставил орков обернуться. Со стороны особняка, огибая его с двух сторон, будто лавина или цунами в городе, надвигалась конница. Блеск доспехов и мечей, ржание лошадей. Волна накрыла бросившихся в рассыпную орков и пронеслась мимо меня. Снова визги, кровь, мясо. Стою, зажмурившись. Не могу на это осмотреть. Одно дело стрелами пронзать, а другое мясорубку устраивать.

– Они же сдались, – прохрипела, не открывая глаз. Горько в груди, жалко их стало.

Уже и лука нет в руках, в браслет превратился. Ладонями лицо прикрываю. Ветер от суматохи вокруг кудри обдувает. Последние орки пытаются удрать, но их нагоняют, о чем свидетельствует истошный поросячий визг.

– Леди, вы целы?! – Передо мной спрыгивает барон Ролан, гремя доспехами, весь в железе, будто на войско собрался. Спаситель мой липовый. Глаза бегают, видно, что сомневается, целовать руку леди или нет. Я же не при платье и не накрашенная. Но этот плотоядный взгляд, даже в такой обстановке…

Молчу. Позади меня Гордон подходит неуверенно с двумя эльфами. Все трое за мою спину прячутся, как за мамкину. А всадников человек тридцать набежало.

Ролан эльфов увидел, в лице поменялся. Вокруг конница резвится. Смеются добро молодцы, что с жалким безоружным отрядом орков расправились.

– Леди Валерия? – Барон в недоумении.

– А вы вовремя, – прыскаю.

– Где еще орки? – Подбегает один из его сыновей. Спешился для приличия, вот молодец. – Бать. Говорили про полсотни…

– Сотня, – подал голос Гордон. – На развилке к Шоберту лежат.

– Шоберт разбил? – Взвинтился барон. Чувствую, недолюбливает его. Тон брезгливости уловила.

– Нет, – усмехнулся Гордон. Я повернулась к разбойнику, глаза сузила, мол, молчи болтун. Осекся.

– Эльфов взять! – Рыкнул Ролан.

– Ага щас! – Гаркнула, прикрывая их собой. – С какого перепуга?!

– Наказ графа! Им на наших землях запрет появляться! – Остервенело ответил барон.

– Раз так, они мои пленники, а не ваши! – Заявляю.

– Да кто вы такая!

– Это и есть баронесса Валерия Балейская, бать, – говорит сын. – И это ее земли.

Черные глаза барона начинают расширяться.

– Так вы и есть его новая жена?!

– Да, она самая, – говорю строго. – Орков пленных порубили, молодцы. Теперь за эльфов решили взяться?

– К… каких пленных?!

– Они ж сдались! Оружие вот все валяется, – фыркнула.

Стоят, как истуканы. Махнула на них рукой и пошла в особняк, взяв за тоненькие ручки обоих эльфов. Злости на всех не хватает.

– Леди Валерия, на будущее! – Кричит в спину барон. – Орков пленных мы не берем! Никогда! Они нас не щадят. Женщин насилуют, детей живьем съедают.

– Бать! – Осек сын. – Зачем ты так? Негоже леди ужасов войны знать!

Ага, добрые… Да что вы знаете о войнах!

Дверь захлопнула, эльфов пропуская, Гордон тоже прошмыгнул впереди нас. Суетится больше обычного, видимо, боится, что узнают и повяжут.

Чувства противоречивые. Наверное… я не права. Со своим уставом в чужой монастырь.

Послала разбойника за своими в лес. Он тут, как оказалось, знает все тропки. Сам похвастал. Вот и отправила, а он и рад.

Дом опустел. Разместила эльфов на кухне. Тоненькие зверьки в лохмотьях. Смотрят в окно затравленными глазками, ушки острые прижали.

– Есть картошка и огурцы, – говорю, наливая им воды. Сейчас я за Маргариту кухарю. Печку зажгла кремневыми камнями, как бабуля научила. Надо гостей покормить, мордахи худые – прехудые!

– Леди Валерия, спасибо вам, – пропищала эльфийка. – Мое имя Алариэль.

– А я Лаэль, – подал голос эльфийский парень.

Обоим на вид… хм, трудно сказать, лет по пятнадцать бы дала. Он чуть повыше нее. Но оба мне по плечи.

Сердце сжимается. Малышечки мои, голодненькие.

– Мы вам очень благодарны, леди Валерия, – продолжает эльфийка. – Дважды спасли наши жизни. Теперь мы с вами, пока не отплатим тем же.

– А вам есть куда идти? – Уточняю и осекаюсь, увидев во взглядах страх. – Не думайте, я не гоню. Не в коем случае. Мой дом – ваш дом. Есть несколько комнат свободных. Живите сколько хотите. Единственное, что попрошу, это помощь по хозяйству. Мы тут экономику моего баронства налаживаем. Если умеете что, буду счастлива от любой помощи.

– Мы с радостью! – Воскликнули хором.

– Я отвары магические знаю! – Заявила Алариэль.

– А я ловушки на зверей лесных делать умею! – Подхватил Лаэль.

Покормила гостей. Кушали бедненькие, словно неделю не ели. Все, что положила умяли, без лишней скромности. Я бы еще дала, да Маргарита запасы с собой утащила в лес.

Выглянула в окно. Конница Ролана унеслась в сторону Поляны миров. Трупы орков оставили мне. Ну, спасибо.

Вскоре прискакала Мира, что была послана за подмогой. Девочка была счастлива, когда увидела меня. Мы обнялись. Даже эльфы прослезились от этой трогательной сцены. Мира на них смотрела недоверчиво. Но ничего не сказала.

К вечеру прибыл Гордон с частью крестьян. Не прошло и получаса, как со стороны плотины показались и конники Ролана, возвращающиеся с бесполезного рейда. А со стороны баронства Шоберта в деревню хлынули новые войска. Армия человек в двести!

Мне показалось, что у них тут, стрелка, сходка ...

В отличие от баронского отряда эти были более однообразно экипированы. Но имелись и отличительные фигуры в ярких доспехах с красочными гербами на щитах.

Пока топтались перед моим домом и общались между собой, я успела переодеться в платье и прихорошиться. Представительная внешность сейчас могла понадобиться. Чувствовала это одним местом.

Переживала за Гордона, что куда – то вдруг испарился и эльфов, которые забились в самый дальний угол дома.

* * *

Стоило мне показаться на крыльце. Даже не взирая на забор, через который меня едва видно, все красивые всадники, в том числе и сам Ролан спрыгнули бодро со своих лошадей и пошли в мою сторону.

От чего сердце забилось чаще. Волнение пропиталось в живот. Пытаюсь вернуть хоть часть контроля над своим дыханием.

Впереди всех шествует молодой парень с сияющей и в тоже время сдержанной улыбкой. Он первый миновал калитку и, рассмотрев меня ближе, вздернул брови. Вышла некая снисходительность. Не могла не обратить внимание на его доспехи. Синий отлив с

золотистыми вставками. В вечернем свете выглядел, как вылитый «железный человек».

Внешне походил на некого принца из сказки: волосы светлые до плеч, глаза голубые, черты лица острые. Высокий, мужественный красавчик. Чем – то эльфа напомнил.

– Мое имя виконт Юджин Ирнский, вассал графа Арлена и рыцарь ордена Золотого ириса, – пропел звонко, будто на сцене выступает, и принял мою оторопевшую лапку в свои объятия.

Обаятельный парень до тридцати, не отрывая взгляда поцеловал мою руку своими сладкими губами. Я прост уверена, что они сладкие. Едва сдержала томный выдох. Дар речи потерян. Я даже упустила момент, когда надо представиться. Завистливые взгляды смотрели на нас со всех сторон. Только вот кому из нас двоих они завидуют?

– Баронесса Валерия, – пропищала, когда он галантно вернул мою руку.

Юджин повернул голову в сторону Ролана.

– Барон, спасибо за разведданные и своевременное реагирование, вы можете быть свободны, – проговорил важно. – Графу будет доложено об успехе.

– Да, лорд, – выдавил Роланд и, взглянув на меня, произнес робко: – Миледи.

Кивнул, я присела в легком реверансе. Кажется, так делали в фильмах про средневековье... Откланялся, развернулся и пошел со двора, зацепив часть людей.

– Борак, – обратился юноша к одному из своих гигантов сопровождающих. – Оставь десять рыцарей в охрану, забирай отряд и скачи к Шоберту, пусть дает ночлег. Тут размещаться негде.

– Да, мой лорд! – Отчеканил тот и, взглянув на меня, произнес сдержанно: – Леди.

Кивнул, прощаясь. Хотела было присесть в реверансе и ему. Но на лице Юджина проскользнула ирония, что заставило меня смутиться и не проводить этот жест до логического завершения.

Конское ржание, топот копыт, гремящие доспехи, гам возвращающихся крестьян, что охали при виде такого войска, все это фон. Мы идем с красивым лордом по моим владениям в сторону речки, изображая светскую прогулку. За нами, шагах в двадцати плетутся десять рыцарей, у которых ножны о латы бьются от каждого шага.

– Леди, раньше и не мог представить, что в этих зловещих окраинах вблизи Поляны миров может быть такая прекрасная женщина, как вы, – пел Юджин. – Позвольте полюбопытствовать. Барон Долтан был уважаемым рыцарем нашего ордена, одним из основоположников. Но в последние годы отличился своей хандрой по покойной жене и отошел от дел. А вы какой волей владык тут оказались, если конечно, желаете рассказать об этом. Настаивать не могу.

Такой тактичный рыцарь не мог оставить меня равнодушной. Мало того, что красив, так еще и говорил складно, плавно, речь лилась музой какой – то. Так хочется слушать его. И правду всю выложить. Уверенность есть, что может помочь. Вот только одно обстоятельство меня пугает. Он сын графа, того, что покровительствует Шоберту. Это может быть ловушкой. Поэтому я решила осторожничать.

– Простите, лорд Юджин…

– Просто, Юджин.

– Юджин, – исправилась. – О прошлом не хотела бы говорить. Барон Долтан увидел меня, когда направлялась в Семистрелье по делам. И был очень настойчив, предлагая руку и сердце. А я… несколько потерянная в то время, согласилась, поддавшись на обаяние старого рыцаря. Он напомнил мне отца. Вот и соблазнилась. Ну, а теперь, хм… сами видите. Хозяйство на мне.

– Да, миледи, все весьма грустно, – подхватил собеседник. – А вы не думали, что стоит выйти в свет? Показать себя. На других посмотреть? Может, наша славная герцогиня возьмет над вами

покровительство, если вы ей понравитесь. Станете ее фрейлиной. Вас тут ведь ничего не держит, или я не прав?

– Как не держит, – возмутилась, но мягко. – Хозяйство тут, люди…

– Крестьяне? – Усмехнулся и сразу упал в моих глазах. – Они сами о себе позаботятся, возможно, лорд какой – нибудь. Но никак не очаровательная леди, что лишь растратит свою красоту в глухой провинции.

– Ну это мне решать, – возмутилась уже в открытую.

Остановился, посмотрел на меня строго. Оторопела, под таким взглядом чувствую, что у меня море недостатков. Едва не съеживаюсь от такого обжигающего взора. Посмотрела в ответ. Отчаянная контратака в моем исполнении выглядела жалко, выводы по его ироничному выражению лица делаю.

– А вы боец, – заявляет. – Что с эльфами решили?

Вопрос застал врасплох. Но быстро собралась с мыслями.

– Они мои гости, – пожимаю плечами.

– Понимаете, если они натворят что – то на землях герцога, ущерб нанесут, или не дай владыки, убьют кого… Вам придется лично отвечать. И знаете, никто не посмотрит на вашу красоту и очарование. Вы меня понимаете?

Сглотнула… Улыбнулся злорадно.

– Повторюсь, вам нужен покровитель, из вас выйдет отличная фрейлина для нашей светлой герцогини. Могу дать ходатайство…

– Не стоит, – выдала быстро. Служанкой какой – то женщины я быть не собираюсь!

– Будь по – вашему, – выдохнул.

Дошли до платины. Посмотрел лорд на все это дело заинтересованно.

– Это Шоберт сделал, – выдала, что душой кривить?

– Видели лично? – Спросил строго. – Или кто засвидетельствовал, и на слушанье сможет подтвердить?

– Никто, – фыркаю. – Но косвенные улики налицо: орков к нам приманил от плантаций своих, развилку замаскировал. А еще ему

выгодно все это. Хочет забрать мои земли себе.

Усмехнулся, развернулся от реки и предложил идти назад. Зашагали…

Разоткровенничалась перед чужим человеком. Юджин загадочно улыбается.

– Я вам верю, миледи. Но есть вещи, которые зависят от покровителей. Я могу быть вашим. Если вы того хотите.

– Хочу, – говорю прямо. Юджин будто расцвел. Посмотрела на него. Его взгляд… как – то не так смотрит.

Дошли до моего особняка. Темнеет. Как же он до Шоберта поскачет? У меня видите ли негде размещаться. Побрезговал.

– Спасибо за поддержку, рыцарь Юждин, – говорю стожив ручки. В полутьме смотрит загадочно.

– Я думал, вы пригласите в дом, миледи…

– Хотите ночевать у меня?

– Почему бы и нет, – пожимает плечами, наплечники скрипнули.

И тут у меня мысль закралась неоднозначная. Взгляд в свете факелов у лорда хищностью отдает. Покровительство же не за просто так?!

– Вам лучше ночевать у Шоберта, – говорю слабеющим голосом.

– Вы уверены? – Опешил, в голосе хрип. Флюиды мне тут разбрасывать не надо!

Вот теперь – то я уверена! Переспать со мной решил?! Обаятельный красавчик.

– Да, лорд Юджин, именно так.

Развернулся, хмыкнув себе под нос. Вот, значит, чего он добивался всю прогулку. Искал слабые места, чтобы надавить.

Торжествую маленькую победу, отшила самовлюбленного сынка графа. Все они из одной банды. Шоберт и графские. Нашли слабую женщину и давят. Не по – мужски как – то.

Возвращаюсь. Дома суета. Маргарита ругается с дворецким. На втором этаже гремит что – то. Меня осенило. Мое магическое добро кто – то перекапывает.

На лесенке оба эльфа встретились.

– В третий раз нас спасли! – Воскликнули.

Отодвигаю в сторону ребятишек. Иду в свою спальню, чтобы надрать кое – кому кое – какое место.

Гордон роется в моем гардеробе без зазрения совести! Так увлекся, что не заметил хозяйки. Видимо, дождался пока все посторонние уедут и шум поднял в наглую.

– Ну, и что мы тут забыли? – Рычу, поднося светильник к груде металла.

Посмотрел на меня, отшатнулся.

– Валерия, ты… ты нашла вход?!

– Какой вход?!

– Ты знала! – Визжит и на меня идет, а я назад. Лук в руке появился, видимо, чувство опасности и ему передалось. Но расстояние сократилось слишком быстро. Схватил меня за запястья.

Сильно схватил! Страшно стало, не ожидала от него. И обидно, и досадно, и убить хочется…

– Ты не случайно здесь! Признавайся! Тоже о входе знаешь?! – Пытает.

– О каком входе?! Отвяжись, Гордон!

– Вещи с Друма! – Заявляет с претензией, запястья мои сжимая и слюной брызжа мне в лицо. – И долго ты тут вокруг да около ходила? Я – то думаю, что это ты такая неоднозначная. И дели, и не леди! Голову ломал, зачем тебе это баронство. Теперь раскусил тебя, плутовка!

– Руки убрал, – рыкнуло писклявое в проходе. Тетива заскрипела.

Гордон отпустил мои руки, попятился к окну. Эльфийка зашла с луком на взводе, за ней эльф с мечом в руке. Видимо, орчий подобрал.

– Эй, эй, я не враг! – Залепетал вор.

– Пригрела змею, – рычу, опомнившись. – Ты на меня из – за хлама гардеробного накинулся?

– Прости, – затушевался, глазки опустил. – Потерял контроль… Столько лет искал. А когда нашел, отчаялся…

– Что искал?! – Надавила.

– А ты не строй из себя овечку, – пробурчал. – Открыла проход, и молчит. А я – то думал. За крестьян и хозяйство переживает!

Эльфы деловито шагнули ко мне. С двух сторон обступили, ощущаю их напряжение.

Досада взяла. Вот как обо мне думает тот, кого вызволила из ямы, кормила, грела, заботилась.

– Все это мне Альбус дал! Как ты смеешь меня в чем – то обвинять? Бери, что нужно и вали куда собирался!

– К…какой Альбус?! – Нахмурился. – Это все из Друма. Ты ведь это оттуда приволокла. Проход открыла, который я месяцами ковырял, и вынесла что сумела. Аль не так? Что теперь? Будешь отрицать?

– Буду! Альбус дал! Призрак он, или демон, не знаю! – Срываюсь на крик. Обидно ведь. – Альбус! А ну покажись ему! А – Альбус!

Минуту звала. Не вышел. Эльфы уже начали помогать и подзывать своими тонкими голосками. Пока сам Гордон издевательски не повторил.

Села на кровати, руки скрестила. Эльфы немного расслабились.

– Что за Друм, рассказывай, – выдыхаю.

– Древний подземный город, а то ты не знаешь. Или случайно наткнулась? – Взвинтился. – И на баронство это тоже случайно напоролась? Ну… допустим. А что со входом? Как нашла его? Как открыла?

– Если бы я знала, о чем речь… – вымученно.

– Хорошо, – махнул рукой разбойник и на табуретку у трельяжа присел. – Допустим некий призрачный Альбус есть, что дал тебе все это. И о подземном городе ты ничего не знаешь. Тогда прости.

Усмехнулась истерично. Это все?! Чуть не убил. Ой, прости.

– Обоснуй свою истерику, – рычу. – Или уходи прямо сейчас. Мне психи не нужны.

Помолчал, подумал. Лицо обезобразилось интеллектом с вопросом: говорить ли?

– Два года я искал вход, – начал разбойник спокойным голосом. – Знал, что город где – то здесь под землями графства. Я у Арлена писарем был и увлекся библиотекой его. Наткнулся на книгу о Друме. Загорелся идеей о сокровищах. Искать стал, и, наконец, нашел полгода назад вход. Но там дверь, с которой я так и не сумел совладать.

– С чего ты решил, что нашел дверь в город? Верь ведь о подземном идет? – Усмехнулась. – Может бункер какой…

– Знаки! Там знаки!

– Я тоже слышала о Друме, – пролепетала эльфийка Алариэль. – Древний город магов. Раса забвения, ушедшая тысячи лет назад, похороненная владыками за чрезмерное использование магии. Мертвый город находится глубоко под толщами твердой земли, и он очень большой. Поговаривали, что живет своей жизнью до сих пор. Древние механизмы еще работают.

Почему – то мне совсем не интересно.

– Ты нашел среди вещей, что искал? – Решила закрыть тему.

– Я бы забрал все, – выдал разбойник. – У меня есть тайник с золотом. Готов купить все эти вещи.

– Не продавай, – брякнул эльф Лаэль. – Они стоят намного больше…

– А ты молчи! – Фыркнул Гордон.

Тетива снова начала трещать.

Так. Эльфы тоже успели пошарить, раз утверждают о стоимости. Дурдом какой – то. Мне нужно сестру искать! От харь нахальных отбиваться. Один в постель тащит, другой в постель тащит. Служанкой меня герцогини сделать хотят, а еще содержанкой! Ах, да, про бал забыла. И там хищников, наверное, тьма!

– Так! – Гаркнула. – Бери что нужно и уходи. Мне на твое золото плевать.

Опешил разбойник.

– Валерия? Ты и в правду тут не из – за этого?! – Встрепенулся.

– Нет, – ответила с обидой.

Дернулся ко мне. Но эльфы не дали, путь преградили.

– Гордон, я в тебе разочарована. Больше не могу доверять, – заявляю со всей ответственностью.

– Валерия, пойми, я одержим этим городом. Мне нужно туда… А вещи… это не самое главное. Есть еще кое – что.

– Что?!

– Тайна! – воскликнул торжественно. – Я хочу открыть тайну! В книге было написано, что открывший ее сможет понять суть миров. Сумеет преодолевать барьеры и время. Открой мне проход, Валерия, прошу! Умоляю…

– Опять за свое! – Рычу. – Достал! Где эта чертова дверь?!

– Я отведу, – пропел ангельским голоском. А посмотрел зловеще.

Глава 11
Подземный Город Друм

Спала как убитая. Несмотря на то, что к Гордону доверие не вернулось. Утром выяснилось, что эльфы устроили ночной караул, и посменно меня охраняли.

Тронута до глубины души, когда утром раздалось писклявое:

– Леди Валерия спит!

– Да сколько можно! – Рычал за дверьми Гордон. – Буди!

Собрались, экипировались. Эльфам дала зачарованные клинки, луки… себе кинжал на вид хороший подобрала, мало ли. Гордон сам себе выбрал оружие, копался долго. А торопил ведь зараза.

Набрали ламп и факелов, да пошли к роще, покоцаной после вчерашней маскировки домов. Гордон бежит впереди всех. Углубились в гущу, тропка в гору пошла. Вынырнули из – под крон деревьев, оказавшись у обрывка длинного. Внизу река бушует. В этом районе разлилась шире.

Гордон стал спускаться к реке. Прямо по склону заросшему длинной травой. Я спешить не стала. Подождала пока спустятся и эльфы. А затем сама полезла. Лаэль мне руку подал. Вроде худенькая ручка, а силища в ней оказывается! Ого – го!

Разбойника и след простыл. Жажда наживы сильнее желания ухаживать за красивой леди, в смысле мной.

– Сюда! – Пискнула из кусов Алариэль.

Под ногами жижа. Пошли на голос, хлюпая. Там камыш и отвесная стена. Судя по всему, периодически осыпается, подтачиваемая наплывами воды. Камыш разошелся, и увидела пещерку, над которой нависли целые вьюнки из растений, похожих на виноградники. Эдакая дополнительная маскировка.

Занырнула в зловещий проход последней. Форма пещеры чересчур правильная, будто труба бетонная, а не пещера. Под

ногами воды, да слякоти наплыло по щиколотку. А стены – то ровные, закругляющиеся. Иду в полусогнутом состоянии. Запах сырости, мха, а еще будто маслом машинным отдает.

Метров пятнадцать прошла, ориентируясь на свет впереди. Вышла в помещение. Еще издалека услышала шум воды. И действительно, она льется куда – то вниз и пропадает. Руку снова эльф подает. Становлюсь, ощущая под собой нечто твердое. Каменная плита с мелкими дырочками! Туда и льется вода. Поэтому комнату и не заливает.

Посветила вокруг. Помещение квадратное, пять на пять метров и столько же вверх. Мы в кубе. Каменные плиты, кое – где мох уже пророс зеленый. Стены в трещинках.

Гордон в конце стоит. А там проем. В проеме дверь, вернее даже не дверь. А шлюз стальной, круглый. Метра три в диаметре.

От вида ее дыхание перехватило, и волнение в груди разыгралось. Дверь – то на современную тянет. Нечто из моего мира. Эльфы глаза расширили, стоят в сторонке. Гордон молчит, знак выгравированный размером с арбуз пальцем изучает.

А знак – то до боли знакомый. Свастика! Настоящая немецкая! Наклоны те же. Да, в истории нашей изначально символом зла не являлась она. А знаком солнца у славян была. Вот и сейчас, вижу, а первое впечатление, мол фашисты и тут побывали…

– Ни рычагов, ни замочных скважин, – прошептал разбойник и повернул голову ко мне. – Первый раз тут, да?

Киваю.

Смышленый разбойник, все по поведению моему уже понял. К двери вплотную подхожу. Трогаю неуверенно. Стучу костяшками по ней. Сталь, да еще какая толстая! Глухооооо.

– Мыслей, как открыть никаких? – Удрученно спрашивает. Видит мою реакцию, поэтому сник. А на что рассчитывать? Что я дуну, и откроется?

Дунула на свастику. Та вдруг стала загораться оранжевым светом! Что – то по ту сторону скрипнуло! Механизмы заработали! Скрежет

пошел вперемешку со звоном. Плиты задвигались! Шлюзовая дверь заскрипела и стала в стену въезжать!

Пахнуло машинным маслом и затхлостью. Гордон нырнул первым, ни секунды не помедлив. Пропустила эльфов вперед.

Шагнула. Сразу обозначилась лестница вниз, довольно крутая. И ступеньки уж очень высокие, по пол метра, не меньше. Тоннель квадратный уходит следом, будто эскалатор московского метро, только внизу тьма, из – за которой не видно дна.

Гул и перестуки за стенами сперва казались далекими, но стоило спуститься метров на десять, как громкость усилилась. Не знаю, что и думать. Может, я активировала эти механизмы, что приняли меня за свою. Или же… все работало до нашего прихода, просто из – под земли не слышно было.

Спускаюсь боком. Быстро устаю. Связки тянутся и ноют, дискомфорт с непривычки. Впереди пыхтят эльфы, им так вообще тяжело, ножки – то короче. А Гордон бежит, не щадя себя. Свет от его факела все дальше и дальше уходит…

Под ногами десятисантиметровый слой чего – то похожего на песок. Ну не пыль ведь? Откуда ей тут взяться?

Благо не поднимается в воздух от нашего шествия. Видимо, тяжелая… Так, на пальцы пристает. Борюсь с желанием понюхать. Вдруг занюхну еще микробов, что поубивали тут все живое тысячи лет назад.

Поджилки затряслись. Куда я полезла?!

Лестница закончилась платформой. Вышли в зал побольше прежнего. Длинный, с высокими потолками. Серые каменные плиты. И… свет! На стыках плит белый свет, будто от неоновых ламп.

На руки смотрю. Стружка это железная, а не пыль или песок. Отряхиваю, вытираю об штаны. Вот приставучая.

Холодновато… А еще гул усилился, и ощущение возникло, словно мы в машинном отделении морского корабля, или на заводе по производству каких – нибудь железяк. Механизмы работают!

Страшно…

А вдруг тут кто – то живет. Под землей ведь не может быть нормальных и адекватных. У них и с пищей беда, и с солнцем. Свирепые нас ждут уроды, если таковые есть. Но Гордону плевать. Умотал вперед до самой двери. Стоит, не оборачиваясь, ждет меня. Чтобы я на очередной знак подула.

Запах отвратный, не знаю даже с чем сравнить. Шагаю по каменной плите. Эльфы не спешат уже, идут рядом, ушки прижали, глазки выкатили. Ути, зайки мои.

Добавился новый вид шума, напоминающий вентилятор. Почувствовала, что дышать стало полегче. Теплым воздухом повеяло, запах водорослей ощущается. К двери приблизилась. Гордон киваем, мол открывай. Дунула на очередную свастику, дверь заскрипела и в стену въехала.

По ушам ударил целый инструментарий, оркестр из различных звуков. Скрежет, гул, перестуки, будто электричка подходит к платформе. И много – много всего еще.

Переступила порог. Этот зал значительно больше, объемнее и наполнен всевозможными механизмами преимущественно зелено – желтого цвета. По стенам вращаются различной величины шестеренки от метра и до пяти в диаметре, если на глаз, с них сыплется пыль и ржавчина. Над головой поршни работают, создавая мерзкий скрип и толкая что – то в стену. Везде и всюду переплетения из труб, что врастают в блоки. По стенам натыканы бочки в человеческий рост. В глазах рябит: зеленоватое железо и серый бетон. Все ходит и вращается, создавая музыку машинного отделения и мощную деятельность, среди которого мы как мухи в мясорубке.

Несмотря на все эти коммуникации, будто специально для нас в центре зала дорожка, до которой механизмы не достают. Шириной метра три. В конце нее арка. А в ней свет зеленоватый подсвечивает квадратную платформочку. Напоминает лифт.

Гордон стоит, разинув рот. Эльфы тоже. Все, их мозг взорван. А я разгораюсь интересом. Судя по скрипам, скрежету и пыли, что

сыплется везде. Эти механизмы долгое время стояли. Запущены они недавно. Воздух постепенно очищается, приобретая свежесть. Значит, мы тут первооткрыватели.

– Механическая магия, – пропищала эльфийка, отважившись открыть ротик.

– Вентиляция, – выдала я свою версию. – Кондиционер заработал, ну… э веер, если по – вашему.

Все трое посмотрели на меня ошалелыми глазами. Да еще и с подозрением. Пожала плечами. Всего – лишь версия. Что тут такого?

Иду к «лифту», ощущая прилив любопытства. Метров пятьдесят прошла, разгоняя серебристую стружку. Что же это такое?! Останки древней расы? Роботы, развалившиеся в труху от старости?

Нырнула в арку. А куда еще? Больше ходов не видно. Начинаю привыкать к шуму. В боковой стене из зеленого металла панелька, обрамленная в черный прямоугольник. Резина? Пластик? Хм… Посередине след от руки. Пять пальцев, вот только несколько больше человеческой. Скорее под человекобабочку сделана. Как и переходы тут. Под их габариты.

– Становитесь на платформу, – командую. А то расползлись слегка.

Эльфийка решила бочку потрогать. И что – то там щелкнуло! И загудело! Ой, мамочки!

Алариэль отпрыгнула и ко мне под крыло. Трясется вся. Глазища почернели. Вижу, все в сборе. Прислоняю ладонь к панели со знанием дела. Ну а что тупить? Дураку понятно, зачем это…

Заскрежетали механизмы с новой силой. Тряхнуло. Платформа пошатнулась и… поехала вниз! Зазвенело что – то, будто цепи или лебедка с бобины разматывается.

Смотрю на Гордона, наслаждаясь его паникой. Бальзам на душу. Хотел Друм, ну ладно. Будет тебе нечто из моего технического мира. А я посмотрю, что это за место. Может быть порталы какие тут или еще чего есть в мой мир.

Мелькают со всех сторон сплошные бетонные блоки. Смотрю вверх, квадратик света все меньше и меньше. А мы опускаемся все

глубже и глубже. Шум механики слабеет, удаляется. Видимо, это действительно была какая – то реакторная по перекачке воздуха. В этом не сильно разбираюсь. Все по фильмам сужу и книгам. Только от лифта исходит звук трения, и словно вниз что – то сыплется, не иначе щебень края платформы цепляет за собой.

Ехали долго. Свет только наш остался от факела Гордона и моей лампы. Чувствую, что погорячилась, взяв именно ее. У эльфов тоже по факелу, но не стали зажигать, экономят. Надо было тоже факел брать. Разбойник рядом стоит, жар от его огня ощущаю. Греюсь, довольная.

Платформа замедлилась. Причем сопровождалось это звуками тревожными, будто что – то где – то обвалилось. Но мы благополучно опустились к очередному залу. Размеры которого можно сравнить, наверное, лишь с красной площадью.

Повеяло холодом ледяным и грибами. Да так ядрено…

Все в полумраке. Но вижу, что свет постепенно растет, зажигается вокруг, подсвечивая все новые и новые диковинные объекты. Город оживает в голубой посветке.

Неуверенно шагнула с платформы. Над нами нависла шахта. Клаустрофобией не страдаю, но решила не испытывать судьбу и прошла из – под массивного навеса. Над нами каменный потолок высотой, что сразу и не определишь. Впереди строение, напоминающее бункер. По сторонам от него стоят бочки в несколько рядов, такие наверху были. А дальше виднеются башни, соединяющиеся многоярусными мостиками. Всюду эти мостики, переходящие в платформы на разных высотах, сходящиеся и разветвляющиеся, с лесенками простыми и винтовыми. А сами башни напоминают больше некачественные новогодние елки, или деревья с непропорциональными ветками. Уходят до самого потолка. И похоже, там лестницы еще выше, на верхний этаж, так сказать.

Стены, ближайшая из которых метрах в ста, усеяны балкончиками и переходами, соединяющими их. А еще виднеются арки,

обрамляющие пещеры, уходящие в другое пространство. Их и не сосчитать. Чуть дальше и правее вижу большой квадратный столб вырастающий из полотка, нависающий над лоджией, что примерно на нашем уровне. Не сложно догадаться по зеленоватому свечению, что это лифт, ведущий наверх. И таких я насчитала четыре на видимом расстоянии.

Звук капающей где – то воды соревнуется с отдаленным шумом водопада. Также слышны механические шевеления. Шестеренки и поршни делают свое дело в каких – нибудь нишах. Интересно только… какое именно дело.

Иду вперед неуверенно. Глаза разбегаются от деталей. Пол каменный, усыпан все той же серебристой стружкой, но не везде, а островками. Шума нет, поэтому теперь четкий скрип, будто по снегу иду.

Вслушиваюсь, всматриваюсь, боюсь что – нибудь зацепить и нарушить чей – то сон.

Вроде бы Гордон должен вести куда – то, он там книжки читал по этому городу, а ковыляет позади, глядя на все округлившимися глазами. Вступили на мостик. Ширина метра четыре, сплошной бетон, ровный и прямой. Бортиков нет. Внизу под нами тоже уровень. Но темени там много. Виднеются стены, вырисовывающие целый лабиринт, в некоторых местах заметила ряды бочек. Навивают они мне смутные сомнения…

Прошли вперед до платформы. А там развилка и лестница выше уводит. Поднялись. Вот и первая башенка, до которой метров пятьдесят. Видны и трубы, и механизмы, налепленные прямо под переходами. Поршни, как у экскаватора. Тащу экспедиционную группу за собой. Трибуна у мостика с панелью показалась. Подъемник?

Нажала на выемку с отпечатком кисти, мостик со скрипом опустился, приглашая прямиком в башню. Прошла по стальному трапу, как на борт самолета. А башня из железа! Комната сквозная,

стены решетчатые. Словно силовая антенна или башня высокого напряжения.

Прошла насквозь, оказавшись на балкончике. Обернулась, мои идут шаг в шаг. Лица побелевшие, перепуганные. Дальше дорога разветвляется на четыре: прямо, налево, направо и на уровень выше по лестнице бетонной. Смотрю дальше, а дорог немерено. Поворачиваюсь к Гордону, ибо мой энтузиазм инициатора улетучился.

– Куда?

– Нам нужно до главного дома, – прошептал Гордон, указывая на самую дальнюю башню, что значительно массивнее остальных. – Такая была на картинке в книге.

– Хм, – смотрю в указанном направлении. Дворец светится огромный, будто из гранита, нам лишь часть его видна. Целиком не разглядеть, дорожки мешают и марево белое, словно пар поднимается. Душа возрадовалась: водопад увидела! Справа от башни, прямо из скальной стены десяток труб точат, из них и льется, поблескивая синевой.

До указанного дома далековато. Но ничего не поделаешь. Удовлетворим любопытство разбойника – вора и домой, тем же путем.

– Леди Валерия, – подскочила эльфийка. – Я чувствую, что тут кто – то есть.

И так тревожно. А теперь душа в пятки ушла.

– Пещеры, – подхватил Лаэль. – Из них за нами наблюдают.

Присмотрелась, затаив дыхание. Темнота. Весь город уже в свете. А там мрак будто наплыл и не хочет отдавать свои владения.

Шагаем дальше, постепенно поднимаясь выше по лесенкам. Страх накатывает сам, когда к краю мостика смещаюсь. Бортиков ведь нет! А внизу домики видны прямоугольные, улочки между ними темные. И что – то там неспокойно…

Будто кто – то пяточками голыми по бетону шлепает. Лук мысленно вызвала, чисто протестила. Возник мой дружочек

магический… Гордон на меня посмотрел недоверчиво. Криво улыбнулась. Видел же такое чудо. Что это с ним?

Добрались до центра величественного зала, минуя башенки, заодно прошли полпути до нужной нам башни. Открылся новый вид. Оказалось, что зал еще больше. И за главным домом площади намного обширнее. Сразу возник вопрос. Та ли башня? Потому как похожих на ту, что указал Гордон теперь виднелось еще две!

Дальняя часть города оставалась темной. Освещение зажигалось постепенно. И что – то недоброе при этом творилось на границах тьмы и света.

Шум воды успокаивал нервы. Наверное, только мои. Башня, к которой шли, оказалась значительно больше, чем рассчитывали. С полотка спиралью спускались сплетения труб и утыкались в железо – бетонный массив. Внизу виднелись бочки, вот только эти были раза в три больше прежних. И не все с ними было ладно. Часть была разбросана.

Дорога пошла на спуск. Мы и так уже почти под потолок забрались. Метрах в десяти над головой прочерчивались линии неонового света и сталактиты, с которых капала водица.

Вышли на широкую платформу среднего этажа. Впереди высоченная арка, как на ВДНХа, а еще я заметила статуи. Сперва решила, что это просто каменные наросты, но потом заметила элементы рельефа. Некогда это были статуи с изображением людей. Заметила нос, очертания губ. Величиной они с пятиэтажный дом. Стоят по краям от арки. И дальше за ней тоже.

Арку миновали. У меня уже ноги ватные. А на Гордона смотреть больно, еле плетется. Лицо кривит, устал бедняжка. Парочка эльфов тоже угрюмы. Но смотрят на статуи с неподдельным интересом.

До сих пор шли по открытой местности. А теперь разбойник показал на проем, что вел вовнутрь этого массивного дворца.

Где – то за спиной посыпались камни. Это придало нам сил и прыти шмыгнуть в помещение. Внутри голые стены. Вот только теперь все железное, а не бетонное. И везде какой – то хлам

валяется бесформенный. Детали, куски похожие на доспехи. Все серебряное вперемешку с зеленым. Орнаменты виднеются, свастика моя родная.

Бочки показались нормальных габаритов с раскрытыми крышками в виде четырех лепестков. Вот тут – то я и запаниковала основательно. Могу состроить из себя блаженную и ничего не представляющую девушку, но мысли в голову лезут конкретные. Фантазия работает, и сообщает: что – то из них вылезло. И либо это механическое, либо не совсем. А если это яйца или коконы… Бррр.

Коридоры, переходы, залы. Все под габариты трехметровых людей. И везде один и тот же хлам. Мебели нет, видимо, за тысячи лет разложилась на пыль. А вот куски брони и следы бойни прослеживаются: стены с бороздами, проходы с вырванными кусками. Металл покореженный валяется, разбитые панели управления стоят. Кто – то о них когти точил…

Единственное, что смущает – это сундуки сплошные по бокам стены тянутся, может там что – то прячется. А еще у потолка сетки квадратные периодически виднеются. Вентиляция. И почему – то кажется, что оттуда кто – то наблюдает за нами. Сначала посчитала, что сап мне послышался, теперь уже так не думаю.

– Ищите красный знак, – прошептал Гордон.

– Предложи еще разделиться, деятель, – рычу.

– За нами следят, – снова заявила эльфийка. – И их много.

– Откуда такие выводы, – шепчу и уже не тянет идти в следующий зал.

– Запах, и звук, – ответила кратко. – У нас острый слух и обоняние.

– Будем надеться, что они боятся света, – приободрила. – Мы его включили, вот они и прячутся. Иначе бы уже напали. Если их много…

Эльф наклонился у подозрительной кучки. Даже я запах почуяла.

– Здесь живут, – прокомментировал находку, подтверждая версию слежки.

– И скорее всего дворец их туалет, – пропищала Алариэль, кивая на множественные испражнения впереди.

Меня передернуло в отвращении.

– Нашел! – Визгнул Гордон. Похоже, его мало волнует то, о чем мы совещаемся с умными людьми.

Разбойник нашел знак на стене, что служил указателем. По мне так – это знак женского туалета. Тот повел уверенно за собой. Стали спускаться по лестницам ниже. Гордон везде находил знаки и шел, бежал и все с таким восторгом. Охал, ахал...

Может он псионное излучение поймал?

Идем за ним со скептическим настроем. Исчез за поворотом, уже и не следит за отстающими. Вышли следом. А Гордон пропал. Вроде налево прошел?! Или направо? Ринулась на звуки шагов.

– Он с другой стороны! – Заявила эльфийка и нырнула посмотреть.

Я заглянула в другую комнату. Развернулась обратно, побежала за Алариэль с Лаэлем. А там лестничный пролет! И вниз, и вверх дорога.

– Вы где?! – Кричу.

Впервые так громко в этом городе. Мой голос эхом разнесся. Жутко так стало.

Внизу и вверху почти одновременно зазвенели куски брони, которыми весь пол усыпан. Взвыть хочется. Никто не ответил. Стала подниматься. Сверху светлее, кажется.

Меня трясет. Страх такой, что забиться в угол хочется. И еще меня угнетает тот факт, что улочки стали гаснуть. Я это через окна увидела. Вывод сам напрашивается: реактор завелся, выплюнул весь свой резерв и тут же начал затухать. Тьма постепенно возвращалась в город Друм, а с ним и обитатели...

* * *

Паника заставляла двигаться вверх. Там ведь выход… определенно он должен быть именно наверху. Лестница, как обычная лестница многоэтажного дома с пролетами. Только ступеньки в три раза больше. На шестой пролет я уже ползла на четвереньках.

Клокотание из ближайшей темной арки ввергло в ужас. Пронзительно визжа, я ринулась еще выше. Ног не чувствую, двигаюсь словно на костылях. Лишь бедра работают, остальное горит и ноет.

Натыкаясь на осколки брони и захлебываясь серебряной пылью, я вывалилась во все еще освещаемый коридор. Кое – как поднялась, с досадой вспомнив о потерянном светильнике. Только толку с него немного! Свечка почти закончилась.

Без зазрения совести и с особой наглостью вокруг зашуршали местные обитатели. Босые ноги зашлепали, стрекот уже не так скромно раздавался, а во всю глотку. Вышла в зал, этот необычный. Бочки стоят ровными рядами по обеим стенам. Последний час пути их не встречала, и вот снова.

Впереди шлюзовая дверь! Это может быть вполне себе выход, или убежище!

Рвусь туда. Позади шуршат обломки. И звук приближается! Не знаю, какие еще волосы на моем теле не шевелятся. Инстинкт самосохранения опустошил голову. Когда не видишь того, кто тебя преследует – это неописуемо страшно.

Дую на знак истерично. И без толку! Ищу отпечаток ладони. Сбоку панелька! Разбитая! Прикладываю к ней свою дрожащую руку, затаив дыхание. Сердце бьется об ребра головой. Щелчок… Дверь стала въезжать, воздух ринулся в помещение вместе с пылью. Там был вакуум?!

Зажигается зеленый свет. Ныряю вперед, оказываясь в круглой комнате. Стены будто из стекла тонированного. Оборачиваюсь. Коридор, в котором я была несколько секунд назад, тускнеет. А дверь – то обратно не возвращается! Но это не самое главное…

Расстраивает то, что комната тупиковая! Из коридора доносится шум. Пятки чьи – то шлепают, и судя по интонации уже и не спешат.

– Альбус!! – Меня прорвало. – Помоги!!

Кусок стены напротив двери стал менять цвет, становясь светлее.

– Хххх!! – зашипело и булькнуло над головой. У меня сердце упало в район копчика...

И тут что – то заговорило электронным голосом:

– Запрашиваемая персона изгнала за разглашение секретной информации объекту исследований Кле... хххх... в результате... ххх... катастрофа генного масштаба... хххх.... Часть памяти Альбуса, преобразованная в иную материю находится в хранилище экспонатов... Заблокировано.

Голос стих.

– Ты меня слышишь? – Уточнила на всякий случай.

– Центр управления пятьдесят девятого сектора... хххх... резервное питание иссякло. Поиск... хххх... Геотермальные источники неактивны... Солнечная энергия недоступна... Гидростанции работают на одном проценте... недостаточно энергии. Система освещения...ххх... Приоритет система вентиляции.

– Э, не! – Хриплю во все горло. – Свет давай, да побольше! На пятьдесят девятый сектор все направляй.

– Принято... к... исполнению...

Резкий истошный вопль тысячи глоток донесся до меня. Коридор вспыхнул синим светом. Уловила мелькающие белые конечности, уносящиеся прочь.

– Да что здесь творится вообще!? – Истерика прорывается, пячусь к стене подальше от входа.

– В базе... хххх... три миллиона двести пятьдесят... ххх... записей по указанной тематике. Дублируется информация в девяносто девяти процентах... ххх... Начать озвучку в хронологическом порядке?

– Последнее давай, – вымученно отвечаю.

Между мной и дверью возникает синее марево преобразующееся в некую фигуру человека. Старик в кафтане смотрит печально, восседая на массивном кресле.

– Я последний выживший представитель чистой расы, – искаженным голосом проговорил старик. – Моя исповедь перед богами – это последнее, что я могу.

Изображение замерцало, звук пропал, но вскоре снова заскрипел голос, и возник полупризрачный старик:

– ...она появилась из другого мира. Бежала оттуда. Маленькая девочка по образу и подобию схожая с нами, была обезображена и изувечена так, что любой представитель нашей расы умер бы без единого шанса.

Старик замолчал. Переводя дух и, вероятно, сомневаясь говорить ли дальше. А тем временем внизу снова наступила тишина.

– Мы окрестили ее мученицей, – продолжил старик и продолжил с болью в голосе: – Переломанные кости, внутренние повреждения, и судя по исследованиям не однократно полученные. А десятки... сотни раз... Лицо обожжено, глаза выколоты...

Закашлял.

– Это ужасно, – снова заговорил сдавленно, продрал горло. – Ее не единожды насиловали. Рваные раны, о боги. Рассказываю вам это, чтобы поняли, насколько она была обозлена на другой мир. И не только на другой, мы поняли это не сразу. Но я хотел бы рассказать о другом. Она выжила. Сперва посчитали, что умирает. Мы лишь могли облегчить боль. Конечно, думали, что делаем это... Но она протянула дни, которые не должна была прожить, мы решили, что есть надежда. И я предложил запретный вариант, который боги вряд ли бы одобрили. Наши гены... мы дали ей частичку нашей расы, обладающей свойством самовосстановления. И она начала излечиваться. Появилась кожа, выросли глаза... Через новую боль и страдания, но все же мы сумели вернуть ее к жизни.

Старик снова замолчал. Видно по его выражению лица, что у него что – то болит. Кривится... или сомневается, говорить ли дальше. А я

тут уже засиделась. Ужасы эти слушать не особо хочу. Но интересно, почему они все тут умерли, а город населяют уроды… Или они и есть те самые уроды, закупоренные под землей?!

– Поздно мы осознали, что девочка обладала свойствами изменять материю, – снова начал старик, голограмма уже практически потухла, а голос стал значительно тише. – Наша доброта не тронула ее сердце. Она ненавидела всех, и это было ее право мученицы. Она не говорила, никогда… но ее действия спровоцировали нас на ее заточение. Мы вылечили ее тело, но не душу. Психика девочки оставалась наполненной болью. Она считала себя некрасивой, и ломала все, что давало ее отражение… А еще она кричала, постоянно, пронзительно. О Боги! Этот отчаянный вопль не отпускает мою голову до си пор.

Замолчал, пытаясь отдышаться.

– Мы сумели ограничить ее, – залепетал шепотом. – Но со временем появились те, кто стали на ее сторону и хотели ей свободы в нашем мире. Таких было мало, но их одержимость могла быть противопоставлена тысячам граждан… Когда она освободилась, то прокляла всех нас и впервые мы услышали ее голос. Она назвала свое имя. Имя, которое невозможно произнесли без сожаления, скорби и боли. Клесана.

Клесана?! Слуги Клесаны, владыки Клесаны, дух Клесаны. Это все из оперы про людей бабочек. Она их предводительница или начальница…

– Клесана! – Гаркнул вдруг старик остервенело. – Я ненавижу тебя за то, что ты сделала…

Голограмма пропала. Сижу перевариваю услышанное. Сердце бьется в тревоге и не хочет успокаиваться, мысли путаются. Вижу, что этот мертвый город, вернее не совсем мертвый, постигла катастрофа расового масштаба. Последний выживший представитель чистой расы? Чистой? Значит все остальные мутанты что ли?

В подтверждение моей версии через открытую дверь я увидела часть тела, неспешно шествующего в мою сторону.

И это при свете ламп в коридоре! И вот он уже виден в полный рост! Двухметровый худой человекообразный урод с запечатанными глазницами, большим ртом и длинными когтями на тощих руках до колен! Лысый, сгорбленный, кожа будто прозрачная, видны синие вены, фу гадость какая! У шлюза встал на четвереньки, превращаясь в подобие немецкого дога.

Лук уже был в моих руках. Это единственная причина по которой я еще не визжала от ужаса. И руки мои не дрожали. Магия через древко наделяла неким спокойствием. Но это не распространялось на коленки. Они ходуном ходили!

Когда он заклокотал, я не сдержалась и выстрелила, не целясь. Истошный вопль пронзил мой слух, монстр отшатнулся, развернулся и проковыляв немного, рухнул. За ним я увидела еще десяток уродливых худых тел. Вот теперь – то мое спокойствие даже волшебный лук удержать не смог.

– Мамочки!

– Кхххх… – раздалось над головой. Чуть не описалась.

– Кххх… распознавание тревожности в голосе… результат… опасность. Активация локальной системы безопасности центури… хххх…

Что – то механическое заработало в коридоре. Скрежет металла неприятно прошелся по моим бедным ушам. Что – то упало со звоном. Монстры уже не смотрели на меня, а повернули морды в стороны.

Передо мной возникла спина красно – зеленого робота! Механическая спина с открытыми внутренностями в виде целого часового механизма, огоньки светятся на плечах, спереди вроде щит грудной, руки похожи на человеческие, а ноги с изгибами больше напоминают козлиные. Ростом метра полтора.

Появился второй робот, третий…

– Запас энергии ноль один процент. – Проговорили механические голоса хором. – Использование энергетического оружия нецелесообразно. Приоритет – рукопашная атака.

И ринулись на оторопевших монстров. Завязалась драка. И судя по всему, роботы легко отделаться не смогут. Монстры стали махать своими длинными лапами. А роботы ринулись с возникшими из неоткуда клинками.

– Запас энергии ноль один процент… – раздалось снова.

Из бочек вылезли новые механические охранники и бросились на толпу двухметровых монстров.

Вопли, визг, звон падающих деталей, кусков брони. Похоже, роботы старые, разваливались на ходу. Я решила не медлить. Вышла в коридор, переступая оторванные конечности монстров и куски роботов. Стала расстреливать уродцев, и вскоре те отступили. А роботы к моему глубокому сожалению тут же остановились и красные огоньки у них на плечах погасли. Экономят энергию?!

Вышла на лестницу. Бежать нет возможности, ноги ватные. Иду, как спецназовец из фильма, на каждом повороте с луком на изготовке. В помещениях светло… вот только монстры, похоже, уже не боятся света. Наверное, те, что под него попали, поняли, что ничего им не угрожает и под зовом жажды поесть пошли на меня.

Дворец огромен, иду по возможности там, где мы шли.

– Гордон! Алариель! Лаэль!

Кричу и понимаю, что мне отвечают совершенно другие личности своим клокотанием. Пока никого не встретила. Ищу бочки… они мои союзники. Вот только услышит ли меня центр управления пятьдесят девятым сектором!

Вышла в арку и оказалась на длинной лоджии. Смотрю на город с высоты пятнадцатиэтажного дома. Наш кусок светится, а дальше кромешная тьма, будто свет обрывается намеренно, словно желе.

Никого внизу не видно. Монстры разбежались. Слышу шум воды и… писклявый визг!

– Алариэль!! – Визжу на весь сектор, как там его пятьдесят девять.

Слышу, как сыплется мелкий щебень. Опять стрекочут всякие уродцы. Ощущение складывается, что звук посторонний им совсем не нравится, особенно громкий.

Ковыляю вдоль лоджии, в конце нахожу лестницу, прямо по внешней стене вниз. Похожа на пожарную, только опять нет бортика. Поэтому прижимаюсь к стене, обходя с опаской метровые окошки.

Лестница заканчивается, переходя в новую платформу, которая уводит в сторону, огибая угол бетонной башни. Иду в сторону водопада. Вроде бы где – то там потасовка слышна.

Вижу водоем с каменными прямоугольными берегами, куда вода падает. А посередине островок небольшой, будто свая от моста осталась. А на ней оба эльфа! Чуть правее водопада темень. А там целая толпа уродцев стоит в нерешительности!

Двое местных прыгают и плывут! Алариэль топит их стрелами, одного за другим.

Спешу на помощь. Расстояние еще большое! Будто я на самом верху олимпийского стадиона, а они – в центре поля. Мостики, как назло уводят в сторону и вверх, лишь бы не к бассейну!

Выход один – нырять обратно в башню и там искать спуск. Пошла в первую же попавшуюся арку. Затаив дыхание прошла один коридор, второй… вышла в большой зал. Под ногами захрустело, повеяло канализацией. Впереди арка темная! А оттуда смотрят на меня морды зловещие! Стрекот пошел.

Пустила пять стрел чтобы не повадно было. Визг истошный стал удаляться.

Судьбу испытывать не стала, ушла в сторону. Оказалась на винтовой лестнице, усыпанной деталями от роботов, теперь – то знаю, что это именно они. И странностей не вижу в том, что останков их противников нет, даже костей. Их просто съели местные. А чем им питаться? Грибами сыт не будешь.

Прошла витков десять и обнаружила Гордона в нише! А вокруг него трупы этих уродов! Штук семь! Всех перебил! Сам весь в крови,

глазища на красном фоне вылупились. Смотрит на меня, будто ничего не соображающим взглядом.

– Гордон? Ты как? – Спрашиваю неуверенно. А вдруг он вирус их подхватил и теперь тоже хочет меня съесть?

– Нормально, – прохрипел. – Помоги с дверью. Я знак нашел.

– Ты в своем уме? Надо убираться!

– Без тайны не пройду, – бросил, кривясь. Стал подниматься, опираясь на свой меч. – Они слабые и медленные. Поодиночке опасности не представляют. Мы справимся.

– Ты, видимо, не понимаешь, – вымученно отвечаю. – Их очень много, они голодные и свет их не страшит уже. Голод сильнее.

– Это ты не понимаешь, – фыркнул, перешагивая останки. – Победителя от побежденного всегда отличает воля к последнему шагу, что кажется невозможным.

– Я просто открою тебе эту чертову дверь и пойду к эльфам, ты понял? – Рычу.

– Да, – кивает. – И на том спасибо, Валерия. Я вот думал, тебя тут за свою принимает город, не находишь почему?

– Не имею понятия даже. И вообще, мне плевать, Гордон. Я погорячилась, отправившись сюда.

Не ответил, обошел и направился к своей найденной двери. Я за ним. Два коридора еще, усеянные трупами уродов. Это все он сделал? Рвотные позывы пошли, когда в третьем переходе уродцы поедали останки товарищей.

Гордон уверенно пошел на них. Я упредила его возможные ранения, выстрелив из лука пару раз. Монстры до последнего поглощали своих. Разбойник уверенно рубил их выбрасывающиеся в атаке лапы. Примостился, значит, убивать.

Вышли в зал, заставленный по стенам бочками. Размер их внушительный. Больше чем обычные раза в два. Значит там роботы здоровее. Это хорошо.

Круглая дверь впереди тоже оказалась огромной. А еще каменной с огромной свастикой красного посередине. Стоило мне подойти,

как она засветилась внутренним свечением.

Дунула по краюшку знака, приподнявшись на цыпочках. Камень заскрежетал, заскрипели шестеренки за стеной. Люк стал закатываться в стену, открывая проход, воздух потянуло вовнутрь вместе с серебряной стружкой, поднялась пыль. Пахнуло стариной, как в библиотеке. Переступили порог шириной в метр. Помещение стало заполняться зеленым светом, подсвечивая нескончаемые ряды стеллажей.

– Вот откуда все твои побрякушки! – Воскликнул Гордон, хохоча, как психопат, и понесся вперед, как невменяемый. – Это все наше! Но самое главное скрыто от посторонних глаз! Все, как в книге! Все! Не зря я рисковал! Видят владыки, не зря!

Пока оборачивалась в сторону коридора, разбойник затерялся в рядах.

Страх наплыл с новой силой, ибо если пойду обратно, там будут они… эти поедающие своих же уродцы. А то, что они набегут на пир, я и не сомневаюсь. Переживаю за эльфов. Они на том островке долго не протянут!

– Гордон! – Кричу и голос эхом разносится по нескончаемому залу. Обратила внимание на потолки. Они из тонированного стекла, как в том круглом помещении.

Квадратик надо мной стал светлеть.

– Ххх… распознавание тревожности в голосе… результат… опасность. – Раздалось надо головой знакомое. – Активация локальной… хххх….безопасности центурион.

– Нет! Не надо! – Кричу, переживая за Гордона. – Гордон свой! Друг! Не враг! Стоп! Фу! Брек!

Из коридора донеслись мощные шевеления. Металл заскрежетал. Сталь стукнула о камень, и тишина…

Сглотнула. Вроде утихли роботы мои ненаглядные. Зато в глубине зала что – то посыпалось звенящее. Прохожу ряды. На них чего – только нет: книги, коробки, дальше пошли мечи разным мастей, луки кое – где виднеются, арбалеты, копья, короны, диадемы, доспехи. И

много всего непонятного, только камни драгоценные блестят, налепленные в качестве украшений.

По звуку нашла разбойника. Возится с какой – то коробкой на отдельном постаменте с трехэтажным матом. Родной русский матерный, он везде.

– Гордон, пошли назад, а? – Молящим голосом выдала.

Даже не обернулся, продолжает ковырять крышку кинжалом.

– Не пойму, почему все так, – бормочет. – Может твой Альбус утащил? Ну не это, совсем не это!

Бросил с остервенением коробку о стальной пол, а следом и кинжал швырнул.

– Что ты ищешь? – Хриплю.

Посмотрел вдруг чернеющим взглядом. Отшатнулась.

– Амулет Клесаны, – выдавил, будто через силу. – Забрала уже? Или Альбус забрал?

– Амулет Клесаны, – повторила.

Надо головой вспыхнул потолок, Гордон вдавил голову в плечи, к мечу потянулся.

– Кххх… запрашиваемая информация недоступна, – отозвался электронный голос. – Свойства упомянутого экспоната не исследованы, идентификации не поддается… ххх… обнаружение… в зоне… досягаемости… невозможно…хххх…

Гордон с видом обделавшегося щеночка смотрит то на меня, то на потолок.

– Ты невменяемый придурок, – прошипела на него. – Ты понял?

– Понял, – выдал Гордон и сник. – Прости, Валерия, я сошел с ума. Столько сил, столько крови. О владыки!

– Тут столько всего, – мотаю головой. – Бери что хочешь и пошли.

Со стороны входа раздался звон. Загудели роботы. Разразились отчаянные визг, механические шевеления, сопровождающиеся скрипами. Роботов явно никто не смазывал.

– Они долго не протянут, – говорю Гордону. – Надо уходить. И свет скоро потухнет.

Быстрыми движениями разбойник снял перевязь и стал разматывать мешки.

– Возьмем, что унесем, дома разберемся, – выдал деятель.

Психанула. Взяла мешок, вырвала из лап. Подошла к первому же стеллажу и стала закидывать в тару все, что под руку попадается.

Сигналом к концу нашего собирательства послужила наступившая внезапно тишина. У центурионов, или как так их, сели батарейки!

Беру Гордона за шкирку и тащу силой. Попутно он хватает со стеллажей все, что ни попадя. Выходим в коридор. Открывается картина побоища. Все роботы целы, кто ж таких гигантов победит? И не развалились вроде как. Просто замерли, стоят в горе трупов, которых активно поедают выжившие.

В руке возникает лук, расстреливаю всех «голодающих с Поволжья». Они еще и уходить не хотят. Смотрят на товарищей, что падают один за другим, пожимают печами и едят дальше…

Прорываемся. Гордон не дееспособен, потому что тащит на себе килограммов пятьдесят. Спускаемся ниже. Появились признаки нашего первого шествия в очередном переходе в виде следом на серебристом песке. Пошли обратно, но завернули на шум воды.

Вышли на площадь с бесформенными статуями. Слева через арку виднеется водопад. Стало значительно темнее. Иду туда. Эльфов уже нет!

– Алариэль! – Визжу отчаянно.

– Валерия! – Ответный визг слышу где – то сверху.

Ковыляю к центру площади, чтобы через окна башни увидели. По боковым лоджиям на писк эльфов плетутся на четвереньках уродцы. Целой вереницей! С другой стороны показались… с третьей!

Прицеливаюсь из лука. Начинаю стрелять во впередиидущих. Чтобы задержать остальных. Трупы валятся с пути. Вот незадача! Оборачиваюсь к Гордону, он скинул хлам, начал тоже стрелять по существам из магического лука, что подобрал в хранилище. Красные стрелы полетели с таким свистом, будто это самолет взлетает в аэропорту!

Мостик вместе с группой голодающих обваливается вниз. Осколки сыплются на нижние уровни. Существа валятся на платформу с отчаянным визгом. И на нашу площадь попадала часть. И живучие же твари! Поднимаются! Осыпаю стрелами пока не опомнились, попутно визжу:

– Мы тут! Алариэль! Лаэль!

Эльфы выскакивают спустя пять минут совершенно не с той стороны, с которой мы ожидали. Мокрые, лохматые, глазища вытаращенные. Окунулись в бассейне, бедненькие. Как вообще угораздило?!

С облегчением командую отступление. Вышли на свой мостик, по которому пришли. И отчаялись.

Та сторона, откуда прибыли вся в темени! Мелькают белые тела монстров. Толпа собралась и идет целой лавиной в нашу сторону. Левее, на стыке тьмы и света лифт! Один из тех, что я распознала ранее. Примерный путь обозначила. По мостикам и через три башенки, как раз выйдем. Главное на нижние ярусы не спускаться. Увидела, как твари прыгают с улочек на мостики, и сделала такой вывод сразу.

Гордон меня сильно удивил, отдавая часть награбленного барахла эльфам.

– Валерия, для меня честь биться с тобой плечом к плечу, – произнес уверенно, чем удивил вдвойне. – Прости за все эти низменные порывы, я правда раскаиваюсь.

– Мы тоже готовы биться за тебя до смерти, леди Валерия, – пропищал Лаэль.

Обернулась к парочке. А они уже в обнимку. Целуются робко, будто прощаясь.

– За мной! – Рычу воодушевленно и иду на ногах, как на костылях. Главное бедрами, бедрами.

Пот залил лицо, когда до первой развилки дошли. Вымотались все, особенно Гордон, заметила, что прихрамывает. Но не жалуется. Снизу суета, разбойник периодически пускает «разрывные

снаряды» вниз. Лук попался хороший. Или это стрелы такие? Жаль, что кончаются.

Эльфы стреляют обычными луками. Хотя вроде как тоже из магической гардеробной кучки взятые. Плетемся дальше. Снова лестница, по которой просто ползком уже. А впереди наша заветная цель поглощается мраком. И там мелькают существа.

Я злая, потому что устала, как лошадь ломовая. И уже не страшно так, пока на открытой площадке, мы непобедимы. У меня стрелы бесконечные. Хотя вдруг посетила мысль, что закон сохранения энергии никто не отменял. Возможно, он мои резервы энергетические и высасывает, от того и выматываюсь быстро.

Все шло хорошо, пока на голову не свалился первый находчивый наглец! Только тогда я с опаской посмотрела выше и отчаянно завизжала, потому как по верхним ярусам беспрепятственно бегали существа.

Вскоре они уже сыпались со всех сторон, повторяя за товарищами акробатические номера. Ускорились из последних сил. У гордона кончились стрелы, лук он выбросил, вынул меч и пошел в рукопашную вместе с эльфами, у тех тоже кончились стрелы.

Минуя очередную башню, едва не попались в ловушку. Монстры затаились, спрятавшись за невидимой частью массива. Если бы не чуткий слух эльфов...

До заветного лифта недошли метров сто, когда на пути возник монстр, что раза в три крупнее других. Он не был выше, но значительно массивнее. Я не сразу поняла, почему мои стрелы отскакивают от него. Монстр был в центурионской броне! А в руках у него два здоровенных меча, по полтора метра каждый.

Позади него стали прятаться другие монстры, что поменьше. Он ступил на наш мост и пошел, грозно клокоча. За спиной уже мчалась голодная свора его собратьев.

– Альбус!! – Завизжала что есть сил. – Сектор!! Центр управления! Система безопасности!! Ау!!

Гордон ринулся на бронированного монстра, скидывая поклажу. Оба эльфа тоже прыгнули на него. Стреляю по всему что движется. В глазах уже периодически тьма пульсирует от усталости. Глаза режет от напряжения.

Визг разносится по округе со страшной силой. Внизу оживление. Механические звуки, мои родимые…

Центурионы прыгают снизу, цепляясь за верхние платформы, ловко карабкаются. Но стоит им начать орудовать своими клинками, как вскоре они замирают. Иссякает энергия! Но тем не менее, существа всполошились. Ближайшие к нам бочки выплевывают роботов для защиты.

Тем временем разгорается битва между гигантом и моими ребятами. Пытаюсь выцелить глаз, это вполне себе уязвимое место. Жаль, раньше не додумалась. Гордона отшвыривает в сторону, и он чуть ли не срывается с каменной дорожки. К счастью Лаэль успевает его прихватить. Алариэль ловко уходит от мечей и наносит удары по ногам, высекая искры о броню, попутно цепляя незащищенных существ что шли позади гиганта.

Начала стрелять, подойдя ближе. Понимаю, что время не на нашей стороне. Рев монстра оповещает о хорошем попадании. Воспользовавшись заминкой, Гордон рубит по незащищенной части ноги. Отчаянный толчок Лаэля… и монстр летит вниз. А мы прорываемся дальше. Оглядываюсь, и не зря! В пяти метрах уродец уже готовится к прыжку.

Натягиваю тетиву практически обессилившими руками. Открылось второе дыхание, или уже десятое, когда лифт оказался на финишной прямой.

Мчим, меня тянет Алариэль, Гордона – Лаэль. Оказывается, эльфы значительно выносливее нас.

Заскакиваем на заветную платформу. Зеленый свет, как спасительная мана небесная. Жму на панели своей пятерней. А сил – то нет!

Щелк! Заработали шестеренки! Заскрипели конструкции. И одновременно с этим заклокотали вокруг монстры с новой силой. И тот здоровый, что упал вдруг обозначился, мчится в нашу сторону! А лифт не едет!!

Засыпаю его стрелами, рук не чувствуя. Монстры лезут со всех сторон. Сталь звенит, кровь заливает платформу... Толчок!!

Поехали! Неспешно! Монстры прыгают на платформу, а мы в шахту заезжаем уже. Гордон ногами отпихивает. Бронированный монстр за платформу руками цепляется, пытается ее остановить. Эльфийка по ним мечом полоснула. Но примеру монстра последовали другие уродцы.

Механика пошатнулась, тяга пошла на убыль. Но все же платформа поднимается! Вот уже щель, через которую им не пролезть! Шахта вбирает нас. Визг раздался пронзительный. Чьи – то лапы остались на платформе...

Уносимся быстрее и быстрее. Пыль витает вокруг. Сыплется песок на наши мыльные головы. Темень... Чувствуем дыхание друг друга и слышим удаляющийся звук беснующихся жителей города Друма.

* * *

Платформа останавливается спустя время, что казалось бесконечным. Помещение наполняется синим светом. Прямоугольная комната с бочками механических охранников. Работающие шестеренки, как бальзам на душу. Двигаются поршни и вращаются механизмы.

Поковыляли дальше, дорога ведет до круглого люка. Смотрю на своих ребят. Гордон потерял все свое добро, а вот эльфы сумели сохранить то, что он им дал нести. В глазах разбойника вина и благодарность.

Хочу строго посмотреть на него, а не выходит. Ужас вместе преодолели, и сплотились. Что теперь ругать дурака? Мы люди

взрослые, принимает решение каждый и ответственность личная.

Открыла проход. Пахнуло канализацией.

Опасалась нарваться на лестницу, которая нас вначале выжала, как лимоны. Ан нет. Теперь какая – то труба темная. Мрачно, но вероятность того, что тут тоже эти монстры, отпадает. Дверь я распечатала. Судя по пыли и скрежету, ее очень давно никто не открывал. Страшный сон где – то там остался. Только не тут...

Он не должен быть тут! Я верю и плетусь вперед наощупь. Где – то бежит вода, и судя по всему, не первой свежести.

Пол пошел неровный, и вскоре вообще превратился в одни сплошные глыбы. Наткнулись на тупик. На ощупь известь, земля, песок... Позади впилился Гордон. Лапки эльфийские за попу пощупали, убедившись, что это я. Если это Лаэль, влеплю...

– Тупик, – констатация факта из уст Гордона взбесила.

– Ветер дует отсюда, – произнес Лаэль. – Я попробую мечом, отойдите за мою спину. Алариэль, ты где?

– Позади, любовь моя, – пропела эльфийка.

Ути господи, влюбленные зайки.

Эльф начал кромсать стену. Отошли подальше. Посыпалось что – то. Лаэль сообщил об успехе. Дыра оказалась маловата, но сумели пролезть, ноги встали в зловонную лужу. Тут и думать не надо. Канализационные отходы!

Вонь невыносимая.

– Труба! – Объявил эльф, ушедший дальше исследовать эту клоаку.

– Ну замечательно!

– И дверь деревянная! – Добавил. – Легко взломаю.

Зазвенела сталь, полетела стружка. Все в воду, всплески характерные. Лицо закрыла, лишь бы не попало...

За дверью коридор с твердой землей и тусклым светом! Впереди, в самом конце факел на стене и край лестницы виден.

Люди! Огонь! Мы спасены!

Поднялись по лестнице и оказались в большом помещении, освещенном двумя факелами, по обе стороны выставлены клетки.

Все вокруг выложено каменными кирпичами. Во всех клетках сидят люди, и кажется, что им нет дела до нас.

Проходим вперед, вылавливая разгорающийся интерес заключенных.

– Кармель! – Воскликнул Гордон и подскочил к клетке с седым стариком.

Тот оживился, подполз ближе. Щурится.

– Гордон?! – Издал тот сипло.

– Да, Кармель! Он самый. Что это за место? Ты как вообще сюда попал?

– Замок барона Ролана, – прохрипел дедуля. – Старый я уже бегать, тут хоть кормят.

Сглотнула. Мы в тюрьме барона Ролана? В его замке! И как я ему это объясню?!

Глава 12
Артефакты Друма

– Отвяжись! – Рыкнула Алариэль на вора. – Все эти вещи принадлежат леди Валерии!

– Это я их тебе дал! – Рявкнул Гордон, его затрясло от жадности и негодования.

– Все добытые в городе вещи принадлежат нашему предводителю, – проговорил спокойно и в то же время угрожающе Лаэль. – Тебе ли не знать законы расхитительства, вор?!

Смекнула. Это когда старший забирает все? Или решает, что кому, делит добычу? Так никто ничего не утаит, и друг за другом смотрят. Вроде бы правильно поняла.

– Валерия?! – Простонал Гордон.

– Поделим. – Пожала плечами. – Если барон не отберет.

– Так давай на нем и испытаем, – усмехнулся разбойник.

Стоим у решетки, что отделяет мир людей от мира разложившихся морально людей, если верить правосудию Ролана. Решетка капитальная, замок навесной. Изнутри не подобраться.

– Эй! – Решилась покричать. – Есть тут кто?!

Смотрю на эльфов, ушки прижали. Ролан ведь тот, кто на ушастых первым позарился. А они с доставкой на дом, за решеткой, вместе со мной.

Крик усилили вымученным, вымотанным хором. Шевеления начались по ту сторону не сразу. Ключи загремели.

– Что за проделки владык?! – Раздался хриплый голос и перед нами возник невысокий толстенький… Гном!!

Бородища до живота, мордаха широкая, глазки – пуговки!

Встал, смотрит, раскрыв рот.

– Здравствуйте, уважаемый, – говорю быстро. – Вы только не орите. Мы хотели телепортироваться в замок в гости к Ролану. Я эта…

леди Валерия Балейская соседка барона. Так вот, решили в замок, а получилось под него. Вы не откроете нам клетку?

Кивнул медленно, как завороженный. К ключам потянулся на поясе. Руки у бедного трясутся. Ключ не сразу подобрал, открыл и резко в стену вдавился, чтобы нам дорогу не перегораживать.

Прошла вперед. Комнатушка с лавкой, закуток виднеется. Наверное, гном там спал. Лестница каменная наверх ведет, судя по завороту плавному – винтовая. Поднимаюсь, ноги гудят, ковыляю как старая бабулька, если не хуже.

По ощущениям этажа на три поднялись. Дальше каменный коридор с факелами по стенам, ниши всякие. Мы по главной дороге, так сказать, идем. Промелькнул стражник в нагруднике блестящем. Ему до нас дела не было, пока не окликнула.

И тоже гном!

Вывел из подземелья. Оказывается, мы на минус пятом этаже были, если не ниже. Повел окольными путями по мрачным переходам. Почуяла по дороге жар, запах серы сожженной спичечной, углем попахивало и чем – то еще. Видимо, переплавкой занимаются ребята. Спрашивать не стала, они не интересуются о нас, а мы о них. Солидарность во все времена решала…

Вышли в большой красивый зал с фресками на высоченном потолке, колоннами квадратными усеянными картинами, будто в галерее. Толстенные свечи повсюду на красивых светильниках создают особую атмосферу средневековья. Несколько рыцарских фигур заметила неподвижных. Забрала опущены, значит, просто статуи. Выдохнула с облегчением, как оказалось, зря.

Рот раскрыла на эксклюзивную красоту, а навстречу копья вылезли из неоткуда. Не иначе, как ждали нас, незваных гостей. Значит, система оповещения хорошо у них работает.

– Начальник охраны замка, Хейлик, – представился высокий широкоплечий мужчина в кожаных доспехах и десятком солдат за спиной с копьями на изготовке.

– Леди Валерия Балейская, баронесса еще та, – ответила неуверенно, скользнув взглядом по решительным лицам солдат.

– Лорд Ролан со всей семьей убыл в поместье, леди Валерия, – произнес Хейлик строго и без запинки. – За старшего в замке я. И вас впервые вижу, как друг семьи Ролана озвучены не были. Вторглись в замок без ведома охраны и неизвестным образом, миновав магическую защиту. Лазутчики или друзья, судить не мне. Поэтому я вынужден просить вас сложить оружие и проследовать в место задержания. Пробудите там, пока гонец от лорда не вернется с ответным посланием о вашей дальнейшей судьбе.

– Да как ты смеешь, червь! – Взревел вдруг Гордон, даже я испугалась. – Это маг высшего уровня! Мы тут камня на камне не оставим, если ты продолжишь тут свои дерзкие речи! А ну пошел прочь, невежа!!

Хейлик отступил на шаг, нахмурился. Солдаты неуверенно переглянулись. Но копья не убрали.

– Слышали про орков недавних? А кто по – вашему убил Черного Клыка? – Продолжил вор нагнетать. – Нам вас прихлопнуть, раз плюнуть. Но что потом леди Валерия Ролану скажет? Пришибла случайно, прости друг? А ну пшли, черви!!

Не двигаются. Стою, как дура. Гордон на меня посмотрел заговорщическим взглядом. Эльфы на разбойника, как на идиота глядят.

Сотворила лук свой магический. Провела демонстрацию. Вздрогнул Хейлик, еще на шаг отступил вместе с воинами своими.

Так, недостаточно вам. Ладно, сами напросились.

Выбрала картину, висящую на ближайшей колонне и пустила туда десяток стрел. Сил никаких, но старалась стрелять быстро. Одиннадцатую взвела и демонстративно направила на главу охраны.

– Хейлик, – простонала вымученно. – Я убила двести орков за две минуты. По сто за шестьдесят секунд, это один шестьдесят шесть сотых орка за секунду. Ты понял?

Отрицательно мотнул головой, как завороженный. Еще отступил.

– Придворный маг уехал вместе с Роланом, – шепнул один из солдат.

– Надо лучников, – предложил другой.

– Оставьте поклажу и уходите из замка, – проговорил неуверенно Хейлик.

Воины выдохнули с облегчением, но копья так и оставили ощетинившимися.

– Даже не подумаем, червь! – Выдал разбойник и двинулся вперед, прошел уверенно мимо солдат и направился к открытой деревянной двери, из которой доносились звуки улицы.

Эльфы подтолкнули меня, и мы трое последовали за нашим находчивым безумцем Гордоном мимо оторопевшей охраны.

Улица наградила знойным вечером. Вышли на площадь, вокруг возвышаются стены из камня. Будто я во дворе спального района. Неба не видно, одни дома вокруг. А здесь стены с башнями до облаков. Вор уже у визглявого мальчишки двух лошадей отбирает, пока я рот на архитектуру раскрываю.

– Это турнирные кони лорда! – Визжит парень, получив пинка.

– Завтра воротим, – бросает Гордон и машет нам.

Прыгнули на скакунов и помчали через главную улицу прямиком к воротам. Решетка поднялась, ворота вверх поехали следом. Никто нас не держал.

* * *

Эльфы на одной лошади, мы с Гордоном на другой. Скачем домой пока мрак ночи не накрыл. Дорога еще просматривается. Разбойник все тут закоулки знает. Догадываюсь, пока искал вход в Друм, выучил.

– Что на тебя нашло? – Решила спросить, хоть и рада до безумия, что легко отделались. Но с другой стороны предчувствую, делаем что – то не так. Зачем мне во враги еще и восточный сосед?

– Гномов видела? – Спрашивает, зная ответ. – Вот тебе и зацепка. Полагаю, когда – то предки Ролана нашли вход в Друм, из которого мы вышли. Сами они открыть не смогли, гномов сыскали, те по железу умельцы. Да только и гномы не справились. Тогда пещеру со входом запечатали, а гномов оставили своими делами заниматься. Или же заточили, дабы не разглашали ничего. Гномы не прихотливы. Им разницы особой нет, где свою руду лить.

– Допустим, а спешить зачем так было?!

– У Ролана маг есть знающий о Друме, стоило помедлить, явился бы чародей, выявил вещи наши. А дальше сама соображай, как бы они отреагировали, и выпустили бы вообще из замка.

– То есть ты из – за вещей взбесился?

– Валерия, тут все взаимосвязано. Видно, ты из другого королевства или империи, или из Заморья вообще, раз таких вещей не знаешь. Друм под запретом на уровне короля, даже герцог соседний пострадал, когда донесли о его раскопках…

Доскакали до моего поместья. А там… дом горит! Не мой, но один из деревенских.

В Груди стремительно холодеет. Ринулась туда, спрыгнув с коня и чуть не переломав ноги. А в деревне люди беснуются незнакомые. Мужчины гогочут, лошади чужие ржут. Визг Миры узнала, кровь вскипела в жилах в одно мгновение. Полю в полумраке заметила, бегает от какого – то парня, смеющегося во все горло. И Серафима тут, ведром деревянным отмахивается от жлоба двухметрового.

Полный балаган. Лук возник, едва я подумала об этом. Увидели меня вражины, обступили, еще из щелей и окон повылазили, арбалеты, луки нацелили в ответ. И это мои магические луки, награбленные с моего дома! И доспехи свои на некоторых распознала и мечи. Ах вы морды наглые, разбойничьи!

Эльфы собой закрыли, клинки вынимая. Стрелы – то закончились давно!

– Что здесь происходит! – Кричу не своим голосом. – Отвечайте перед хозяйкой! Коты помоечные!

Готова и на мат перейти, после Друма ничего не страшно.

– Так вот она какая, жена барона Долтана! – Воскликнул худощавый парень, спрыгивая с крыльца соседнего дома. Глаза вытаращены, лицо небритое. Пират дальнего плаванья на берег сошел, спустя двадцать лет.

– Пусть она и отвечает за покойника! – Прогремел звенящий голос позади. – И барона раскопаем да повесим на дороге!

Меня трясет не то от злости, не то от страха. Их слишком много, они так близко и целятся в меня! И не добрые они, чересчур озлобленные. Будто сделала им плохое, ужасное, непоправимое.

– Нил!! – Такого визга я от Гордона еще не слышала.

Худой парень глаза округлил, в лице поменялся за долю секунды. Вся их свора затаила дыхание. И женщины ругаться перестали. Спрыгнул с коня мой разбойник и помчался к этому Нилу с бешеной скоростью.

– Вилен! Эраст! – Горланит разбойник, ему на встречу парень бежит с распростертыми объятиями.

– Ты ли это! Пройдоха Гордон!! Небеса сжалились!! – Хохочет худощавый незнакомец.

Мужчины все побросали и к Гордону ринулись.

– Друзья! – Визжит Гордон. – Живой я, живой! Зря вы на хозяюшку так! Мы тут с ней таких дел наворотили! Своя она!!

Расслабилась. Стою, недоумевая, рассматриваю, как двадцать пять мужиков одного лобызают и о былых делах говорят, благодарят за что – то, смеются, плачут, причитают. Бабульки вокруг собрались, головами мотают, шепчутся между собой. Мира с Полей ко мне подошли, лица зареванные. Начали жаловаться.

– Девичья честь не затронула? – Спрашиваю строго, перебивая лепет.

Убедили, что нет.

Дальше выяснила все стремительными темпами. Налетчики оказались друзьями Гордона, что в бегах были по различным причинам. Многих он спасал в разных ситуациях. И когда писарем у

графа был, и когда уже стал разбойником. Уважали его среди ворья и даже любили. И вот, собрались мужики, да пошли вызволять своего героя из заточения у барона Балейского. А узнали, что приезжал за ним рыцарь графа, не поверили местным, что сбежал. Ведь в убежище его не оказалось и в других деревнях не видели. И еще по ряду признаков и предрассудков решили, что именно барон сгубил их лучшего друга. Пришли мстить. Дозоры расставили на дальних подступах и учинили разгром.

Шоберт не суется, ручки потирает на пепелище потом посмеяться. А Роланд уехал в поместье свое, ему дела нет до нахальной соседки, что всю славу отобрала в деле с орками. Я еще не знаю, на сколько его жаба душит за кабана мной подстреленного...

И теперь, когда разбойники в количестве тридцати двух человек поняли, что абсолютно неправы в содеянном, я превратилась в хищную змею, сварливую бестию и мать русской мафии. Коль оказалась героиней в их лице, а с подачи Гордона еще и магом высочайшего уровня, вся приступная группировка была поставлена на деньги.

Кодексами их мир славится. Воры не без чести оказались. А я фильмов насмотрелась по этой теме. Умею поверхностно по понятиям...

– Вы мне не только дом отстроите, – рычу, собрав их во дворе. – Еще три дома! И забор, и мост своими ручками восстановите. И заданий для вас найду вагон и маленькую тележку. Целину будете пахать. Все грядки потоптали, бездари. Запасы пожгли!

– Виноваты, хозяюшка, – лепечет Нил с поникшей головой.

Он их предводитель оказался. Молодой, крепкий, голубоглазый, если бы не борода, считался бы красавчиком. Сделаем и из него рыцаря. Как говорил мой папочка: «армия даже из таких девочек как вы, сделает настоящих мужчин...»

– Леди Валерия, – вмешался Эраст, заместитель Нила. – Мы готовы отработать бесчинства и даже с лихвой, но время работает против.

Нас могут узнать ищейки, или донести крестьяне. Прибудут рыцари графа и прикончат, кого не прикончат, на виселицу отправят.

– Да отобьемся от двух – трех, – перебил самый крупный детина шайки. – Войско сюда припрется, тебе неприятностей только... Хозяюшка, нам вечная дорога, мы слишком известные персоны.

И действительно незадача.

Пока банда ускоренно строила дома, я думала над тем, что можно сделать. И придумала!

Взяла Гордона за шкирку и на чердак. К письменному столу с красным воском и холстами. Туда и художественные принадлежности приволокла. К разбойнику доверие вернулось. А куда деваться? На кого еще мне положиться?!

– Кто в графстве читать умеет? – Первый мой вопрос.

– Писари, сам граф, маг его... У Ролана маг умеет. За других не знаю.

– Так, поняла. Ты писарь. Писать умеешь? Я язык слышу, как свой. А буквы не могу разобрать. Вот смотри.

Развернула грамоту земельную свою.

– Знаешь, что такое трафарет?

Отрицательно мотает головой.

– Короче, подделаем грамоту с помощью трафаретов. А именно: вырежем под буквы формочки из кусков плотной бумаги. Этого добра тут навалом. И отштампуем шрифт. Мысль мою уловил?

Глаза расширил, задумался. Беру кинжал острый, вырезаю наскоро букву, похожую на «р». Выходит коряво... Затем прикладываю ее к другому куску бумаги и крашу сверху синей краской, подготовленной заранее. И так налепила пять одинаковых букв для наглядности. Бумаги много, испортим пару тонн, пока не научимся красиво делать, ничего страшного.

– Это трафарет, буквы одинаковые, а значит, заводские, в смысле государственные, то есть как у лорда, – поясняю.

Усмехнулся, улыбку скривил. Смотрит на меня пытливо.

– Это ж надо, Валерия. Ты да таких дел мастерица. Чего я еще не знаю о тебе?

– Ну, запел, – усмехнулась. – Ничего не знаешь, если быть честной. Но не будем о грустном. Теперь второй этап. Печать. Нужна монета с изображением короля в профиль или гербом герцога, не обязательно нашего, желательно другого. Вот, как на грамоте. Воск красный у нас есть. И при правильных манипуляциях выйдет красная печать герцога. Давай испытаем.

– Но у нашего герцога особая печать, – выдал Гордон.

Усмехнулась в ответ. Вижу по нему, что разгорается интересом настоящего авантюриста.

На грамоте еще декор есть. Мазня еще та. Сама слеплю что – нибудь, лучше оригинала выйдет.

– А теперь о главном, – интригую. – Я сделаю из вас наемников, прибывших с соседнего герцогства. Я же, как бы это сказать, не отсюда. Слух уже пошел, что не местная. А значит, у меня могут быть свои солдаты. Отправим девчонок на рынок, купят ткани, сошьем форму. Налепим грамот каждому о том, что на службе, побреем, пострижем, кого надо подкрасим черникой. О! Всех подкрасим! И выйдет элитный отряд баронессы Балейской. Будут жить тут легально. Рыцари читать не умеют, сунем грамоту с печатью красной, зачитаем с выражением. По трафарету все буквы ровненькие будут, однообразные. Следовательно, не подделка. Ну как план?

– Ты писарем короля не работала случаем? – Выдал ошарашенный Гордон.

– Да кем я только не работала, – отмахиваюсь. – И промоутером, и даже расклейщиком, а еще пропагандировала партию бабулькам, раздавая муку и сахар, за что каюсь.

– Ужасно, – сглотнул Гордон.

– Во, во, – смеюсь.

– Одно «но», если выгорит, – продолжил разбойник. – Мои ребята надолго все равно не останутся. Максимум на год службы. Это при лучшем раскладе.

– Буду платить им жалование. А еще попробуем плантацию открыть свою… Так! Вспомнила! Что там с бумагами Шоберта?!

– После Друма тебя это волнует? – Усмехнулся Гордон. – С помощью моих друзей сбудем часть вещей, денег столько будет, что на армию наемников хватит. А если играть по его правилам, подкупим приближенных герцога, они ему на ухо нашепчут, что нам будет выгодно.

После визита к Шоберту и провалившегося плана, разработанного Гордоном. Я в его мастерство подковерных игр не верю. Сама продумаю, что да как. Этот деятель будет моими длинными руками, ушами, глазами…

– И все же! – Настаиваю.

– Любовная переписка с матерью герцога! – Выдал.

– Сколько ей лет?!

– Э… ему около сорока.

Ржу, как лошадь…

Дни идут, деревня строится, поля пашутся и засеиваются. Воры все оказались конные, лошадиной рабочей силы хоть отбавляй. И плотников парочка среди этой шайки нашлась.

Коней спортивных Ролану вернула, пока сам сюда не нагрянул. Мне посторонние не нужны. Однако, они то и дело появлялись, как только мост отстроили и рекламу провели. Караваны с пыльцой потянулись, дань пошла. От которой уже ни тепло, ни холодно. Но для престижа решила не отменять.

Наладка торговых путей могла послужить утечкой нежелательной информации. Это не продумала… Пришлось спешно маскировать преступников. С тканями все вышло отлично, закупились на целую армию. Бабульки шили днями и ночами. Решила обойтись однообразными серыми плацами с изображением красного ромба и трилистником внутри него, а также штанами. А то у этих ребят с ними туго, ходили кто в чем горазд.

Раздала своей наемной армии зачарованных вещей, в основном оружия. Во временное пользование пока. Но с обещанием за

хорошую службу на совсем отдать.

После выдачи грамот, вид у них изменился. Приободрились, глазки загорелись по – особенному, обниматься стали между собой, смеяться, словно наполнилась их большая семья счастьем некогда несбыточным… А я себя обманщицей почувствовала.

Тем временем эльфы, которым доверила разбираться с награбленным хламом из Друма, нашли кое – что интересное для меня.

Пришла в специально оборудованное хранилище, что организовали в комнате покойного мужа. Обнялись с Алариэль. Телячьи нежности пошли после подземного города. За Гордоном тоже заметила странности, иногда проскальзывает у него необычное во взгляде. Он тоже стал относится ко мне по – другому. Думает, я – ключ от всех неоткрытых дверей. Наивный.

– Леди Валерия, вы должны это увидеть! – Пищит эльфийка, кивая на стол.

А там фигурки черные расставлены. Блеск от них, будто из смолы строительной сделаны. Присаживаюсь на табурет. Тем временем Лаэль перебирает какие – то разноцветные бусинки, на свет их подносит, высматривает что – то.

Фигурки на вид обычные. По первому впечатлению – шахматные. Ладья, пешки, а это что массивное? На замок смахивает. В общем, детские игрушки. Смотрю на эльфийку, киваю, мол что?

– В древних летописях горных эльфов, – начала загадочно. – Есть упоминание о заготовках магов. Раньше было много силы в мире и не каждый мог ее собрать в свое тело или амулеты. Особенно для возведения башен и домов каменных. Делали заготовки…

– В смысле? – Перебила, хватая игрушечный замок, размером с ладонь. – Поставим на землю, произнесем заклинание и это вырастет в замок?

– Да, леди Валерия, – оживилась эльфийка. – Вот только не заклинание, а вода нужна и свет.

– И это вырастет в настоящий замок? Может попробуем сперва башню посадить?

– Все это ваше, решать вам, – прожала плечами. – Лаэль!

– Да любовь моя! – Воскликнул эльф.

Ути зайки мои, не могу ни умиляться от этой парочки. Когда – нибудь расскажут свою историю любви и как в плен к оркам угодили, пока не спрашиваю.

– Слезы Айри, – произнес Лаэль блаженно, протягивая в ладонях разноцветные стеклянные бусинки. – Использовать с умом, они одноразовые.

– Глотать по одной и в самых крайних случаях? – Сарказм так и прет. Они такие важные, когда об этих магических штучках говорят.

– Нет, нет, леди Валерия! – Пропищал с опаской. – Возьмите любую и на свет поднесите! Только аккуратно, не разбейте.

Взяла синюю. Это мой любимый цвет после встречи с Эреем Авелем. Вспоминаю его, и слезы наворачиваются. Куда ты пропал, солнце мое крылатое?!

На свет подношу бусинку размером с горошину. Стеклышко, как стеклышко, а внутри огонек горит синий. И что – то еще мелькает, будто вращается, сложно разобрать. Человечек?!

– Там внутри человечек?

– Да, леди! – Воскликнул эльф. – Увидели – таки! Значит, сумеете подчинить! Я не видел, только огонь, а вы увидели!

– Так что это?! Джин в бутылке?

– Голем, каждый питается своей стихией и использует ее в битве. Когда враг нападет, разбиваете слезу, появляется голем и выполняет ваши команды, пока не иссякнет или не растворится в сущем.

Мурашки прокатились по спине. А если выпущу злого духа, что своевольничать начнет?!

– Убирай это, заверни в пух и закопай подальше, – фыркаю. – Ну их, этих котов в мешке. Мало ли. Мы если что людскими силами разберемся.

– Тогда и колье ей не понравится, – пробурчала Алариэль своему ненаглядному.

– Какое колье?!

– Бриллиантовое, – пропищал эльф, протягивая футляр.

По мере того, как я открывала крышку, моя челюсть падала все ниже. Про слюну вообще забыла, когда блеск от камней пошел. Чудо такое невиданное у меня в руках. Мое!! Только мое!! Продам! Куплю машину, квартиру себе, родителям, виллу на берегу Карибского моря, заведу счет в банке и буду жить на проценты до самой пенсии!

– Леди?! Не поддавайтесь его чарам, – вернул меня в этот мир Лаэль писклявым нервным голосом. – Внутри камней тоже что – то есть, но нам неведомо. Может вы увидите? А мы подскажем знаки.

– Не хотелось бы быть подопытным кроликом, – усмехнулась горько, захлопывая футляр. Вещам тысячи лет, а они сохранились удивительно хорошо, тогда как все в Друме в труху превратилось под воздействием кислорода.

Смотрю на горе исследователей. Сникли оба.

– Леди, – начала эльфийка после минутный паузы. – Есть еще подобные слезы, вот только дающие магические свойства простым предметам. Мы не знаем какие.

Отмахнулась, еще раз на фигурки взглянула.

– Думаете выгорит? – Ехидничаю, кивают мордашки. – Пошли сажать башню. Испытания проведем на самой мелкой фигурке.

Решила в поле пойти у рощи, подальше от центральной дороги, чтобы вопросов не задавали, откуда тут башня проявилась вдруг. Спросят разрешение на строительство, штрафы пойдут, пени и неустойки, мало ли, какие у них тут порядки. Это я уже прогнозы строю. А сама не верю в эти побрякушки. Ну не верю и все тут!

Мира бежит с ведром воды и мотыгой.

– Закапывать будем? – Уточняю на всякий случай.

Пожимают плечами ушастые. Переодела их недавно в форму своей элитной гвардии. А то в лохмотьях ходили зеленых,

бедненькие.

Решила не экспериментировать с ямой. А то сдвинет еще мне земную кору, река из берегов выйдет или лава прорвется. А то и жители Друма… Поставила фигурку в центре полянки. Когда пальцы от нее отрывала, кольнуло что – то слегка. Вот она магия! Воодушевилась.

– Отходим на безопасное расстояние! – Командую с ведром воды в руках.

Лью! Сначала тоненькой струей, затем все из ведра вылила. Башенка упала под напором. Хотела поправить, но дыхание вдруг перехватило. Дышать стало тяжело. Отшатнулась, будто из вакуума вынырнула. Белый шар из башенки растет!! Пячусь назад, спотыкаюсь о кочку, падаю. Меня хватают сильные руки. Лаэль тащит! Ногами ему помогаю, перебирая. А встать так и не догадалась, все внимание на действо. Поднялась у рощи. Высматриваю, где Мира с эльфийкой. Успели, мои девочки. Фухх…

А на поляне творится что – то невообразимое. Белое марево, будто туман навис, ветер завывает, в смерч закручиваясь, кроны деревьев шелестят от порывов. Я уже пожалела о содеянном. Но поздно… Затрещала земля, молнии на поляне засверкали.

Уношу ноги прочь, пока шаровая молния не влепила. Позади треск, ветер свистит. Мамочки! Ударил озноб. Ощущаю, что температура вокруг упала градусов на десять. До самой реки мчались с Лаэлем. Эльф глаза вытаращил, за любимую беспокоится. Они тоже должны были спастись, в другую сторону убегали, видела.

Вскоре все стихло. Внезапно и разом. Пошли обратно, вслушиваясь, всматриваясь. Деревья вроде целы, мошкара поднимается с земли, опомнившись. Значит, радиации нет. Вышли на поляну. Уже через просвет увидела массивную глыбу из гранитных кирпичей. На высохшей траве лежит наша башня на боку, длинной на пол полянки. Конусовидная слегка, к верхушке сужается, окошки имеются, окантовка кирпичная вокруг. В толщину метров пять, в длину около тридцати. Хорошая была бы башенка. А лежачая

зачем нам она? Только поляну подпортила, растяпа. Творение под весом своим в землю вдавилась частично.

– Полезем внутрь? – Предложил Лаэль, обнимаясь с примчавшейся Алариэль.

– А вдруг она скукожится обратно, – выдаю. – Давайте испытательный срок ей дадим. Недельку, а потом на курах испытаем.

– Леди Валерия, – пропел эльф, трогая стену. – Камень вечен. Уже ничего не произойдет.

– Я вот на счет замка подумала, – выдыхаю угрюмо. – Мы не успеем отбежать.

– Воды надо было каплю, – говорит эльф.

– Как раз вовремя сказал, – гнусавлю.

На поляну прибегают мои солдаты с мечами на голо.

– Экспериментирую, – пытаюсь успокоить добрых молодцев. – Вы мне лучше скажите, что с колодцем?

– Копаем, хозяюшка…

* * *

Этим же вечером решилась на поездку в город. Я девочка ответственная и совестливая, считала, что в баронстве беды из – за меня начались. Теперь все налажено, квартиры семьям вручены, работы по озеленению ведутся, охрана есть. А мне пора и о сестре подумать конструктивно и по существу.

Карету купили, лошади есть, сопровождение тоже. Платье шикарное, кудри, штукатурка и прямиком к бургомистру. Взятка заготовлена, вопросы сформированы. Главный из них, как попасть на аудиенцию его величества, минуя всю эту бюрократическую сеть в лицах графа и герцога.

С мыслями, что утром отправлюсь, улеглась спать.

Приснилась Алинка! Как наяву.

Дворец белый мраморный, огромный. Балкон с видом на облака, что под дворцом стелятся, словно море. Она в платье зеленом, не пышном, скромном, но со вкусом. Волосы белые распущены. Сестра смотрит вдаль. Ее печальный профиль неподвижен. Вершины заснеженных гор виднеются, золотые потоки снежинок спиралью уходят вверх, вьются вокруг пика и выше облаков уносятся. Но мне не до этой красоты.

– Алина! – Кричу.

Понимаю, что не материальна я для нее. Или это видеоролик, где повлиять ни на что не могу. Туман наплывает, все вокруг мутнеет.

Сестра резко оборачивается! Смотрит голубыми глазками испуганно, застенчиво и виновато. Дыхание мое перехватывает, когда на ее тоненькой шейке цепь вижу, золотую, красивую цепь, тяжестью давящую и тянущуюся куда – то. Сердце разрывается, слабею.

Зеленый кафтан закрывает мне обзор. Пытаюсь обойти стороной, чтобы вновь увидеть мою кровиночку. Крыло расплавляется перед моим носом. Огромное, плотное, злое и колючее. Оно ведет меня к белым перилам, к пропасти.

– Верни мне сестру, Мор! – Кричу.

Смех, будоражащий душу врывается в мое сознание.

Он слышит меня!! Он знает обо мне! Знает кто она, и кто я! Алина в его власти!

Просыпаюсь и вижу потолок своей спальни. Ночь, на трельяже догорает свеча. Не могу засыпать без света после Друма. Сердце, взбесившись, стучит в барабанные перепонки. Холодный пот обжигает лоб.

Страх проходит. Я не в заточении, я не их рабыня. И это всего лишь сон. Но он и явил надежду, что Алина моя жива и здорова, животными Поляны миров не съедена и не на содержании у старика – извращенца. Просто попала в какой – то дворец в небесах прямиком к этим бабочкам. Что они с ней могут сделать? Раз жива,

значит нужна. Игрушка? Развлечение? Может рассказывает им сказки о нашем мире? Если память не потеряла…

В окна ударил свет, будто радуга или светомузыка с дискотеки.

Моя тревога, подогреваемая визгом и охами бабулек разгорается с новой силой. На улице глубокая ночь. Но никто уже не спит. Я понимаю, что такой свет может исходить лишь в одном случае. Прибыл владыка.

Срываюсь в чем спала, медлить нельзя, пока что – нибудь не сжег или не поломал. А в душе затаилась надежда, что пришел именно ОН. С порога понимаю откуда свет струится такой радужный. Он на поляне у башни нашей! Заинтересовался магией?! Башней с Друма?!

– Стой, хозяюшка! – Кричит Маргарита.

– Не ходи туда, умрешь! – Горланит Гордон, преграждая путь. – И нас погубишь!

– Вон с дороги! – Визжу, в руке лук возникает.

– Не пущу, – хрипит и на колени валится, сжимаясь. Ужас в нем сильнее любых порывов. Потому как свет усилился. И ни один из них не может противостоять Богу.

Но это не мой Бог.

Прошла мимо, размахивая белым балахоном. По дороге шествую, ощущая всеобщий страх. Люди на коленях во дворах. В полумраке не видно. Свет сюда проникает плохо. Но я знаю, что они все тут.

Бегу со всех ног, чтобы предстать перед ним!

У башни их трое!! Красный, белый и синий. Стоят, рассматривая сотворенную мною глыбу. Вопреки яркого света всматриваюсь в лицо синего владыки, стоящего в пол – оборона. Бегу к нему, понимая, что ночнушка просвечивается таким «рентгенным» светом, будто я голая.

Но мне плевать! Я увидела Эрея Авеля! И замерла, не решаясь сделать и шага дальше. Между нами нет никого, вокруг нас все размыто. Меня не интересуют другие. Только он.

Душит что – то изнутри. Давит… Хочу окрикнуть, но не могу.

Хочу идти, но ноги не слушаются. Впиваюсь взглядом в того, кто принес мне столько ярких и незабываемых чувств. А он смотрит на башню хмуро или озадаченно. Не могу прочесть его эмоции. Не могу дать о себе знать! Откуда взялась эта невидимая стена?

Молю, посмотри на меня, чудо ты мое. Удивись моим словам и поступкам. Это все для тебя. Я делаю все для того, чтобы ты поднял свои шикарные брови и улыбнулся мне так, как на той поляне, где мы встретились впервые. Ты увидел во мне интересного человека, ты сказал это правдиво. Ведь врать перед смертью не станет никто. Ты умирал и открыл мне тайну. Красота – всего лишь пыльца. А душа крылья. Я хочу летать над облаками... над всеми мирами. Заключи в объятия свою маленькую беспомощную человечку.

Падаю на колени без сил. Перегораю, как тонкая лучинка.

А он пристально смотрит на меня! Да так строго! Таю, как сливочное мороженое...

Сколько я себе там в женской голове передумала уже, перемыслила. Тысячу раз обиделась и столько же простила. Почему ты игнорируешь меня? Смотришь, будто я чужая.

Его взгляд меняется. Он полностью поворачивается ко мне и делает шаг навстречу.

– Это всего лишь обезумевшая человечка, – слышу я чей – то массивный голос и нахожу в себе силы увидеть его источник.

Блондин в белом кафтане, такого еще не видела. Новая бабочка цвета снега и серебра. Это он сказал, да еще таким пренебрежительным тоном!

– Я не смог, – прогремел красный владыка. Этого гиганта знаю. Кай Дариэль явился. Поджигатель чертов.

– Не смог что?! – Произнес Эрей Авель и повернулся к красному.

– Убить, – бросил тот в ответ с некой брезгливостью.

– Как она сделала это? – Гремит белый человек – бабочка, кивая на башню.

– Снизойди до человечки и спроси сам, – иронизирует Кай Дариэль.

Набираюсь сил, поднимаюсь. Эрей Авель поворачивается обратно, неспешно, глаза округлившиеся.

– Ты не помнишь меня? – Хриплю.

Замер. голубые глаза превращаются в синие… чернеют. Дышать не могу, будто что – то за горло схватило.

– Помню, – говорит вдруг, да еще с таким сожалением!

– Эрей подружился с человечкой? – Бросает вдруг красный с голосом полным иронии.

Они с белым начинают смеяться. Эрей раскрывает красивые крылья, заслоняя меня от обоих. Идет ко мне ближе. Мои коленки трясутся. Ничего не могу понять. Что им всем надо?! Почему мой Эрей Авель такой чужой?!

– Помню, как ты свидетельствовала наш позор, – шипит он и идет ближе. – Помню, как прикоснулась к нему. Осмелилась заговорить… Как я могу это забыть?!

В горле давит ком, а душа выгорает изнутри.

– Ты не ОН, – издаю жалобно и отступаю, не веря собственным словам. Утопая в горечи от собственных выводов. Ложь, заблуждение! Разубеди меня! Дай надежду!

– Я не Эрей Авель, – произносит сквозь зубы. – И не стал им, потому что нас предал Мор!

Я опустошена. Он не Эрей Авель! Мой любимый мертв, осознаю это в полной мере. Слезы застилают глаза. Я снова потеряла его. Реву… не могу сдержаться.

Плевать на все, рыдаю, как обезумевшая. Меня едва касается могучая рука. Вытирает слезу с моей щеки. Передо мной сидит на корточках двойник Эрея Авеля. И смотрит печально. Вижу, что удивлен. Сама ошарашена. Потому что почувствовала вдруг что – то необычное. Силу и слабость одновременно.

– Почему тебе больно? – Шепчет вдруг хмуро.

Это вопрос задан так, будто я снова на той поляне, в нашу первую встречу. В сердце искорка…

Ощущаю, что свет теперь только синий. Белый и Красный люди – бабочки улетели? Им до нас дела нет. Или это просто наше личное пространство?! Он закрыл меня своими крыльями, окутал ими.

Порывы ветра бьют по синим крыльям, будто в подтверждение моих слов. Взмыли к небесам владыки. Им не интересно, есть дела поважнее. А мне сразу стало легче. Их присутствие угнетало.

– Я убила его, – выдаю со всей ответственностью. – Он попросил, и я сделала это! А ты… ты не ОН! Как же так?!

Расширил глаза.

– Ты лишившая второго крыла?! – Произнес негодуя.

Но я не боюсь теперь. Уже нет. Приму все, что уготовано этими богами…

Кивнула, давя очередной порыв истерики.

Замер вдруг. Ни единого нерва не дрогнуло.

– Я был бы им, если бы сделал то, что сделала ты, – произнес спокойно. – И теперь понимаю, почему меня тянет к тебе. Ты частичка его. И ты приняла право преемства. Это противоречит законам Клесаны. И я не знаю, что будет дальше…

– Так ты он?! – оживилась. – Объясни мне!

Отшатнулся в испуге. Впервые я ощутила такую реакцию у гиганта!

– Объяснения не будет, человечка, – произнес с тревогой. – Но ты лишившая второго крыла, имеешь право на покровительство клана Эрей. Я Эрей без имени. Мор лишил меня его, ты лишила меня его, и сам Авель лишил меня его.

– Что нужно сделать, чтобы ты вновь стал Эреем Авелем? – Шепчу, подступая ближе.

– Тебе нужно умереть, человечка, – говорит тихо и с болью. – От моей руки и по собственному желанию.

Его боль… Ощущаю ее на подсознательном уровне. Шестым чувством впитываю. Мне не страшно, он не станет убивать меня, хочу в это верить.

– Я любила его, – произношу тихо. – Это чтоб ты знал.

Молчит. Не знаю почему, но тянет к нему, как к родному. Он Эрей Авель, просто потерял память. Бедненький мой…

– На тебе оборванная клятва Мор, – произносит вдруг с опаской. – Ты в королевстве, где покровительствует клан Мор, но клятва оборвалась, потому что ты часть Эрей и не можешь быть рабом. Поляна Миров задержала тебя на полпути к их дворцу.

– Помоги мне, – шепчу, хватая его за толстенный палец. Уже ничего не страшно!

Сперва он дергается, как пугливая лань. И замирает. В его лице сомнения… Вторая ладонь неуверенно накрывает мою крохотную ручку, вцепившуюся в его палец.

Эрей без имени закрывает глаза. Ощущаю тепло на сердце… Что с нами?! Что со мной?! Хочу прикоснуться к его лицу, к губам.

– Зачем ты дала клятву Мору, нашим злейшим врагам? – произносит едва слышно. – Зачем ты пришла в наш мир?

– Сестра дала клятву Мору, – говорю быстро, выходит это легко, когда чувствую его на своей коже. – А я отправилась за ней. Хочу забрать обратно.

Отпустил мою руку. Мягко, но неизбежно. Я под утренним сном в зиму, лишившаяся пухового одеяла. Смотрю на него с мольбой. Обними меня, или сама это сделаю.

– Она во дворце клана Мор, – прошептал с сожалением. – Вы лишили меня имени, я не могу даже рядом стоять с главами кланов. У меня нет права слова. Клан Эрей доживает свой век, без предводителя мы ничто.

Пытаюсь обнять. Поднимается, убирая крылья. Порыв мой выглядит глупо. Я одурманена им, а он смотрит хмуро, впился взглядом. В его голубых глаза укор!

– Не оставляй меня, – простонала, набравшись очередной порции смелости.

– Я должен быть со своим кланом, – говорит строго. – Эрей доживает свой век, мы должны с честью дослужить его своей королеве.

– У вас все так сложно и непонятно. Объясни мне…

– Нет, – обрывает строго, разворачивается, и уже из – за спины говорит: – Если бы ты не была человечкой, возможно, мы могли бы вернуть клану любовь Клесаны.

– Объясни мне! – Возмущаюсь.

Опускает голову и уходит. Понимаю, что не хочет смести меня порывом ветра от своих крыльев. Собирается взлететь, желает покинуть меня.

– Стой! – Кричу. Досада перерастающая в злость берет надо мной верх.

Останавливается. Бегу к нему, обходу, хватаю за руку, пытаюсь обнять, такого большого гиганта, обхватываю в районе пояса, прислоняюсь лицом и чувствую каменный живот. А он… ошарашен, неподвижен. Он в замешательстве!

– Поцелуй меня, – шепчу, уткнувшись носом в его шелковый кафтан. Запах цветов дурманит.

– Что? – Прохрипел Эрей без имени. Но так и остался неподвижен.

– Я приказываю, – шепчу, поднимая глаза к его склонившейся голове. – Целуй, сказала.

Отстраняет меня мягко. Его сила неоспорима. Я кукла в его мощных руках. Взгляд голубых глаз неотрывно принадлежит сейчас мне. Опускается ниже, склоняется. Его золотые кудри ласкают мои щеки. Губы приближаются к моим. Я чувствую его дыхание… Замираю каждой частичкой тела.

Наши губы касаются друг друга. И все вокруг уже не важно. Оно пустое. Весь мой мир сейчас на моих губах, что чувствуют мягкость и нежность, силу и величие. Мой Эрей Авель! Хватаю его за могучую шею. И беру свое. Целую страстно, осыпаю поцелуями его большие губы. Они сейчас в моей власти. Я… я достойна! Я заслужила! Я прошла через многое, чтобы ты был моим! Вспомни же меня!

Вспышка. На миг решила, что не чувствую больше тела. Сладость таит на губах, утекают ощущения нежности, безмятежности,

волшебства, слово вода сквозь пальцы.

Эрей без имени смотрит на меня свысока. В его глаза ужас, непонимание. А я сижу на траве, пытаясь понять, как тут оказалась.

– Никогда больше так не делай, человечка, – говорит ровным голосом. А мне ножом по сердцу. Но я не собираюсь больше реветь. И бегать за ним тоже.

Вскакиваю, гнев прорывается изнутри.

А он пытается уйти.

– Куда ты торопишься, Эрей без имени? – Рычу, преграждая путь. – А? Какие у тебя дела? Какие могут быть у божка дела? А?!

– Защищать человечков от порождений Поляны миров! – Гремит человек – бабочка, накаляясь от гнева.

Слова проносятся как ураган и бьют в лицо, но я стою мужественно, упорно. И не таких на Поляне мочила, так, к слову. А он продолжает:

– Если не буду этого делать, человеческие короли перестанут приносить пыльцу. Мы и так лишились множества королевств, потеряв лидера. Наши подношения Клесане ничтожны. И вскоре последняя надежда на ее любовь будет утеряна. Тогда мы, клан Эрей, умрем мучительной смертью, лишившись солнца. Но даже после этих слов, человечке, пусть даже получившей дух Авеля, не понять сути Мироздания Клесаны.

Замолчал. Последние фразы говорил остервенело, зло, пренебрежительно.

Он – чужой… не мой Эрей Авель. Пыльца! Всюду эта пыльца! Начинает злить это высокомерие, возвышенность и превосходство.

– Что такое пыльца? Какой от нее толк? Красота?! – Рычу на него. – Кому она нужна! Если каждый может быть красивым от пыльцы, зачем так возвышать ее? Другое надо ценить! Другое…

Хмурится. Разжигаюсь изнутри, хочу высказать все, что о нем думаю.

– Это было к слову! – Продолжаю, набирая обороты. – Теперь об уменьшительно – ласкательном «человечка»! Это неверная

интерпретация! Человек! Я – человек! Тебе ясно? Бабочка несчастная?! Не можешь помочь? Пыльца важнее? Ну давай, лети в свои королевства и подгоняй рабов, награбленных с других миров. А мне к королю надо. И знаешь! Я сама все сделаю. Чтобы ты понял, человечка в клане Эрей – это очень даже сильно! Ты будешь жалеть о том, что посмеялся надо мной! Пренебрег и не стал вникать в суть моих проблем. Эрей без имени!! А я – Эрей баронесса Валерия Балейская с Земли! Запомни это имя! Дам вам тут всем жару! Насекомые несчастные!!

Замолчала. Устала кричать. Стоит человек – бабочка, смотрит круглыми глазами. Вылила на него все, что наболело, теперь сомневаюсь, стоило ли?!

Не ответил ничего. Только крылья стали вырастать. Поняла, что не будет никуда уходить, так взлетит. Специально, чтобы в башню впечаталась.

Стою принципиально на месте. А он снова на меня с укором взглянул.

– Ты бы отдала жизнь за свою сестру, Эрей Валерия? – Спрашивает вдруг с некой иронией в голосе.

Сглатываю. Понимаю, о чем он говорит. Добровольно умереть, чтобы он стал главным и сумел поговорить с Мор по поводу моей сестры. А если Мор откажет? Сомнительный план.

– А Кселана знает, что Мор победил, нарушив ее правила? – Перевела тему.

Потупил взгляд.

– И не узнает, я не осмелюсь сказать… – говорит тихо.

– Даже не спрашиваю почему, – усмехнулась. – Мне, человечке, не понять.

Кивнул, развернулся и пошел прочь. А я кончилась, все, сил моих больше нет.

Стояла, пока не улетел.

Шла до дома, держалась стойко и не ревела. Погано на душе, ощущения, будто обидела его. Саму обида грызет и разочарование.

Эрей Авель казался высшим существом. А этот… пыльца, пыльца, ублажить королеву, заслужить любовь. Не та ли это Кселана, что в записях раскаяний старика с Друма прозвучала? Они ведь все оттуда. И к башне не просто так прилетели. Чуют что – то свое. Вот и зацепки пошли. Надо будет как – нибудь собрать войско и вернуться в Друм, чтобы до центра управления добраться и расспросить подробнее их базу данных или оракула, или кто там у них за электронный мозг.

Мысли о деле отвлекли от наплывающих порывов истерики. Но стоило дойти до постели, все… прорвало. Ревела до самого утра. Он говорил одно, но чувствовала я другое. Наши объятия и поцелуи были так волшебны, так натуральны и искренни. Вспоминаю и бросает в дрожь, не хватает этого, ломка такая, что чувствую себя наркоманкой без дозы. Вдобавок, повела себя, как дура.

Он тоже раб, как и все эти бабочки. Раб Клесаны.

Душевные терзания прошли под утро, когда появилась Маргарита и объявила тревожно, что прибыли важные гости. А я зареванная, не выспавшаяся и растрепанная лахудра.

Глава 13
Гости дорогие

С развитием экономики появились случайно проскакивающие мимо рыцари и порученцы лордов. Стоило принять в дом, выйти в нормальном ухоженном виде, как сыпались горячие речи: «мой меч к вашим услугам, леди», «мое сердце теперь принадлежит вам» и тому подобная чушь. Но меня терзало два факта! Никто из них не умел читать! И от них воняло!

Безграмотные, вонючие, но красавчики! Я не поклонница бразильских сериалов! Чем меньше поддавалась на их чары, тем больше очаровывала.

То были рыцари. А теперь прибыл высокий лорд!

Кое – как собралась, девочки причесали. По большому счету мне плевать кто там прибыл, и что надо. У меня цели ясные. Мои бабульки как всегда нагнетают страстей. Им что рыцарь, что президент, глаза на выкате и излишняя суета.

В окно выглянула. Столько блеска на нашей скромной улочке еще не было. Рыцарей понаехало, будто турнир у меня намечается.

Вышла на крыльцо. Теперь строго настрого запретила всех без разрешения пускать. Им видите ли достаточно доспехами сверкнуть, и они везде вхожи. У меня порядки другие, все во дворе ждут.

Передо мной предстает виконт Юджин в красивом салатовом кафтане, усеянном не иначе, как изумрудами. Та самая сверкающая улыбкой мордашка, что предлагала мне переспать за покровительство. Сейчас он не выглядел так мужественно. Доспехи делают крупнее и воинственнее. Рыцари в доспехах, что неподалеку, выдают хороший контраст. Обычный высокий самовлюбленный мужчина, имеющий кучу вассалов и слуг, не говоря уже о землях и деревнях. Я все это по довольной ухмылке читаю.

Первый вопрос хотела задать – чего надо? Гордон научил отличать рыцарей от простых солдат. У первых – щиты с гербами и доспехи в полном комплекте. В прошлый раз войско виконта состояло из кучи солдат и всего десятка рыцарей. Видимо не успел собрать больше. Теперь лишь рыцари в количестве двадцати пяти человек. Это первое, что меня побеспокоило. Слишком велика честь для мирного времени.

– Рада вас видеть, виконт Юджин Ирнский, – произнесла с хрипотцой.

– Миледи! – Воскликнул, будто между нами не было ничего плохого. Подскочил, ухватил ручку, причмокнул, вернее обозначил, скотина. – Я рад видеть вас в расцвете и здравии. Мы от графа, гнали лошадей сутки. Могу ли нижайше погостить у вас недолго, напоить коней, накормить рыцарей?

– Вилен! – Кричу одному из разбойников.

– Да, леди!

– Распорядись отвести лошадей к реке, – говорю строго. – Серафима, рыцарей в столовую гвардии отведи. Лорд Юджин, – перевожу взгляд на несколько оторопевшего гостя. – Прошу вас в дом. Расскажете, с чем пожаловали и что надобно.

Уселись за стол. Маргарита с внучками хлопочут. Недавно поняла, почему их там зовут, в честь Поляны миров. Поля и Мира. Ни ума, ни фантазии у родителей, обе похожи на Тань.

Стол от еды не ломится, но разнообразием играет. Маргарита с чистой совестью налила виконту компот.

– За новый этап в вашей жизни! – Объявляет тост, поднимая бокал.

Реакция на компот была неоднозначной. Он ожидал вино, а вышел сливовый компот, вот незадача.

– Пропагандирую трезвый образ жизни, – улыбаюсь ехидно. – А что вы имеете в виду, говоря о новом этапе?

Замешкался с ответом. Стал нервно елозить ножом по тарелке. Яичница по моему рецепту вышла хорошо, правда подгорела снизу,

и так просто кусочек не отделись.

– Вы наладили упадочное хозяйство барона Долтана, – начал, кривясь и продолжая биться с куском непокорной яичницы. – Это похвально. Но складывается ощущение, что вам просто некуда деваться раз решились на грязную работу.

– Грязную? – Возмутилась.

Поднял глаза, удивляясь моей реакции.

– Сравнимо, если сюда прибудет император Карл и начнет завоевывать баронства соседей, – произнес с усмешкой. – Наверное, вам это сравнение несколько не подходит. Скажу иначе. Ваша красота пропадает в этой дыре. Вы не находите, что скоро пройдут ваши годы, вы станете старой и никому ненужной?

– К чему все это, сэр Юджин? – Ехидствую. – Фрейлиной я быть не собираюсь, любовницей вашей тоже. Да и чьей – либо еще. Что у меня есть, тем и довольствуюсь. Мне от вас ничего не надо, и от рыцарей ваших тоже. Я самодостаточна.

– О! – Воскликнул с некой иронией, но по движениям вижу, что нервничает или злится, не может справится с яичницей. – У вас есть гвардия, так называет свою личную отлично подготовленную охрану сам король Гораций. Удивляюсь вашей организации и находчивости. Дома отстроили на какие – то средства, мост восстановили, казарменной системой попахивает и гарнизонным укладом. С чего такие идеи? Кто вас финансирует? Скрытый покровитель? О какой самодостаточности речь? Если я видел ваше жалкое состояние в прошлый раз, и теперь вдруг вы так поднялись после моих намеков о покровительстве. Вы лукавите.

Пытается вывести из равновесия, по глазам вижу. Поднимаюсь, он следом.

– Сидите, лорд, – произнесла строго.

Присел, запоздало осознав, что поддался моему напору. А я уже сбоку подошла, ощущая его напряжение, некоторое смятение и недоумение. Взяла вилку с ножом и разрезала на четыре части кусок его яичницы. Ловко, быстро и без лишних движений.

– Воооот так, так и так, – приговаривала с издевкой.

Затем присела обратно. Лорд откинулся на стуле и посмотрел на меня ошалело. А я решила добить окончательно:

– Самодостаточность – это когда даже тупым ножом и кривой вилкой можешь справиться с яичницей, дорогой мой виконт Юждин.

Минуты две смотрел. Мои девочки все за дверью попрятались. В воздухе витало напряжение. А я упивалась такой ловкой подковыркой.

– Самодостаточная леди, – начал снова кривясь. – Это та, что за собой убирает.

– Не поняла?! – Взвинтилась.

– Орков вы перебили? – Начал напирать. – А тела графу за вас убирать?

Теперь я оторопела.

– Вот, – усмехнулся, пальчиком грозя. – А вы леди, не просты. Мага прячете? Тела со следами убийств несколько не простым способом. Я понимаю, что вы не местная, бежали откуда, иль решили доказать своим родственникам что – то. Но на землях герцогства Ирн порядки соблюдаются наши. А не ваши, это ясно?

– Вполне…

– Так вот, – оборвал, подавая корпус вперед и отодвигая тарелку в сторону, чтобы локти поставить. – Королевство нуждается во всех боевых магах, без исключения. И ваш мог бы послужить на благо. Орки атаковали наши крепости и уже порядком расшатали оборону. Не ровен час, они прорвутся.

– Знаете что, – выдавила, хмурясь. – Вот вы туда – сюда скачете, рыцарей своих демонстрируете, или как это понимать? Если в каждом графстве бездельников мужского пола шныряет, как в этом. То можно и на армию наскрести, и резервы пополнить, и укрепить оборону. А не заниматься турнирами и балами. Орками меня тут вздумали пугать. Были недавно орки, своими силами справились, и прорвавшихся если что остановим.

Рассмеялся искусственно.

– А вы не просты, – выдал уже серьезно. – Мага, значит, не выдадите. Хорошо.

– Сэр Юджин, как вам яишенка? – Произношу издевательски.

– Ну, я рассчитывал на мясо, – усмехнулся шутник.

– Зачем приехали, – обрезаю.

– Мне поручено подготовить баронство к прибытию представителя казначея и члена совета кабинета герцога Нестора Ирнского, – произнес важно и уставился пристально.

Реакцию мою хочет узнать?

– Что он тут забыл?

– Леди, – начал с укором. – Вы меня не перестаете удивлять. В вас манеры и речь аристократки, но иногда мне кажется, что вы обычная деревенская баба, имитирующая манеры.

Вскочила. Он следом.

Голубые глаза Юджина сверкнули синевой.

– Не думайте, что я не знаю, кто вы, – произнес угрожающе. – И я не простой рыцарь, леди Валерия.

Стол между нами вдруг стал рассыпаться в труху, посыпалась посуда с едой. Я отскочила в ужасе, едва не вызывая магический лук. Не знаю, что остановило, наверное, непонимание происходящего.

– Я маг третьего уровня, – произнес грозно и доминирующе. – Если хотите бросить мне вызов, подумайте сперва. Хотя в вас магии как таковой не увидел. А зачарованные вещи, это уровень жалкого адепта. Не стоит на них полагаться, они не защищены от магий поглощения и многих других.

Выдохнула с некоторым облегчением. Не видит во мне пришельца, уже лучше. Но страх не отступил. Стою, забившись в угол столовой комнаты. За стол жаба душит.

– Леди, вы меня боитесь?

– Королевство нуждается в магах, – пропищала, цитируя его.

Усмехнулся.

– Я не совсем боевой маг, – произнес важно. – Но вашу одежду могу легко устранить, стоит только пожелать. Продемонстрировать?

Отрицательно мотнула головой, сжимаясь всем телом. Страшно! Ощущение дискомфорта на кончиках нервов, ведь я в его полной власти!

Пытаюсь привести себя в равновесие. Тем более он улыбнулся, скотина такая.

– Вопрос о покровительстве остается открытым, – проговорил мягко, фальшь отчетливая. – А теперь, хотел бы взглянуть на вашу башню. Удивительно сильная от нее исходит аура. Я даже удивляюсь, как раньше не заметил эту чудесную бесполезно валяющуюся штуковину.

Кивнула, не в силах и слова сказать.

– Ваше присутствие не требуется, – снисходительно добавил.

Когда он вышел, я ощутила слабость и горечь. Казначей? Зачем он тут нужен?! Описывать земли? Состояние мое измерять, чтобы отобрать все?! На аукцион или в дар лорду герцога?!

Накрывает отчаяние. С одной стороны, это все не мое, оно временное. И я допускала мысль, что Шоберт заявится с грамотой о том, что герцог передал все ему. Думала, смогу выкрутиться, Гордона мужем представить или троих мальчонок детьми Долтана. А с другой – я тут трудилась, душу вкладывала, у меня девочки малолетние под крылом, бабушки старые. Куда их?!

Неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы до короля пробиться. До Мора дойти и по поводу сестры спросить. А если нет возврата на Землю? Где мы с Алиной жить будем?

Вот она… мысль сама и пришла. Дом тут мой, худо – бедно, но уже могу это место так называть. Я оптимист по жизни, но понимаю, бывают и обломы. Если нет возврата назад. Нужно, чтобы и в этом мире мы не пропали.

Душит досада. Я поднимала хозяйство, а теперь понаедут чайки и заберут готовое. А я ничего сделать не смогу с этими рыцарями и магом Юджином. Магом… бросает в дрожь. Как он так со столом сделал?! Брр…

Рыцари разбрелись по деревне. Места себе не нахожу. Юджин вынюхивает что – то около башни. Идти туда не решилась, версии все мои по этому поводу не проработанные. Проведала эльфов, что забились в хранилище артефактов. Переживают за меня, за себя. Гордон пропал куда – то, видимо на глаза попадаться не хочет этим людям.

* * *

Делегация прибыла во второй половине дня. Три шикарные кареты с целой толпой всадников. Из самой огромной кареты высыпали мальчишки лет пятнадцати, одетые красочно. Стали хлопотать у расписной золотом дверки. Вскоре появился толстый лощеный мужичок, разодетый, как восточный купец. Пажи его за обе руки поддержали, чуть ли не расстилаясь под ногами.

И это какой – то представитель казначея! И даже не королевского казначея, а герцогского! Пафос так и прет с важным выражением лица, осыпающим все вокруг брезгливостью.

Появился и Юджин, что никак не мог налюбоваться моей башней.

– У вас десять секунд, леди, чтобы принять мое предложение, – произнес быстро. – Другого шанса не будет.

Промолчала, наблюдая, как вьются вокруг представителя казначея красивые мальчишки.

Виконт фыркнул надменно и устремился к чиновнику.

Поклонился ему. Они обменялись парой фраз. Ничего не разобрала, приехавший говорит тихо. Затем из – за плеча виконта выглянула толстая мордаха чиновника, которая тут же скривилась. Значит, он обо мне сказал.

Хотела подойти поздороваться, но мне преградили путь солдаты со стальными нагрудниками и мордами кирпичом.

Не обращая на меня никакого внимания, чиновник стал раздавать задачи своим подчиненным, которых набежало человек пятнадцать.

И вскоре те с длинными рулонами бумаги и перьями стали расходиться по округе. У каждого из них по пацаненку в придачу с письменными принадлежностями.

Наконец чиновник снизошел и до меня.

Только солдаты расступились, я увидела, что толстяк уже сидит на стуле, больше напоминающем кресло. Его обмахивают со всех сторон веерами кудрявые белобрысые мальчишки. Наскоро строится навес из ткани и деревянных ножек.

– Ближе подойдите, леди, – раздался строгий голос Юджина, что встал с правой стороны от чиновника.

Пошла, как школьница к доске. Чиновник смотрит на меня болотными глазками из – под густых бровей, морщинки на лице изогнулись, обозначая брезгливость.

– Кто вам дал право распоряжаться данным хозяйством, женщина? – Произнес грубо. Меня, как кнутом огрело от таких слов.

– Я жена…

– Молчать! – Рявкнул вдруг Юджин. – Высокий лорд не давал слова!

– Но он же спросил…

– Я сказал, молчать! – Взвизгнул виконт.

Стою трясусь.

– Этикета не знает, – начал мямлить чиновник, глядя на Юджина. – В грязи сама возится, не ведает законов великого герцога Нестора. Отчисления в казну не платит, разрешение на сборы дорожные не получала, прошений не подавала. – Перевел взгляд на меня. – Ты с каких гор скатилась, женщина? Отвечай!!

Сглотнула. Слова в горле застряли.

– Определяй ее на кухню, – махнул рукой чиновник, не дождавшись ответа.

В груди холодеет. Какая я баронесса, обычная крестьянка… Уже не смотрю на них, плывет все вокруг. Шок накрывает. Судья вынес вердикт. У меня аргументов ноль, ляпну что – нибудь и с кухарок переведут в уборщицы сортиров…

– На какую кухню, милорд? – Услышала лизоблюда Юджина.

– К Шоберту. Пока под арест до выяснения. Опишем имущество и заберем в казну ценное. Земли достопочтенный герцог по предварительному решению передает барону Шоберту. Карты нарисуем с границами, в трех экземплярах. Давно документация по этой части герцогства не обновлялась. Разверните палатку, в дом покойного не пойду, грязью сапоги пачкать. Шевелитесь быстрее, олухи! Воняет эта помойка курами и навозом!

Солдаты подхватили меня грубо и повели к крыльцу под руки.

– Из дома не шагу, женщина, – пробурчал один из них и захлопнул дверь перед носом.

Минуты две стояла, уткнувшись в деревянную дверь, давила слезы и переосмысливала происходящее.

Обернулась. Стоят Мира, Поля, Серафима, Маргарита и Варлам. Смотрят так жалобно и жалостливо. Вот сейчас в пору и разразиться. Но держусь. В этом помогает парочка эльфов с луками на изготовке, что стоят на лестнице и смотрят по – боевому.

Поднялась на второй этаж, в комнату свою зашла. В окно посмотрела. А улица синевой отдает. И тут до меня доходит, что это какая – то пленка дом окутала. Отшатнулась.

Силовое поле установили, сволочи. Вижу, что и наемников моих ограничили. Ходят вокруг да около. Солдаты им пройти в дом не дают. Разбойникам нужно отдать должное. Прятаться не стали. Вижу Нила, оружие не отдает, народ свой собирает. Настрой у ребят действовать.

В комнату эльфы вошли.

– Леди Валерия, – пропищала Алариэль. – Мы вас не отдадим, умрем за вас.

Обняла эльфийку. Волосы шелковистые глажу, а она меня по спинке. Вот вы зайки мои хорошие, ради вас и стараюсь.

– Слезы Айри давай, – говорю Лаэлю, у того глаза расширились и наполняются невольным ужасом.

– Сколько? – Уточняет.

– Все, и колье. Будем отбиваться. И замок неси, мы переезжаем.

Убежал за артефактами.

Снова подошла к окошку. Боевой настрой и у меня разрождается. Не знаю, что будет дальше. Но так просто не сдамся. Крестьянкой меня сделают? Это значит насиловать будут кому не лень. Знаю я это, на мир через розовые очки давно перестала смотреть. Если на каторге такое чуть не случилось, то на кухне уж тем более. Кухарок насиловать – самое первое дело у лордов. Где – то я такое слышала и не раз. И своих в обиду не дам. Девчонки мои маленькие еще. И таких же в деревне с десяток, ходят в рот мой заглядывают. Их по миру пустить?

Орки у них, видите ли, напирают. Превращаюсь в злую ведьму. Нет, мои дорогие лорды и рыцари, теперь на два фронта придется вам воевать. И я костью в горле стану…

Накручивала себя, разжигала решимость, пока снизу не окликнули:

– Леди Валерия! – Голос отдаленно знакомый.

У меня в руках бусинки с големами, целая горсть. В карман высыпала, запоздало понимая, что неаккуратно. Все это нервы…

Вышла на зов. Стоит Милан в сереньком кафтане под цвет глаз, тот самый мужчина, что гостил у барона Шоберта и представился порученцем некого маркиза. Вид у него обеспокоенный, или даже – озадаченный. Не ощутила к нему неприязни. Назвал меня по имени, значит, уважает и не считает крестьянкой – кухаркой.

– Сэр Милан? – Воскликнула с некой радостью. – Добрый вечер. Какими судьбами в наших краях и в такое неспокойное время? Маргарита, накрой…

– Не нужно, – обрезал и ко мне направился.

Стою оторопела, ручку мою целует бледную и холодную.

– Выйдем к лорду Теодору, – предложил мягко. – Он несколько неверно воспринял вас, и, возможно, невольно нанес оскорбление.

Иду за ним. Это он о чиновнике так. Зажглась искорка надежды.

Вечер, факела, шатер, люди вокруг. Куры кудахчут недовольные. Их тоже пересчитывают? Что за бред?

Мои ребята в несколько групп сбились. Меня увидели выпрямились, засуетились.

– Стоять! – Взревел кто – то из чужаков. – Никто вашу леди не арестовывает и не увозит.

– Да нам плевать! – Вскликнул гигант звеня сталью. – Понаехало солдат на одну – то женщину! Пропустите!

– Не велено! Мы охраняем лорда!

– Леди Валерия! – Гаркнул Нил. – Только скажите!

– Я сама, – выдаю набравшись сил и уверенности. – Если что…

– Леди не подобает так говорить, – прошептал на ухо Милан, осекая.

Солдаты расступились перед входов в огромный шатер. Быстро же они его возвели.

Внутри стол большой, узнаю недавно сколоченный со столовой, на нем уже пажи рисуют карты, Юджин что – то высматривает, на меня никакого внимания. Высокий лорд восседает, кушая мою еду, что деревенские приготовили. Мясом пахнет, целого поросенка ему поджарили, на которого мы всей деревней молились. Лорд сам поросенок еще тот.

Меня увидел, нахмурился.

Заметила священника нашего, в сторонке стоит скромно.

– Леди Валерия Балейская, – без тени волнения и с напором произнес Милан.

– По – моему я ее уже видел, – брякнул Теодор, всплеснув руками. Мальчишка подал ему полотенце, чтобы тот вытер свой усатый рот.

– Жена барона Долтана, засвидетельствован брак отцом Софоном. Отец Софон, подойдите, покажите записи, – мягко, но настойчиво проговорил Милан.

Старичок, что нас бракосочетал неуверенно стал походить. Но солдат преградил ему дорогу, вырвал из рук коричневую массивную книгу и подал чиновнику.

– Какая страница? – Брякнул Теодор, кривясь от книжки. Видимо, она показалась ему грязной.

– Сорок шестая, – прохрипел Софон, опустив голову.

– А ты баронет Милан Релесский, по какому поводу молвишь за эту проходимку? – Проговорил чиновник, листая книгу. – Или маркиз Эрих решил присягнуть нашему герцогу Нестору?

– Нет, лорд Теодор, – ответил Милан грубым тоном. – Он за справедливость. Отыскали запись?

– Отыскал, – пропел Теодор. – Род не указан, титулы тоже. Безземельная проходимка, все, как сказал барон Шоберт.

Я убью эту свинью. Хмурюсь.

– Брак засвидетельствован? – Настаивает Милан.

Хлопок книжкой заставляет вздрогнуть.

– Да, – кивает чиновник. – Но это ничего не меняет.

– Меняет, – произнес Милан и улыбнулся.

– Не забывай с кем говоришь баронет! – Раздается грозный голос Юджина позади.

Милан делает пол – оборота к виконту и смотрит так оценивающе и брезгливо.

– Мой лорд маркиз Эрих Релесский, – говорит ровным тоном Милан. – Мой герцог не Нестор Ирнский. Но у нас есть общий покровитель в лице короля Горация. А маркиз Эрих вхож в кабинет высших советников королевства.

– К чему ты клонишь, баронет? – Пробурчал чиновник, акцентируя на титуле. Вероятно «баронет» – это очень низкий титул раз виконт ему пытался указать.

Стою, не решаясь и пикнуть. Мужчины спорят. Милан поворачивается к чиновнику и продолжает, улыбаясь:

– К тому, что о некоторых противоречиях в законах и порядках внутри королевства могут узнать и те, кто стоит выше вашего сюзерена в лице герцога Нестора. Быть может, это покажется циничным, но я на вашей стороне. Что подумают другие высокие лорды? Ваши соседи? Как будут поступать в прошениях, когда все

окажется с точностью, да наоборот? Не напомнят ли вам ситуацию с Балейскими?

Заметила, что чиновник даже сглотнул. Баронет продолжал, наращивая успех:

– Как всем высшим лордам известно, а особенно членам ордена Золотого ириса, барон Долтан Балейский, красный рыцарь и герой королевства, за высшие заслуги перед королевством имел земли, закрепленные за ним с правом наследования. Баронесса Валерия унаследовала его титул и земли. По законам герцога Нестора, они могут быть переданы любому вассалу, в случае, если в роду Балейских нет члена мужского пола. Но ничего не сказано, когда он должен появится. Валерия молода и довольно красива, она может найти себе мужа и тогда все ее владения перейдут ему. Точнее они будут владеть ими равноправно. В случае рождения сына, все споры по отчуждению земель будут исчерпаны окончательно.

Милан замолчал. А в моей груди закралась надежда, что они отстанут, скушают аргументы находчивого баронета и свалят к себе. А я рвану в город, как и хотела сегодня!

– Сладко поешь, – выдал Теодор после минутного раздумья. – Соглашусь, что безземельная и не титулованная проходимка Валерия унаследовала титул баронессы. Соглашусь, что и земли. Но ее произвол с поборами и стройкой, неизвестной магией и своими порядками будут вынесены на высший совет герцога. И вопрос об лишении ее титула будет поднят на первой же повестке. Также будет вынесено предложение по ходатайству сюзерену вашего покровителя, о невежественном поведении его вассалов.

Замолчал. Смотрю на Милана. Не унывает. Хотя я поняла, что один высокий начальник будет жаловаться другому на поведение его подчиненных. И Милан может пострадать.

– Лишь после суда лордов вы сможете заниматься тем, чем занимаетесь сейчас. Или у вас уже есть грамота с решением? – А Милан снова за свое.

– Ты забываешься, баронет, – прорычал Юджин.

Милан отмахнулся и кивнул вопросительно чиновнику. Вижу по толстой краснеющей морде, что тот кипит от гнева.

– При всем уважении, лорды, – проговорил Милан мягко, не дождавшись ответа от чиновника и вдруг перешел на строгий тон. – Леди Валерия может применить силу, если посчитает ваше вторжение незаконным, оскорбительным или порочащим ее честь. Никто из вас не является ее сюзереном. А лорду Нестору и графу Арлену она присягу не давала. Значит, может прямо сейчас отдать команду своим людям начать резать ваших солдат и даже убить вас.

– Да как ты смеешь! – Взревел Теодор с глазами на выкате.

Зазвенела сталь. У меня душа ушла в пятки. Все солдаты с мечами наголо. За пологом шатра тоже неспокойно. А Милан улыбается.

– Так случилось, – начал он радостным тоном, что был сейчас не просто не к месту, этот тон провоцировал на еще больший гнев. – Маркиз Эрих со своим отрядом в сто тяжеловооруженных конных рыцарей находится сейчас в гостях у барона Ролана. С давних времен, они друзья и занимаются совместной охотой на землях барона. У того, знаете ли обширные леса на востоке, непроходимые, дремучие, охрана лорду нужна большая. Так вышло, что он знает о леди Валерии и ее проблемах, готов в любой момент оказать поддержку. Вы меня понимаете, лорд Теодор?

– Я убью тебя прямо здесь и сейчас, – прошипел Юджин.

– Не думаю, – ответил спокойным тоном Милан. – Ты можешь лишь попытаться. Тогда я буду прав и не понесу наказание за убийство.

Я посмотрела на своего защитника. Ощущая, что готова разбить хоть все слезы Айри, лишь бы не дать этому человеку погибнуть из – за всех этих глупостей. Жизнь… она дороже.

Наступила гнетущая тишина.

– Прошли вон, оба, – прошипел, наконец, Теодор.

Напряжение схлынуло. Милан подхватил меня за руку, и мы вышли из шатра. Снаружи что свои, что чужие стояли, ощетинившись.

За нами вышел один из пажей чиновника и визгнул:

– Лорд желает отбыть! Сбор! Сбор! Сбор!

– Ну и хорошо, – усмехнулся Милан. – Теперь можете распорядиться накрыть ужин, леди Валерия…

* * *

Маргарита быстро накрыла у меня в комнате. Ввиду отсутствия стола на кухне.

– О! – Воскликнул баронет, когда увидел двух эльфов, с мечами в руках. – Вы не перестаете меня удивлять!

– А когда я успела – то? – Ухмыляюсь, напряжение спало, можно и дышать спокойно.

– Все началось с рассказов про вашу Трою. И о Карле третьем мнение довольно интересное.

– Читала книжки, – пожала плечами.

– Не могли бы оставить нас с леди для важного разговора? – обратился он к эльфам. – Обещаю, без глупостей.

Те на меня посмотрели. Кивнула.

– А вы боец, – произнес Милан, кушая жаркое на письменном столе.

Сижу рядом, кусок в горло не лезет. Локоны сдуваю, что на глаза надвигаются периодически и воду пью. Такой стресс пережила. Чуть ли войну не затеяла. Слезы Айри до сих пор в кармане перекатываются.

– С чего вы решили?

– Этот взгляд, – отвечает, прищурившись. – Такой боевой. Мне показалось, или из шатра вы бы никого не выпустили живым?

– Юджин маг, – первое, что пришло на язык. Осеклась, но поздно. Удивился такому ответу.

– Вот даже, как, – усмехнулся, хлебая компот. – О! бесподобно. Ваш рецепт? – Киваю. – То есть, вы бы стравились с десятком

мужчин, если бы не было мага?

Пожимаю плечами. Смотрит с укором.

– У нас мало времени, леди, – вдруг говорит.

– О чем вы?

– Вы ведь поняли, что я блефовал? – Заявляет.

– Не совсем...

– Что касается покровительства, то правда. Но Маркиз Эрих будет добираться сюда пять суток в лучшем случае. Поэтому сейчас мы без его поддержки. Сам граф Теодор не сподобиться для проверки моих слов. А вот подлец Юджин может послать гонца к Ролану.

– Вы не ладите с Юджином?

– Что вы, подлец – это тот же друг, только...

– Давайте без сарказма. – Обрезала. – Что надо от меня вам? Интерес какой? В мире ничего не бывает бесплатно.

– Не постель, леди, простите уж за прямоту. И если разочаровал тоже не корите. И не брак по расчету тем более. А ваша голова.

– В смысле?! – Сглотнула.

– Ой, прошу прощения, – смеется виновато. – Ваше мышление. Мой покровитель заинтересован в таких, как вы, нестандартно мыслящих. Я провел собственное расследование, касаемо дел Балейского баронства. Не скрою, заинтересовался после вашего визита к Шоберту. Вы подняли это владыками забытое место за пару месяцев. И при этом подчинили себе людей и нашли средства. Пусть, эта ваша тайна. Но в одну я все же влез, уж извините за мое любопытство.

И достал одну из моих грамот!

– Великолепная подделка, – прокомментировал рассматривая. – Некоторые ваши гвардейцы не умеют обращаться с такой ценностью, как документы и бросают их где ни попадя.

Сглотнула. А он посмотрел заинтересованно.

– Где вы нашли такой станок? – Спросил вдруг строго. – Не лгите мне, иначе не смогу вам помощь.

Его давление вызвало тревогу. Но раз уж раскусил меня. Стоит ли врать?

– Ручная работа.

– Это не может быть ручной работой, – обрезал он и достал вторую грамоту из внутреннего кармана.

– Пойдемте, – произношу вымученно с мыслями, что кое – какие разбойничьи морды получат по лицу.

Повела на чердак. Показала трафареты и черновики. Смуглый Милан с выпученными серыми глазами изучал мое предприятие минут сорок, забыв о собственном предостережении, что надо спешить. Я уже прикинула, что до замка Ролана на лошади ночью ехать около часа в одну сторону.

Присел на стул, убрав в сторону холсты.

– Значит, ситуация такова, леди Валерия. – Начал серьезным тоном. – Через неделю у герцога Нестора Ирнского бал. На котором вы обязательно должны присутствовать. Своим обаянием и интересными историями вы завоюете сердца многих мужчин. В соперничестве их найдете себе выгоду. А дальше, попытаете счастье с женихом и покровителем. Ведь в браке нет ничего дурного. Это наша природа – продолжать род. Будет у вас муж из высоких лордов, тогда никто не осмелится покушаться на земли Балейских…

– Что вам с этого?

– Вы останетесь моим другом, – прожимает плечами. – Я познакомлю вас с маркизом Эрихом. Возможно, вы сумете подсказать ему важное в его делах. Уверен, ваши советы будут очень ценны. А секретный союз поможет нам побеждать общих недругов.

– И это все? Без постели с маркизом? – Уточняю прямо. – Думаете я не знаю, как заманивают юных дев. Ты такая умная, мне так нравится общаться с тобой и внимать твоим советам. А как постель прошла, все. Мужчины в этом деле видят соревновательный процесс. Уши развесила и попалась. Я не из таких.

– Умны не погодам, – усмехнулся Милан и поднялся. – Раньше утра Юджин не узнает о блефе. Мои люди позаботятся об этом. А

вам, леди Валерия, рано утром нужно отправляться прямиком во дворец к Герцогу. Приглашение передадут уже там мои доверенные лица. Карета заготовлена, сопровождающий в вашем полном распоряжении...

– Вы заранее знали, что так будет! – Меня осенило.

– Подготовился на все случаи, – пожал плечами. – Знаете, леди Валерия, у вас все шансы очаровать любого из четырех сыновей герцога.

– А у меня есть выбор?

Снова пожал плечами. И вскоре покинул мой дом, умчался на лошади в наплывающий навстречу мрак.

Милан оказался не простым рыцарем. Вижу, он многое скрывает. Но его помощь была как нельзя кстати.

Быть невестой на балу? Об этом мечтает каждая девушка. Возможно, у меня появится мужчина, который мне будет нравиться. Но придется исходить из другого при выборе пары. Чем ближе к королю будет мой будущий избранник, тем лучше... И что не сделаешь ради сестры?! Готова пожертвовать и своим счастьем.

Да что я говорю? В моем сердце лишь один... и он не человек.

Конец первой книги.

Доминика Арсе
Хозяева Земли
цикл романов о попаданке в другие миры